

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Е.А. Молев

ВЛАСТИТЕЛЬ ПОНТА

МОНОГРАФИЯ

Издательство Нижегородского университета
Нижегород
1995

**ББК ТЗ /0/ 324.5.
М 75.**

Рецензенты доктор исторических наук *Масленников А. И*
доктор исторических наук, профессор *Строгачев В.М*

М 75 Молев Е.А. **Властитель Понта**. Монография. Н Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. С. 144

Книга посвящена одному из самых замечательных политических деятелей эпохи позднего эллинизма - понтийскому царю Митридату VI Евпатору и представляет очерк военно-политической истории его царствования. Автор обобщает результаты новейших исследований в области истории Понтийского царства, рассматривает ряд вопросов, связанных с происхождением царской династии и государства, затрагивает наиболее спорные проблемы хронологии, вводит новые эпиграфические и нумизматические источники, полученные в результате археологических исследований в Северном Причерноморье.

Книга рассчитана на историков, студентов исторических факультетов ВУЗов, любителей истории древнего мира, учителей школ и гимназий.

М 0503010000 - 263
М 187 /03/ - 95

ББК ТЗ /0/ 324.5.

ISBN 5-230-04333-4

© Молев Е.А. 1995

NIZHNY NOVGOROD STATE UNIVERSITY
Name after N.I. Lobachevsky

E.A. Molev

THE SOVEREIGN OF PONTOS

MONOGRAPH

Published by Nizhny Novgorod University
Nizhny Novgorod
1995

Molev E.A. **The Sovereign of Pontos**. Monograph. Nizhniy Novgorod. 1995.

The work is devoted to one of the most significant persons of the Late Hellenism — the Pontian king Mithridatos VI Eupatoros, and presented the result of long-term research of the problem of Late Hellenism in Northern Black Sea Region conducted by the author. The research was begun with the studying of the ways of creation of united Kingdom under Mithridatos VI Eupatoros (the results were published by the author in 1974 as monograph "Mithridatos VI Eupatoros. The Creation of the Pontian Kingdom"). The continuation of the research allowed to reconstruct some moments of Mithridatos' rule, to make the problem of the origin of the Dynasty and the time of the setting in the Kingdom more precise as well as the chronology of Pontian Kingdom before Mithridatos VI.

The problem of creation of the Bosporos State and it's role in the struggle againsts Rome are enlightened more fully. It is possible to say the same about the questions of inner relations of the parts of the Kingdom. The base the ressearch contains not only written sources, but archaeological materials as well. The author also investigates a number of epigraphic sources found in Northern Black Sea Region last years.

The work presents one of the biggest books on the questions of the Bosporian political history and the person of Mithridatos VI in Russian scientific literature.

***Посвящается светлой памяти
Нонны Леонидовны Грач.***

*"Вот посмотри на того, кто, царством могучим владея,
Славою был вознесен выше чертогов небес
Это он целый мир потряс жестокой войною,
Много племен и царей в Азии сокрушил
Он и тебе уже, Рим, готовил тяжелое рабство,
Так как уж все сражено было героя мечом
Но неожиданно, мчась в господство решающую битву,
Был он сражен и навек изгнан с родимой земли
Вот она мощь божества одним незаметным движеньем
Стучай неверный решил смертную долю его "*

Вергилій (пер О Я Неворова)

ВВЕДЕНИЕ

Ни одна эпоха античной истории не породила так много выдающихся личностей, как эллинизм. И это вполне естественно. На смену небольшому государственному образованию — полису, представляющему собой государство коллектива граждан, после смерти Александра Македонского приходит территориальная монархия. Разумеется, и в период эллинизма ход истории определялся взаимодействием различных социальных факторов. Но именно тогда заметно возросла роль личности. Это особенно бросается в глаза в отношении глав государств. Воздействие сильных и энергичных правителей на судьбы эллинистического мира было порой столь велико, что в глазах современников и даже писателей отдаленных эпох они ставились в один ряд с богами и героями. О них слагались легенды. Одним из таковых был понтийский царь Митридат VI Евпатор (132-63 гг. до н.э.).

Немногим героям античного мира была суждена столь долгая популярность. В исторических трудах, произведениях искусства и литературы спустя много десятков и сотен лет после его гибели авторы пытаются снова и снова осмыслить противоречивый и сложный образ понтийского царя. Удивительное сочетание необузданного своеволия, коварства и жестокости с утонченностью эллинской культуры, а главное колоссальная энергия Митридата, возглавившего борьбу против владычества римлян, поражали современников и даже врагов. Один из крупнейших политических деятелей того времени Марк Туллий Цицерон в своих речах называет Митридата величайшим из царей, с которыми воевал римский народ, и сравнивает его с Александром Македонским.

В отличие от последнего Митридат прожил довольно долго, но как и у Александра, вся его жизнь была заполнена борьбой. Сначала — за свое собственное существование, затем — за укрепление и сохранение своего государства. Став царем, когда ему едва исполнилось одиннадцать лет, Митридат был вынужден бежать из своего дворца и в течение семи лет вести жизнь изгнанника. Вернувшись к власти, он в короткое время подчинил обширные области на Кавказе, в Северном и Западном Причерноморье, а затем и в Малой Азии. Его царство стало основной силой на эллинистиче-

ском Востоке. Агрессивная политика римлян в Малой Азии создавала постоянную угрозу владениям Митридата. Подготовка к войне с этим главным своим противником и борьба с ним стали делом всей жизни Митридата.

Наши сведения о Митридате и его царстве далеко не полны и не равноценны. Будучи ярким противником Рима, он не мог получить объективную оценку в трудах римских историков. А большинство сведений о Митридате сохранилось именно в римских источниках! С другой стороны, его придворные историки, несомненно, преувеличивали заслуги своего царя, и, вследствие этого, их информация также не может считаться вполне надежной. Наиболее достоверные факты биографии Митридата и его времени содержатся в трудах греческих историков Страбона, Аппиана и Мемнона. Эти авторы, хотя и жили в то время, когда Греция находилась под властью Рима, были далеки от идеализации римской политики и отдавали должное Митридату, которого считали, в некотором роде, героем борьбы за свободу эллинистических государств от римского владычества.

Активное участие в этой борьбе приняли античные государства и племена Северного Причерноморья. Одни из них — Ольвия, Херсонес, Боспор — поставляли материальные ресурсы для царя Понта; другие — скифы и сарматы, колхи, бастарны и прочие племена — давали ему воинов. Важнейшие сведения об этом времени дают результаты археологических исследований. Краткие, но точные, не вызывающие сомнений своей правдивостью, строки декретов и посвячительных надписей, памятники нумизматики, архитектуры и скульптуры и многое другое, позволяют сделать вывод о важной роли северных владений Митридата, как в его борьбе с Римом, так и в жизни Понтийского царства вообще. В свою очередь антиримские войны Митридата активизировали интерес к Северному Причерноморью политических деятелей античного мира и писателей.

Митридат погиб в Пантикапее, столице Боспорского царства. Территория Боспора на протяжении многих веков не раз становилась объектом завоеваний различных племен и народов. Но из поколения в поколение здесь передавались легенды об этом бесстрашном воителе. В памяти потомков боспорян сложилось убеждение, что Митридат не только погиб на вершине акрополя Пантикапея, но и был похоронен там. Поэт Георгий Шенгели, родившийся и выросший в Керчи (древнем Пантикапее), писал:

Безмолвный храм Тезея на холме.
И выше всех в багряной мгле заката,
Над пропастью на каменном яре
Гранитный холм — могила Митридата!

И хотя это не так (он похоронен в Синопе), память о Митри-
дате жива здесь и поныне. Гора, на склонах которой некогда тер-
расами возвышался Пантикапей, носит его имя. Давайте и мы по-
пытаемся пройти вместе с нашим героем по его пути, еще раз
вспомним то далекое время, многие уроки которого не потеряли
своей актуальности и по сей день.

ПОТОМКИ АХЕМЕНИДОВ

Неожиданная смерть Александра Македонского положила начало новому этапу в истории античного мира. В результате борьбы наследников и полководцев Александра возникают многочисленные новые и по своему политическому устройству, и по экономическому укладу жизни государства. Многие из них распадались так же быстро, как и возникали. Немногим странам и династиям удалось сохранить свою независимость на протяжении 200 лет. Среди них было Понтийское царство с Ахеменидской династией Митридатов.

"Когда, немного спустя, македоняне стали восставать друг против друга, то Антигон стал править Сирией, изгнав оттуда Лаомедонта; при нем был перс царского рода Митридат. Антигон видел сон, что он золотом засекает равнину, а Митридат сжал это золото и ушел в Понт. Поэтому он решил арестовать и убить его, но Митридат вместе с шестью всадниками бежал и укрепился в каком-то местечке Каппадокии; так как македоняне были заняты этими междоусобными войнами, то много народу пришло к Митридату и он захватил не только Каппадокию, но и соседние племена по Понту. Сильно увеличив свою власть, он передал ее своим детям, которые царствовали один за другим, вплоть до шестого Митридата, который вступил в войну с римлянами." Так рассказывает греческий историк Аппиан Александрийский о возникновении Понтийского царства (App., Mithr., 9).¹

Спасаясь от угрожавшей ему гибели, Митридат не случайно бежал именно в Каппадокию. Эти места еще не были затронуты македонскими походами, и население продолжало считать себя подданным персидской династии Ахеменидов. Как представитель этой династии, Митридат вполне мог рассчитывать на поддержку каппадокийцев. И он не ошибся.

Захватив небольшую, но хорошо укрепленную крепость Кимияту у подножья горы Олассы (Strabo., XII, 3, 41), Митридат сделал ее своей опорной базой. Подчинив ряд соседних поселений и племен, он вскоре умер. Согласно вышеприведенному свидетельству Страбона и сообщению Псевдо-Лукиана он был прозван Кτισ-том-Основателем и умер в возрасте 84 лет.² Однако фактическое

создание государства и утверждение его среди окрестных монархий выпало на долю его сына, носившего, как и отец, имя Митридат.

Митридат II сумел в короткий срок подчинить себе ближайшие пафлагонские и каппадокийские племена. Территория его владений включала в себя плодородную долину реки Ириса в северной Каппадокии и реки Амниады в Северной Пафлагонии³. Столицей государства стал город Амадея на реке Ирисе. Выхода к морю Понтийское царство не имело. Окруженное молодыми и достаточно сильными государствами, оно, естественно, должно было обратить внимание на береговую полосу Черного моря, где были расположены богатые греческие города, представляющие собой самостоятельные полисы после распада персидской державы. Через эти города шел основной поток торговой продукции Понта на внешние рынки. А увеличение объема торговли причерноморских городов с внутренними районами Малой Азии в период эллинизма, связанное с созданием здесь новых государств, не могло не вызывать стремления у понтийских царей использовать в своих интересах доходы от этой торговли. К тому же подчинение греческих городов побережья давало Понту важные политические и военные преимущества. Обладающие прекрасными гаванями и надежными укреплениями, они могли стать хорошими базами армии и флота Митридатидов. Торговые связи южнопонтийских городов почти со всеми районами Причерноморья давали возможность распространить на них и политическое влияние Понта.

И Митридат II начинает действовать в этом направлении. Он устанавливает дружественные отношения с Гераклеей и принимает посольство этого города, искавшего союза с ним в борьбе против Селевка Никатора (Memn., XI, 1-2). Союз был в интересах обеих сторон. Но для Митридата он был особенно важен: отбив недавнее нападение Селевка (P. Trog., Prol., 17; Diod., XX, 111, 4) и выступая в образе защитника интересов греческих городов, он мог в дальнейшем рассчитывать на их относительно мирный переход в его подданство.

Митридат не преминул воспользоваться представившимся случаем показать свои филэтипские симпатии. Союз, к которому присоединились города Киус и Тия, а также царь Вифинии Зибоет, был заключен в 280 г. до н.э.⁴ Заключением этого союза, получившего название "Северная лига", Митридат укреплял самостоятельность своего еще небольшого государства и приобретал известное

влияние в городах побережья как защитник от притязаний македонских полководцев.

Результаты этого первого успеха не замедлили сказаться. Уже спустя два года правитель Амастрии Эвмен передаст свой город сыну Митридата Ариобарзану. Амастрия стала первым городом черноморского побережья, вошедшим в состав Понтийского царства.⁵ Передача города Ариобарзану была для Эвмена, скорее всего, вынужденной необходимостью. Имея в своих руках сравнительно небольшой город, он, по-видимому, стоял перед дилеммой подчинения Гераклею или Понту, в равной мере претендующих на Амастрию. Своих сил для сохранения самостоятельности у Эвмена, очевидно, было недостаточно. Выбирая из двух зол меньшее, он передает свой город наследнику царя Понта; такая передача позволяла ему рассчитывать на частичное сохранение своего прежнего высокого положения в обществе, чего трудно было ожидать в случае перехода Амастрии под власть Гераклея, города с демократическим управлением. Забегая вперед, отметим, что аналогичное явление мы наблюдаем в конце II в. до н.э., когда царь Боспора Перисад V был вынужден передать свою власть одному из претендентов на его престол, а именно, Митридату Евпатору.

Уже вскоре после подчинения Амастрии царям Понта пришлось силой отстаивать свои права на Черноморское побережье. Греческий писатель III в. до н.э. Аполлоний из Афродисии сообщает о военной экспедиции египетского царя Птолемея Филадельфа на Черноморское побережье Малой Азии. Экспедиция была наголову разгромлена понтийскими войсками, поддержанными галатами. Это произошло в 275-270 гг. до н.э.⁶ Блестящая победа понтийских войск привела к тому, что экспедиция Птолемея Филадельфа оказалась последней попыткой преемников Александра Македонского укрепиться на Черном море. Отныне этот район был предоставлен самому себе. Расположенные на берегах Понта Эвксинского города и государства вплоть до I в. до н.э. развивались самостоятельно, без активного вмешательства извне.

Присоединение Амастрии не изменило взаимоотношений Понта с античными городами побережья. Они оставались дружественными для обеих сторон. Ариобарзан умер в 250 г. до н.э. во время войны с галатами. Его наследник Митридат III был в это время еще ребенком. Пользуясь этим обстоятельством, галаты стали безнаказанно опустошать территорию Понта. Их набеги привели к разорению полей и голоду в стране. В тот момент, когда решался вопрос о самом существовании Понтийского царства, на помощь

ему приходит его соперник в борьбе за Амастрию Гераклея Понтийская. Жители Гераклеи стали отправлять продовольствие для понтийцев в Амис, откуда подданные Митридата III могли его легко получить. Амис был связан со столицей Понта Амасией единственно удобным в Малой Азии путем, который с древнейших времен использовался для торговли жителями южных и северных районов Малой Азии. Помощь гераклеотов жителям Понта показывает, что первые понтийские цари сумели хорошо зарекомендовать себя в глазах граждан греческих городов как защитники их интересов. Участие Амиса в доставке продовольствия понтийцам позволяет предполагать и некоторую зависимость этого города от понтийских царей. Через него осуществлялись основные экономические связи внутренних районов Малой Азии с эллинским миром. Расположенный в конце торгового пути Тарс-Амис, город в большой степени зависел от дружественного расположения понтийских царей. Эта зависимость в сочетании с филэллинской политикой понтийских Ахеменидов вела в конечном счете к постепенному подчинению города власти Понта. Точное время этого подчинения неизвестно. Поскольку с 220 г. до н.э. Митридат III переходит к политике насильственного подчинения античных городов побережья, а сведений о военном подчинении Амиса или хотя бы о военных столкновениях между ним и Понтом мы не имеем, надо полагать, что подчинение Амиса произошло между 230 и 220 гг. до н.э. Уже на монетах первой половины III в. до н.э., выпущенных в Амисе, появляются монограммы, аналогичные монограммам понтийских царей⁷.

Укрепившись на троне, Митридат III первоначально попытался расширить свои владения чисто династическими методами. Он женился на сестре Селевка II Лаодике и получил в приданное за ней Великую Фригию. Однако после нескольких лет междоусобных войн различных претендентов на трон Селевкидов Митридат лишился своих приобретений. Как только выяснилась бесперспективность дальнейшей борьбы за расширение государства внутри Малой Азии, он обращает свое внимание на север. Здесь в окружении его земель находился большой греческий город Синопа. "Синопа, благодаря самой природе, а также людской заботливости, прекрасно устроенный город. Он расположен на узком месте полуострова, имеет по обеим сторонам перешейка гавани, стоянки для кораблей. Особенно отличаются предместья города. Город хорошо укреплен, снабжен прекрасной гимназией, рынком и блестящими портками." Так описывает Синопу географ I в. до н.э. Страбон

(XII, 3, 11). Имеющий мощные укрепления с суши и с моря, располагающий могучим военным флотом, этот город был к тому же одним из крупнейших экономических центров Причерноморья.

Во "Всеобщей истории" Полибия, историка II в. до н.э., сохранился рассказ об осаде Синопы Митридатом III (IV, 56). Война началась в 220 г. до н.э. Имея многочисленную наемную армию, Митридат III надеялся на полный успех, и, прежде чем начать военные действия, по-видимому, попытался принудить синопейцев к подчинению мирным путем. Предупрежденные таким образом о намерениях царя синопские граждане сумели хорошо подготовиться к осаде. Война показала слабость военной организации Понта.⁸ Его армия оказалась неспособной ни к штурму, ни к правильной осаде, ни к блокаде вражеского города. Привыкшие к сражениям в полевых условиях (до сих пор понтийской армии не приходилось осаждать крупные города), наемники не были подготовлены к штурму Синопы и после первого же неудачного приступа, скорее всего, не предпринимали попыток овладеть городом открытой силой. Для длительной же осады армия не располагала необходимыми осадными орудиями. Для полной блокады города был необходим военный флот, которого у Митридата III не было. Да и моральный дух наемников не способствовал, обычно, мероприятиям такого рода. Синопейцы же не только укрепили стены города, но и вырыли рвы и построили палисады. По всему побережью на местах, удобных для высадки десанта, они расположили сторожевые отряды и организовали постоянное снабжение города продовольствием и военным снаряжением. Помощь со стороны других античных городов-государств (особенно со стороны Родоса) позволила им вести не только оборонительную, но и активную наступательную войну. По-видимому, им удалось нанести несколько сильных ударов по армии Понта в самых неожиданных для нее местах. Активные действия синопского флота вынудили Митридата III отказаться от намерения овладеть Синопой. И впоследствии, в течение почти сорока лет, ни он, ни его преемник не решались повторить нападение на город.

Фарнак I, преемник Митридата III, вступил на престол в то время, когда в Малой Азии появились римские легионы, победы которых над сильнейшими государствами эллинистического мира существенно подняли авторитет Рима в Малой Азии. Отныне активное выступление правителя любого государства на полуострове всегда могло быть обжаловано в Риме. К тому же такие государства как Родос, Пергам, Каппадокия стали активными провод-

никами римской политики на Востоке и любое столкновение с ними было опасно, ибо могло вызвать вмешательство Рима.⁹

Теперь царю Понта нужно было быть еще более тонким политиком, чтобы суметь расширить свои владения и при этом не испортить отношений с Римом. Первоначально Фарнак попытался достичь своих целей в союзе с царем Вифинии, выступив против Пергама (Pol., XXIII, 1, 4; 3, 1; Liv., XXXIX, 4, 6; Just., XXXII, 4, 23). В этой войне (186-183 гг. до н.э.) на стороне вифинского царя Пруссия воевал прославленный карфагенский полководец Ганнибал (P. Trog., Prol., 32). И тем не менее союзников ждала неудача.¹⁰ Это вынудило Фарнака изменить свои планы.

Он попытался действовать самостоятельно и наверняка. Ближайшей возможностью расширения территории Понта был захват Синопы. Опыт предшествующей попытки захвата города показывал, что это непростая задача. Но, с другой стороны, Синопа не могла рассчитывать на быстрое получение помощи со стороны других государств Малой Азии и греческих полисов, которые в ряде вопросов конкурировали с Понтом. Для этого нужно было какое-то время. И чтобы не дать своим вероятным противникам этого времени, Фарнак захватывает Синопу без предупреждения и объявления войны внезапным ударом (Strabo., XII, 3, 11). Подобное действие Фарнака, обеспечившее ему успех, послужило основанием для Полибия назвать его "беззаконнейшим из царей" (Pol., XXVII, 17). Но это будет потом, а в настоящем Фарнак продолжал действовать аналогичным образом и не стеснялся в средствах для достижения поставленной цели.

Быстрое решение вопроса о подчинении Синопы стало прологом к его дальнейшим успехам. С целью закрепления города за собой он немедленно направляет посольство в Рим, чтобы убедить могущественного западного соседа в отсутствии у него враждебных намерений и попросить рассмотреть этот вопрос самим римлянам. Однако прибытие названного посольства Фарнака почти одновременно с послами Родоса и Пергама привело к затягиванию решения дела. Римляне не имели прямых связей с Синопой и подчинение ее царю Понта в их глазах ничем не грозило Риму. Но, чтобы поддержать свой авторитет в глазах союзников, сенат отправил своих представителей в Малую Азию для "рассмотрения дела синопейцев и несогласий между царями". За время, прошедшее с момента отправки посольства в Рим и до прибытия римских представителей, Фарнак сумел хорошо подготовиться к войне. Он привлек на свою сторону царя Малой Армении Митридата¹¹,

уступив ему Трапезунт, пафлагонского царька Гайзаторикса и галатского тетрарха Карсигната. Это позволило ему довольно независимо вести себя во время переговоров с римлянами. Возможно, он даже потребовал каких-то дополнительных уступок от своих противников, что нашло свое отражение в докладе сенату вернувшихся из Азии посланников. "Послы докладывали, что действия Эвмена (царя Пергама) правильны, а Фарнак проявляет корыстолюбие и паглость", — пишет Полибий (XXIV, 1, 2). Интересно, что в докладе послов Синопа даже не упомянута. Это, с одной стороны, подтверждает незаинтересованность римлян в этом вопросе¹², с другой стороны, новые требования Фарнака, по-видимому, были настолько значительными, что после их оглашения противники Понта постарались в первую очередь оградить себя от новых притязаний Фарнака и не очень настаивали на возвращении свободы Синопе.

Фарнак же вскоре после отъезда римских послов в подкрепление своих требований совершил походы на Пафлагонию и Галатию. Эти походы имели целью продемонстрировать его силу накануне решительного столкновения. Кроме того, следовало укрепить влияние Понта в этих областях, которым в недалеком будущем предстояло стать театром активных военных действий двух враждебных группировок. Во время этих походов Фарнака решительных сражений, однако, не произошло. Противники Понта еще не были готовы к ним и поспешили заключить перемирие с условием передачи спорных вопросов на суд Рима. Последовало вторичное посольство римлян в Азию. На этот раз вопрос о Синопе не поднимался. Полибий, лучше других историков знавший и описавший деятельность Фарнака, ничего не говорит больше о Синопе. И в самом деле, теперь гораздо важнее стала проблема политического влияния в Пафлагонии и Галатии.

Внезапный захват Синопы и отвлечение внимания противников от этого события выдвижением новых требований практически сделало Синопу неотъемлемой частью Понтийского государства. Выступления в ее пользу противников Понта показывают, что она была лишь картой в их политической игре. Наглядный пример тому — поведение родосцев. Как мы помним, они оказали самую активную поддержку Синопе во время ее столкновения с Митридатом III. Едва Фарнак захватил город, как родосцы отправили посольство в Рим с целью добиться возвращения городу свободы. Однако стоило Эвмену Пергамскому активизировать военные действия против Понта, установив блокаду черноморских

проливов, как родосцы немедленно выступили против Эвмена и тем самым оказали косвенную поддержку Понту. Естественно, после такого выступления они уже и не пытались выступать ходатаями за предоставление свободы Синопе. Для правителей же Вифинии, Каппадокии и Пергама, которым приходилось думать о сохранении собственных владений от притязаний понтийского царя, этот вопрос никогда и не был первостепенным.

Не дожидаясь решения римского сената по поводу новых требований Понта, Фарнак осенью 182 года до н.э. вновь начинает военные действия. Его полководец Леокрит опустошает Галатию и захватывает пограничный с Вифинией город Тиос, где истребляет сдавшихся пленных. Сам Фарнак действовал против Каппадокии. Успехи его в борьбе с поборниками римского влияния на Востоке привлекли на его сторону сирийского царя Селевка IV, который со своим войском выступил ему на помощь (Diod., XXIX, 24). По категорическому требованию римлян Фарнак опять начинает переговоры со своими противниками. Однако и на этот раз они оказываются безрезультатными. Война продолжалась еще два года. В ходе ее противникам Понта (не без римской, конечно, помощи) удалось отвлечь от союза с Понтом все государства, кроме Малой Армении. В результате этого и неожиданно нанесенного ему удара со стороны союзников Фарнак вынужден был пойти на заключение мира, который в целом был для него менее выгодным, чем можно было ожидать. Но и противники Понта не добились первоначально поставленных целей. Они были не менее Понта истощены войной, и как только Фарнак прислал к ним послов для переговоров о мире, они немедленно отправили к нему свои посольства и заключили мир. В мирном договоре ни слова не говорится о Синопе. С молчаливого согласия противников Понта она была признана составной частью Понтийского царства. Несмотря на неудачный в целом исход войны, это был успех, и не единственный. В конце войны Фарнак заключил договоры о дружбе и взаимопомощи с Херсонесом и Одессом. В мирном договоре Фарнака и его противников упоминаются античные города Гераклея, Мессембрия, Херсонес и Кизик, как союзники Фарнака. Гераклея была союзницей Понта еще со времен Митридата II. Союз этот был закреплен в ходе совместной войны против галатов. Можно думать, что Гераклея, в ряде вопросов соперничавшая с Вифинией — одним из противников Понта, — если и не выступила открыто на стороне последнего, то, во всяком случае, придерживалась дружественного нейтралитета по отношению к Фарнаку.

Обнаруженный при раскопках в Херсонесе договор этого города с Фарнаком также подтверждает дружественные отношения между Понтом и Херсонесом (IPE, 12, № 402). Время его заключения стало поводом для пересмотра даты установления понтийско-херсонесского союза С.Ю. Сапрыкиным¹³. Автор считает, что эра Фарнака, упомянутая в декрете, начиналась с 336 г. до н.э. с приходом к власти Дария III Кодоманна, потомка Отана. И принятие этой эры делало Митридатидов законными правителями Понтийской Каппадокии и Пафлагонии. Идея интересная, но трудно доказуемая. Во-первых, из текста декрета вовсе не следует, что счет времени введен в Понте именно Фарнаком. Выражение "как считает царь Фарнак" для херсонеситов в их декрете могло означать, что такой счет времени вообще существовал в Понтийском царстве. Во-вторых, введение отсчета времени от начала правления Дария III для обоснования законности своих претензий на власть в регионе очень сомнительно. Этот царь ничем не прославился среди народов Малой Азии, проиграл войну с Александром Македонским, который, кстати, тоже пришел к власти в 336 г. до н.э., и, наконец, имел своих законных наследников — детей, брата; последние, будучи современниками первых Митридатидов в гораздо большей степени могли претендовать на роль наследников Ахеменидов. Все это заставляет с сомнением отнестись к попытке пересмотра начала эры Фарнака.

Дружественной по отношению к Понту политики придерживались Кизик и Мессембрия. Ближайший сосед Мессембрии Одесс состоял в союзе с Фарнаком, что засвидетельствовано находкой декрета в городе¹⁴. Мирный договор Фарнака и его противников включает в себя статью об отмене договоров Понта с галатами. Этот пункт был призван ослабить военные силы Понта, ибо из галатов, в основном, формировалась понтийская наемная армия. Однако понтийские цари быстро нашли гораздо более боеспособные контингенты наемников в лице греков. Таким образом, сам по себе этот пункт мирного договора в итоге не ослабляет, а существенно усиливает военные силы Понта.

Договоры Понта с античными городами Причерноморья стимулировали увеличение военных сил Понта, ибо эти города нуждались, прежде всего, именно в военной поддержке против притязаний соседних варваров, и именно эту поддержку клялись оказать им царь Фарнак: "Клянусь Зевсом, Землей, Солнцем, всеми богами олимпийскими и богинями: я всегда буду другом херсонесцев и, если соседние варвары выступают походом на Херсонес или на под-

властную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев и они призовут меня, буду помогать им поскольку будет у меня время..." — так гласит договор Фарнака с Херсонесом. В этом договоре интересно одно из условий его заключения — требование соблюдать дружбу с римлянами. Этот пункт свидетельствует о том, что Фарнак был вынужден считаться с Римом. Но он же может быть и свидетельством того, что понтийский царь пытался таким дипломатическим ходом обеспечить за собой уже завоеванное. Не исключено, что при этом он имел в виду и более широкие планы — прикрываясь личиной дружбы, накопить тем временем силы для будущей борьбы против Рима.

В результате четырехлетней войны Понта против Вифинии, Пергама и Каппадокии Фарнак приобрел Синопу — и распространил свое влияние на западный и северный берега Черного моря¹⁵. Нельзя не отметить целеустремленности и последовательности его действий. Фарнак ни разу не отклонился от выработанной им политики и тем самым заложил основы могущества Понта. При этом захваченная Синопа стала столицей государства, а внешняя политика государства стала вполне филиэллинской.

После окончания войны Фарнак строит в приморской полосе черноморского побережья ряд крепостей с целью защиты своих новых владений от пиратов. Наиболее значительная из них — Фарнакия, была построена между колониями Синопы Котиорой и Керасунтом в самом центре богатых рудных месторождений. Фарнакия стала основным опорным пунктом государства на востоке, взамен переданного Малой Армении Трапезунта.

Не отказался Фарнак и от традиции укрепления своего политического влияния путем династического брака. Согласно сведениям Аппиана (Суг., IV, 17) он женился на Нисе, сестре или племяннице сирийского царя Антиоха IV. Таким образом, Понт при Фарнаке стал одним из сильнейших государств Малой Азии.

После смерти Фарнака правит его брат Митридат IV, прозванный Филопатор-Филадельф (170-150 гг. до н.э.). Его правление было последней относительно мирной передышкой для Понта. Судя по замечанию Полибия, около 156/55 г. до н.э., он, тем не менее, тоже принял какое-то участие в войне между Вифинией и Пергамом (XXXIII, 12, 1). Посвящение этого царя на Капитолии показывает, что он, как и его брат, старался подчеркнуть свое расположение к Риму и, тем самым, обеспечить возможность проведения хоть в какой-то мере самостоятельной политики.

К прежним активным действиям по расширению границ своего государства возвращается его наследник, сын Фарнака Митридат, прозванный Эвергетом (150-122 гг. до н.э.)¹⁶. Его войска участвуют в третьей пунической войне и подавлении восстания Аристоника. Активная дипломатическая деятельность понтийского царя в Пафлагонии, подкрепленная его военными успехами, приводит к тому, что царь Пафлагонии Пилемен назначает его своим наследником. Воспользовавшись междоусобиями в Каппадокии, Эвергет занял ее своими войсками, и браком дочери Лаодики с царем Ариаратом Епифаном обеспечил себе значительное влияние в государстве. За участие в подавлении восстания Аристоника Рим обещал Митридату Великую Фригию. За получение ее Митридат хорошо заплатил римскому полководцу. Но по предложению Гая Гракха эта территория была возвращена в состав Пергама, тогдашней римской провинции Азия.

Успехи Митридата Эвергета в его внешней политике в значительной степени зависели от его внутривластной деятельности. Он гораздо более своих предшественников сумел понять и оценить роль эллинского элемента в укреплении мощи понтийского государства. При нем двор понтийских царей приобретает почти полностью эллинский облик. Теперь уже было очевидно, что дальнейшее независимое существование Понта будет возможно только в том случае, если он сможет противостоять римскому натиску. Благоустроявая греческие города государства и увеличивая свои жертвоприношения в храмы Делоса и Афин, Эвергет объединял, тем самым, вокруг себя наиболее достойных противников Рима. В военном отношении греки в то время были вторым после римлян народом.¹⁷

Большой интерес представляет собой краткий рассказ греческого географа Страбона о деятельности Дорилая Тактика, стратега и доверенного лица Митридата Эвергета. Отметив, что Дорилай был опытным военным и близким другом царя, Страбон сообщает, что он занимался набором наемников в городах Греции, Фракии и на Крите. После смерти Эвергета, погибшего от руки сторонников Рима, Дорилай не вернулся в Понт. Очевидно, он был не только другом, но и активным помощником царя в деле укрепления независимости Понта и поэтому имел все основания опасаться за свою жизнь при возвращении в Синопу, где в это время правили сторонники Рима, возглавляемые царицей Лаодикой. Очень любопытно, что человек, имеющий столь высокое положение в государстве, занимался таким, казалось бы, незначи-

тельным делом, как вербовка наемников. По-видимому, здесь играли определенную роль и другие цели, а именно: разведка возможного театра военных действий в будущем и приобретение новых союзников. Для решения этих задач Дорилай имел как необходимые знания, так и достаточно высокое положение в иерархии Понтийского государства. Набор же наемников мог служить хорошей маскировкой истинных намерений Митридата Эвергета. Впоследствии, когда Понту пришлось вести открытую войну против Рима, театром военных действий стали именно те районы, где, в свое время, не раз побывал Дорилай Тактик. При этом часть фракийцев, эллинские полисы центральной Греции и критяне выступили союзниками Понта. Видимо, деятельность Дорилая Тактика по заданию Митридата Эвергета послужила первым этапом для подготовки успехов армий Митридата Евпатора.¹⁸

Жизнь Митридата V оборвалась неожиданно. По сообщению Страбона (X, 4, 10) Эвергет был изменнически убит в Синопе "друзьями", составившими против него вероломный заговор. Хотя источники прямо не говорят об этом, вся политическая ситуация в Малой Азии того времени свидетельствует о том, что эта смерть была в интересах римской политики на Востоке, и убийцы наверняка действовали по указанию римской агентуры.¹⁹

В какой-то мере, судя по последующим событиям, в этом убийстве была виновна и жена Эвергета Лаодика. Ее проримская политика, выразившаяся в уступке Риму обещанной Эвергету Великой Фригии, отказе от политического влияния в Каппадокии, Пафлагонии и Галатии, ослабление роли эллинов во внутривосточной жизни страны уменьшили влияние Понта в Малой Азии, но, тем не менее, не смогли существенно подорвать его силы.

Царица Лаодика строит себе новую резиденцию — Лаодикею. На монетах чеканится ее имя и изображение²⁰. Казалось, политика Рима в Понте восторжествовала. Однако традиции независимого существования, подкрепленные успехами развивающейся экономики, расширение внутривосточных торговых связей не могли не привести к восстановлению прежнего положения в политическом курсе страны. Понт, как единственный достойный наследник некогда могущественнейшей Персидской державы Ахеменидов, ждал лишь вождя, чтобы вступить, наконец, в открытый бой за свою независимость и гегемонию на Востоке. Этим вождем стал сын Эвергета Митридат Евпатор.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аппиан Митридатовы войны Сирийские дела // ВДИ 1946 № 4 С 239-288
2. Существует несколько версий о происхождении основателя Понтийского царства. Специально рассмотрев этот вопрос, я пришел к выводу, что таковым был Митридат, сын Арнобразана. См. Молев Е.А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатов // ВДИ 1983. № 4 Попытка С.Ю. Сапрыкина увидеть в нем Митридата, сына Митридата не выглядит убедительной, так же как и стремление автора возвести родословную Ктиса к одному из семи персов — Отану См. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство Автореферат докт. дисс. М., 1992. С. 18-18а Основные наши источники, упоминающие термин "Ктис" — Страбон и Псевдо-Лукиан, позволяют связать его только с Митридатом, сыном Арнобразана. Особенно ценно в данном случае сообщение Псевдо-Лукиана, ссылающегося на сообщение Иеронима, товарища Митридата Ктиса по оружию, хорошо знавшего его происхождение
3. Reinach T. Mithridate Eupator roi de Pont Paris 1890 P. 30 Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья М., Л., 1956. С. 173
4. Совершенно справедливо замечание С.Ю. Сапрыкина, что вхождение Митридата II в Лигу было "актом тонкой дипломатии", на самом же деле он стремился исключительно к собственной выгоде См. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический М., 1986 С. 126
5. По мнению С.Ю. Сапрыкина, еще раньше Митридат захватил Амасию См. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство Автореферат. С. 20. Однако это маловероятно и источниками прямо не подтверждается
6. Мнение о дате этой акции Птолемея Филадельфа расходится С.Ю. Сапрыкин предлагает датировать это событие 255/50 гг. до н.э. Однако упоминание в декрете основания галатских городов и неучастие в войне Вифинии заставляет отдать предпочтение датировке этого события, предложенной М.И. Максимовой См. Максимова М.И. Античные города С. 176.
7. Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques de l'Asie Mineure. P., 1925. Amisus № 8-11 (WBR)
8. Молев Е.А. Митридат Евпатор Создание Черноморской державы Саратов 1976 С. 12
9. Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // ВДИ 1949 № 3 С. 27
10. Robert L. Etudes anatoliennes Amsterdam 1970 № 1 P. 73; Allen R.E. The Attalid kingdom A Constitutional History Oxford 1983 P. 211.
11. Правитель Малой Армении Митридат по одной версии был сыном Антоха III (Agat., FGrH., 86 fr. 16, Liv., XXXIII, 19, 10), по другой — племянником (Pol., VIII, 23). Думается, что последняя версия ближе к истине. Мнение С.Ю. Сапрыкина о том, что Митридат принадлежал к числу побочных представителей династии Понтийских Митридатов и был дальним родственником Фарнака, учитывая династические браки с Селевкидами его предшественников, возможно справедливо, но прямо источниками не подтверждается. См. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук М., 1992. С. 126
12. Ср. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство Автореферат С. 12
13. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Автореферат С. 18-18а
14. Данов Х.М. Врзките на Понтийское царство с западного Черноморского крайбрежие споредь два новонамерени надписи // Известия на историческото дружество София 1937 XIV/XV С. 55
15. Молев Е.А. Митридат Евпатор С. 17.
16. Ломоурн Н.Ю. К истории Понтийского царства Тбилиси 1979 С. 68; Молев Е.А. Политическая история Боспора в период эллинизма Автореферат докторской

диссертации Нижний Новгород 1995. С. 8. Попытка С.Ю. Сапрыкина датировать смерть Эвергета 123/122 гг до н.э. на том основании, что начало первой войны Митридата Евпатора против Рима следует связывать с войной в Каппадокии с Суллой, противоречит информации античных авторов о начале таковой и не может быть принята. См. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство Автореферат. С. 25. Ср. Olshausen E. Das Königreich Pontos RE. Suppl. Bd. XV 1978. Sp. 426; Sherwin-White A.N. Opening of the Mithridatic War // Philias Kcharin 1980. P. 1981-1995; McGing B. The foreign Policy... P. 108f. Not 96.

17 Rostovtzeff M. Social and Economic History of the Hellenistic World Oxford. T. II. 1941 P. 935

18 Молев Е.А. Митридат Евпатор С. 19.

19 Reinach T. Mithridate Eupator roi de Pont P. 51; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство Автореферат С. 24

20. Принадлежность серебряных понтийских монет с легендой "басилисса Лаодика" (WBR. P. 12. Pl. 1, 12-14) матери Митридата Евпатора в настоящее время вызывает сомнения. Так, по мнению А. Шервин-Вайта, имя матери было "Ннса". См. Sherwin-White A.N. Roman foreign Policy in the East 168 B.C. — I A.D. Oklahoma. 1984. P. 96. Однако это тоже лишь одно из возможных предположений. Несомненно лишь ее принадлежность к сирийскому царскому дому (Just., XXXVII, 7, 1), где имя "Лаодика" было весьма популярно. Не случайно, видимо, именно так звали двух дочерей Митридата Эвергета.

ЮНОСТЬ МИТРИДАТА

Царь Понта Митридат VI, которому современники дали прозвища Евпатор и Дионис, а более поздние историки называли Митридатом Великим, был старшим сыном Митридата Эвергета. Его мать Лаодика была сирийской принцессой, которой, в результате междоусобной борьбы ее родственников, пришлось покинуть свою Родину и бежать в Рим. Вскоре после этого она вышла замуж за Митридата Эвергета. В момент смерти отца у Митридата было пять сестер и младший брат тоже Митридат. Старшая сестра Лаодика была выдана Эвергетом замуж за каппадокийского царя Ариарата Епифана. Позднее она стала женой вифинского царя Никомеда II. Вторая сестра тоже по имени Лаодика по персидскому обычаю, который переняли многие династии эллинистических государств, должна была стать женой наследника престола. О трех других сестрах — Роксане, Статире и Нисе, так же как и о младшем брате Митридате Хресте (Добром), не сохранилось почти никаких сведений.

Родился Митридат в Синопе в 132 г. до н.э., когда город этот уже фактически стал столицей Понтийского царства. Сохранилось несколько легенд о первых годах его жизни. Как рассказывает римский историк Юстин (XXXVII, 2,3), кометы величия и славы приветствовали его рождение и вступление на престол. По величине они занимали четвертую часть неба, а блеском своим затмевали солнечный свет. Другая легенда, как бы свидетельствующая о его божественном происхождении, гласит, что в раннем детстве Митридата в его колыбель ударила молния и зажегла его пеленки, точно так же как у бога Диониса. Огонь не причинил вреда ему, но с тех пор на лбу у него остался шрам, который он тщательно скрывал позднее под локонами волос.

Первоначально воспитанием юного царевича руководила его мать. Учился он, согласно царским обычаям той эпохи, с "друзьями детства", среди которых были и персы, и греки. Слияние персидских и эллинистических традиций в семьях эллинистической знати Понта особенно усиливается в период правления Эвергета. Этот факт оказал благотворное влияние на развитие Митридата. Он оказался не только красивым и сильным, но и высокоодаренным

ребенком. Одинаково хорошо занимаясь военными упражнениями, что было традиционным занятием персидской знати, он намного опередил своих соучеников в изучении греческой письменности, культуры, религии. Его несомненный талант оратора, способности к изучению языков своих многочисленных подданных (Митридат мог объясняться на двадцати двух языках), успешные занятия в области медицины — все это развилось впоследствии благодаря этим первым урокам и природным способностям.

До одиннадцатилетнего возраста жизнь Митридата протекала без особых забот. Однако гибель отца, в которой была замешана и мать царевича, резко изменила его судьбу. Согласно завещанию Эвергета наследниками престола становились оба царевича при регентстве их матери до совершеннолетия. Почувствовав в своих руках реальную власть, царица Лаодика не захотела расставаться с ней. В этом она не была оригинальна. Незадолго до этого в соседнем царстве Каппадокия вдова Ариарата Филопатра Ниса убила одного за другим пять своих сыновей, чтобы продлить свое правление. В Сирии вдова Деметрия II Клеопатра убила стрелой одного из своих сыновей, а других вынудила выпить яд, который сама же им приготовила. И такие примеры были в то время не редкостью. Лаодика была типичной представительницей своей эпохи, в которой, по образному выражению Т. Рейнака¹, царица убила мать и жену.

Ее сторонники постарались сначала хитростью избавиться от наследника Эвергета, совершенно справедливо видя в нем продолжателя дела его отца и деда. Царевича заставляли скакать на диком коне, подмешивали в пищу яд, но Митридат выдержал все испытания. Подобно Александру Македонскому, он прекрасно справлялся с необъезженными лошадьми. Садясь за пиршественный стол, он принимал противоядия. Но козни врагов усиливались, и, чтобы избавиться от них, Митридат покинул столицу. Под предлогом увлечения охотой он бежал из своего государства в Малую Армению, давнюю союзницу понтийских царей. В ее горах и диких лесах он обрел надежное убежище от своих врагов. Скрываясь в течение семи лет, он вел трудную жизнь изгнанника. Занятия охотой и почевки под открытым небом закалили тело Митридата, а постоянная перемена мест ночлега, страх перед возможным убийством из-за угла, сделали недоверчивой его душу².

Царь Малой Армении Антипатр, не имеющий, по-видимому, собственных прямых наследников, вскоре принял Митридата под свое покровительство. Он позаботился о его воспитании, а когда

Митридат достиг совершеннолетия, помог ему вернуть власть в ~~эт~~цовском царстве. При этом он добровольно передал ему и свои владения. В результате этой поддержки Антипатра Малая Армения сохраняла особое положение в составе Понтийского царства в течение всего правления Митридата Евпатора³. В отличие от других районов, захваченных им в разное время, которыми управляли наместники из числа "друзей царя", Малой Арменией перед первой войной против Рима управлял сын Митридата — Аркафий. Готовясь к войне с Римом, Митридат построил в Малой Армении многочисленные крепости, где хранил свои сокровища. Воины из малой Армении на первом этапе деятельности Митридата принимали активное участие в его походах. В конце II в. до н.э. они составляли гарнизон Ольвии, греческого города в устье современной реки южный Буг, на границе со Скифией и Сарматией.⁵

Находясь в изгнании, Митридат сохранял за собой царский титул, как старший сын Эвергета (Strabo, X, 4, 10). Ни его мать, ни брат этим титулом не пользовались, хотя по тому же сообщению Страбона были его соправителями. Это выглядит несколько странным, поскольку соправитель в эллинистических государствах по другим сообщениям античных авторов и (что особенно важно) в аутентичных им надписях, как правило, носит равный титул с тем, соправителем кого он является. Однако, как это прекрасно показал на примере Селевкидов Э.Бикерман⁶, младшие коллеги никогда не были на равных правах с монархом сувереном, и их изображения на монетах или имена в надписях либо отсутствовали, либо употреблялись без титула. Монеты же с изображением юного Митридата Евпатора чеканились в Понте и в его отсутствие в сголице⁷. Следовательно, в глазах населения государства и официальных властей пока он был жив, он оставался законным правителем с титулом "царь".

Возвращение Митридата в Синопу произошло около 113 г. до н.э. Детали этого события неизвестны. Несомненно, население греческих южнопонтийских городов приветствовало возвращение молодого царя, в котором видело защитника от римских торговцев и ростовщиков, уже начинавших прибирать к своим рукам всю торговлю на востоке. Бедственное положение городов, подвластных Риму, было наглядным примером того, что могло ожидать греческие города Понта в случае подчинения его Риму. Мать Митридата была заключена в темницу, где впоследствии умерла. Истинную причину ее смерти источники не сообщают.

Первое время Митридат царствовал вместе со своим братом Митридатом Хрестом, но вскоре, около 113 г. до н.э., брат был казнен, по-видимому, за участие в заговоре против Евпатора. По обычаю персов Евпатор женился на своей младшей сестре Лаодике и стал единоличным правителем в государстве. В то время ему было около 20 лет. Он был полон сил и энергии. Годы, проведенные в изгнании, показали ему насколько сильны и коварны его враги. Поэтому, не теряя времени, сразу после возвращения в столицу своего государства Митридат обращает все свои помыслы на восстановление могущества понтийской армии, совершенно справедливо видя в ней источник силы, способной не только обеспечить независимость проводимой им политики, но и придать ей активный, наступательный характер (Just. , XXXVII, 3, 1).

Владения Митридата были в то время невелики (карта 1) Это, прежде всего, Верхняя Каппадокия или собственно Понт, часть Пафлагонии до города Амастрии на западе и южное побережье Понта Эвксинского с богатыми греческими городами. Население государства было достаточно пестрым по своему этническому составу. И эта особенность Понтийского царства, несомненно, создавала немалые трудности для правителя, желающего укрепить могущество своего государства, поскольку любая попытка более активной опоры на представителей одной из национальностей неизбежно вела к различной степени конфронтации с другими. Но Митридат, как и его предки, не будучи представителем ни одной из групп местного населения, с самого начала рассматривал граждан своего государства только как подданных. В приморских городах его государства преобладали эллины, в центре каппадокийцы, на западе пафлагонцы, а на востоке, в районе Фарнакии — халлы. Уровень социального развития всех этих народов был различным. На высшей ступени развития рабовладельческих отношений находились причерноморские города, население же остальных районов было отсталым во всех отношениях⁹. Это связано со слабым развитием экономики внутренних районов Понта, за исключением, быть может, приморской полосы, богатой месторождениями железа у Фарнакии.

Иное дело города побережья! Уже во II в. до н.э. Синопа становится основным центром торговли на Черном море.¹⁰ Основная масса ее керамической продукции идет в восточную часть Северного Причерноморья. Синопский импорт III-I вв. до н.э. доминирует и в Колхиде. Несколько слабее были связи Синопы с западнопонтийскими городами, расположенными к югу от хребта Гем.

Со своей стороны, города всех этих областей направляют основной поток своей продукции в Синопу и другие приморские города Понта. Для большинства причерноморских городов II в. до н.э. характерен кризис их экономики. Торговля и ремесла приходят в упадок из-за частых военных столкновений с местными варварскими племенами. Единственным более или менее благоприятным экономическим фактором, обеспечивающим их существование, были внутривосточные торговые связи, среди которых первое место для большинства городов Северного, Восточного и Западного Причерноморья занимали связи с городами Понта. Фактически ко времени царствования Митридата Евпатора Понт стал экономическим центром всего Причерноморья. А это означало, что при наличии способного правителя Восточное царство могло встать во главе политического объединения всех причерноморских городов и областей.

Политическая ситуация на востоке античного мира в конце II в. до н.э. была такой, что именно Понт оказался притягательным центром для всего эллинистического мира.¹¹ Крупные эллинистические государства Сирия и Египет значительно ослабли вследствие внутренних смут. В Парфянском царстве также происходила борьба за трон. Армянские земли еще не были объединены в единое целое, и их правители не могли стать соперниками Восточного царя.

Господство римлян в провинции Азия, деятельность римских ростовщиков и публиканов привели к усилению антиримских настроений в этом районе. Кроме того, к концу II в. до н.э. римские купцы и ростовщики все более проникают в экономическую жизнь Вифинии, Каппадокии, Галатии и Пафлагонии, вызывая недовольство всех слоев населения этих государств. Проримская политика их правителей в сочетании со все возрастающей экономической эксплуатацией делала положение царей Вифинии, Каппадокии и Пафлагонии нестабильным. Любое их выступление против царя Понта, проводящего самостоятельную политику и покровительствующего эллинам, всегда могло найти противников внутри их собственных государств. Римляне же ничем не смогли бы помочь своим союзникам. Они были связаны тяжелыми войнами против галлов (125-118 гг. до н.э.), нумидийцев (111-105 гг. до н.э.), кимвров и тевтонов (113-101 гг. до н.э.).

С другой стороны, античные города Северного Причерноморья подвергались непрерывным нападениям скифов и сарматов¹². Западнопонтские города систематически разорялись бастарнами¹³. Воспыхивались столкновения между колхскими князьями и их набе-

ги на приморские города создают сходную ситуацию и в этом районе Причерноморья¹⁴. Просьбы о помощи поступали в Понтийское царство, очевидно, еще до прихода к власти Митридата Евпатора. Но правившая страной в то время мать Митридата, не без влияния Рима, отказывала в поддержке всем желающим ее получить.

У Митридата же решение этого вопроса не вызывало никаких сомнений. Уже вскоре после его возвращения двор понтийских царей, как при Эвергете, становится похожим на военный лагерь. Эллинские советники и предводители военных отрядов, ветераны Эвергета и "друзья" царя под его личным руководством занимаются спешной подготовкой армии и флота к предстоящим боям.¹⁵

Однако силы Понта в этот момент были еще невелики. Учитывая то, что скифы, воевать против которых приглашали Митридата херсонеситы (IPE, I². № 352), пользовались славой непобедимых, а армия Понта уже более семи лет не вела военных действий, Митридат принимает решение достичь берегов Таврики по суше, предварительно испытав свое войско в боях с менее сильным противником — княжествами колхов. Предварительные переговоры с херсонеситами, сведения о которых сохранились в одном из херсонесских декретов¹⁶, свидетельствуют о выработке новых соглашений Понта и Херсонеса, в результате которых понтийский царь становился простатом (защитником, правителем) Херсонеса.¹⁷

Не исключено, что такие же переговоры начались тогда же и с Боспором. В пользу такого предположения свидетельствует выпуск от имени Пантикапея монет, оборотная сторона которых копировала монетные типы Понта (шапки Диоскуров и рог изобилия¹⁸). Этот выпуск был предпринят незадолго до начала походов Диофанта и, по-видимому, наряду с другими факторами был следствием проявления пропонтийских симпатий населения боспорских городов¹⁹. Это обстоятельство, несомненно, влияло и на политику последнего представителя династии боспорских Спартокидов.

Так, подготовившись в политическом и военном отношении, Митридат начинает первую серию своих войн и походов, которые с небольшими перерывами тянулись в течение почти полусотни лет до самой его смерти.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1 Reinach T. Mithridate Eupator roi de Pont P 53

2 В последнее время у исследователей появились сомнения в реальности информации Юстина о факте семилетнего отсутствия Митридата на престоле. См Pfeiler H

Die Frühesten portraits des Mithridates Eupator ind die bronzeprägung seiner Vergungen// Schweizer Münzblätter. 1968. № 18. S. 75-76. Виноградов Ю.Г. Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С. 643-644; McGing B. The foreign Policy of Mithridate VI Eupator, king of Pontus. Leiden 1986. P. 43-44. Однако сомнения эти кажутся мне недостаточно обоснованными. См. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород 1994. С. 20-21. Есть также предположение, что Митридат провел годы изгнания не в Малой Армении, а на Боспоре. См. Немировский А.И. Митридат Евпатор. Боспор и восстание скифов//Византиноведческие этюды. Тбилиси. 1978. С. 69-70; Ломоурн Н.Ю. К истории Понтийского царства. С. 79-80; Нестеренко Н.Д. Союзный чекан Боспора и Понта во второй половине II в. до н.э.//Проблемы исследований античных поселений. Тезисы докладов. М., 1989. С. 85. Однако этот вывод основан лишь на логических умозаключениях и не подтверждается конкретными сведениями источников.

3. Молев Е.А. Малая Армения и Митридат Евпатор //Проблемы античной истории и культуры. Ереван. 1979. Т. 1. С. 186-187.

4. Виноградов Ю.Г., Кадеев В.И. Армянские лучинки на службе Митридата Евпатора //Второй всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван. 1984. С. 12, 13; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 254, 255.

5. Молев Е.А. Малая Армения и Митридат Евпатор. С. 189.

6. Бихерман Э. Государство Селевкидов М., 1985. С. 23,24

7. Pfeiler H/ Die Frühesten. . S. 75-77.

8. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. С. 21.

9. Jones A.H.M. The cities of the Eastern Roman provinces. Oxford 1937. P. 156.

10. Брашинский И.Б. Торговля //Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 180-182; Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата Евпатора //ПЭЭ. Тбилиси. 1985. С. 553.

11. Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Развитие межполисных отношений в античном Причерноморье в VI-I вв. до н.э.//МОПДЭ. Севастополь. 1992. С. 3,10; Кошеленко Г.А. Греция в эллинистическую эпоху//Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 159,160.

12. Щеглов А.Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128 и сл.; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 202;

Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 231 и сл.; Маслениников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Автореферат докт. дисс. М., 1993. С. 37

13. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города. М., 1952. С.153;

Молев Е.А. Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата VI//Terra antiqua Balcanica. Tirnovo. II. 1985. С. 286.

14. Лордкипанидзе Г.А. К истории древней Колхиды. Тбилиси. 1970. С. 128.

15. Reinach T. Mithridate Eupator roi de Pont. P. 55

16. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев. 1973. С. 16.

17. Молев Е.А. Митридат Евпатор... С. 29; Пальцева Л.А. Херсонес и понтийские цари// Античный полис. Л., 1979. С. 77; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 213

18. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI-II вв. до н.э. М., 1956. С. 203.

19. Молев Е.А. О понтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту// Проблемы античной истории и классической филологии. Тезисы докладов. Харьков. 1980. С. 43-44.

ЭВКСИНСКИЕ ВОЙНЫ

В конце II в. до н.э. Колхида представляла собой раздробленную страну со слабой центральной властью.¹ В приморской ее части располагались античные города. Остальная территория была разделена на отдельные скиптухи (области), управляемые практически самостоятельными правителями, власть которых, по замечанию Страбона (XI, 2, 18), была посредственной. Античные города побережья в случае войны Митридата с колхами становились естественными союзниками понтийского царя. Возможно, что они, подобно городам Таврики, тоже обращались за помощью к царям Понта, хотя документально это не засвидетельствовано. Раздробленность колхского государства не сулила больших затруднений в войне. Вероятно, именно поэтому большинство античных авторов (Страбон, Мемнон, Аппиан, Евтропий) на первое место ставят подчинение Малой Армении и Колхиды. Только Юстин начинает свой рассказ о деятельности Митридата с войны против скифов (XXXVII, 3, 2). Однако его рассказ не дает никаких объяснений возвращению Митридата к власти, а замечание о наследовании Митридатом власти колхских царей (XXXVIII, 7, 10) ставит автора в один ряд со Страбоном, свидетельствующим о наследовании Митридатом власти царя Малой Армении, что произошло, вне всякого сомнения, в первый год возвращения Митридата к власти.²

С собственнo понтийской армией и союзной армянской конницей Митридат уже на втором году своего царствования вторгается в Колхиду³. Завоевание ее стало, по выражению Т. Рейнака, "детской игрой" для Митридата. Но он относит эту войну ко времени после подчинения Таврики. В таком случае она действительно не вызвала бы затруднений. Но, поскольку на самом деле колхидский поход Митридата предшествовал войнам со скифами, оценка его будет несколько иной.

Исходя из сравнительной немногочисленности состава понтийской армии того времени и сложных условий театра военных действий, Митридат на первом этапе, вероятнее всего, послал небольшие вспомогательные отряды в города побережья в качестве гарнизонов. Обеспечив таким образом возможность пополнения своей

армии и ее снабжение, Митридат с основными силами своего войска нанес удар по главному центру Колхиды — долине Фасиса. Где-то в этом районе, возможно на территории современного города Вани, находилась древняя столица колхского государства⁴. Без особого труда подчинив себе внутренние районы страны, Митридат провозглашает себя наследником власти колхских царей. Сделать это было тем более легко, что глава колхского государства, как мы уже отмечали, был таковым лишь номинально. Фактически же он был одним из скиптухов (правителей областей), власть которого распространялась вряд ли более чем на столицу и ее небольшую округу.

Есть предположение, что завоевание Колхиды было постепенным и не таким уж легким для Митридата⁵. В первые годы своего правления он, якобы, подчинил лишь приморскую часть страны, а впоследствии, между 105 и 90 гг. до н.э., он вторгся вглубь ее территории и захватил полностью. При этом восточная часть Колхиды была отдана царю Иберии в обмен на заключение военного союза с ним.

Заметим, однако, что все античные авторы, упоминающие покорение Колхиды Митридатом, говорят об этом событии очень кратко, как бы вскользь. Причем нигде не говорится о двух походах. Всюду завоевание страны выглядит как единовременный акт. Естественно, что такая оценка источников позволяет считать незначительным по военным усилиям и сам поход⁶.

Завоеванная Колхида была организована как сатрапия. В ее укрепленных пунктах были поставлены гарнизоны. Управление страной поручалось наместнику из числа "друзей" царя. Деление страны на скиптухии, очевидно, было сохранено и при Митридате. Резиденцией наместника, вероятнее всего, стала бывшая столица колхского государства. Греческие же города побережья, вероятнее всего, вошли в состав Понтийского государства на правах самостоятельных единиц. Выпуск собственной медной монеты Диоскурией дает основание думать, что этот город получил те же права, что и города собственно Понтийского царства. Возможно, это стало следствием его особенно активной помощи Митридату в ходе войны.

Завоевание Колхиды Митридатом сыграло положительную роль в развитии страны. Ликвидация сепаратизма отдельных областей, восстановление политической, экономической, культурной целостности ее способствовали материальному и духовному подъему уровня жизни населения. Большой спрос на продукцию страны

должен был привести, помимо всего прочего, к увеличению доходов основной массы населения. Последнее обстоятельство и стало тем надежным фундаментом, на котором стояло политическое единство Колхиды и Понта. И это единство оказалось настолько прочным, что смогло быть разрушенным только в результате военного поражения царя Понта.

Подчинив Колхиду, Митридат, вероятно, попытался в соответствии со своими первоначальными планами, пробиться к Боспору вдоль Кавказского побережья. Но эта попытка оказалась неудачной. Невозможность пробиться к Таврике по суше вынудила царя Понта изменить первоначальный план военных действий. К этому его вынуждало еще и то, что скифы успели нагнать на Херсонес. Граждане города и присланный им понтийский гарнизон⁷ с трудом сдерживали натиск противника. Оставшись с частью войска в Колхиде для организации управления ею, Митридат приказывает наиболее боеспособным частям своей армии во главе со стратегом Диофантом, сыном Асклеподора, немедленно выступить на помощь Херсонесу. Какую-то роль в принятии такого решения сыграл и сам Диофант. В херсонесском декрете, принятом в его честь, говорится, что "он постоянно склонял царя к прекрасным и славнейшим деяниям" (IRE. 1². № 352. СТК. 3-4). Вероятно, будучи воспитанником боспорского царя Перисада V⁸, Диофант тучнее других представлял ситуацию в Таврике и сумел убедить Митридата в необходимости изменения плана дальнейшего ведения войны.

Отборные воины понтийской армии спешно грузились на корабли в Диоскурии. Здесь же стоял весь тот небольшой военный флот, которым располагал в то время понтийский царь. Ему предстояла ответственная задача — обеспечить благополучную доставку в пункт назначения лучшей части понтийской армии.⁹ Учитывая господство на море пиратских племен, приходилось быть очень осторожным и в то же время решительным. Удача и на этот раз была верной спутницей Митридата. Его войска благополучно достигли берегов Таврики и сразу же вступили в бой.

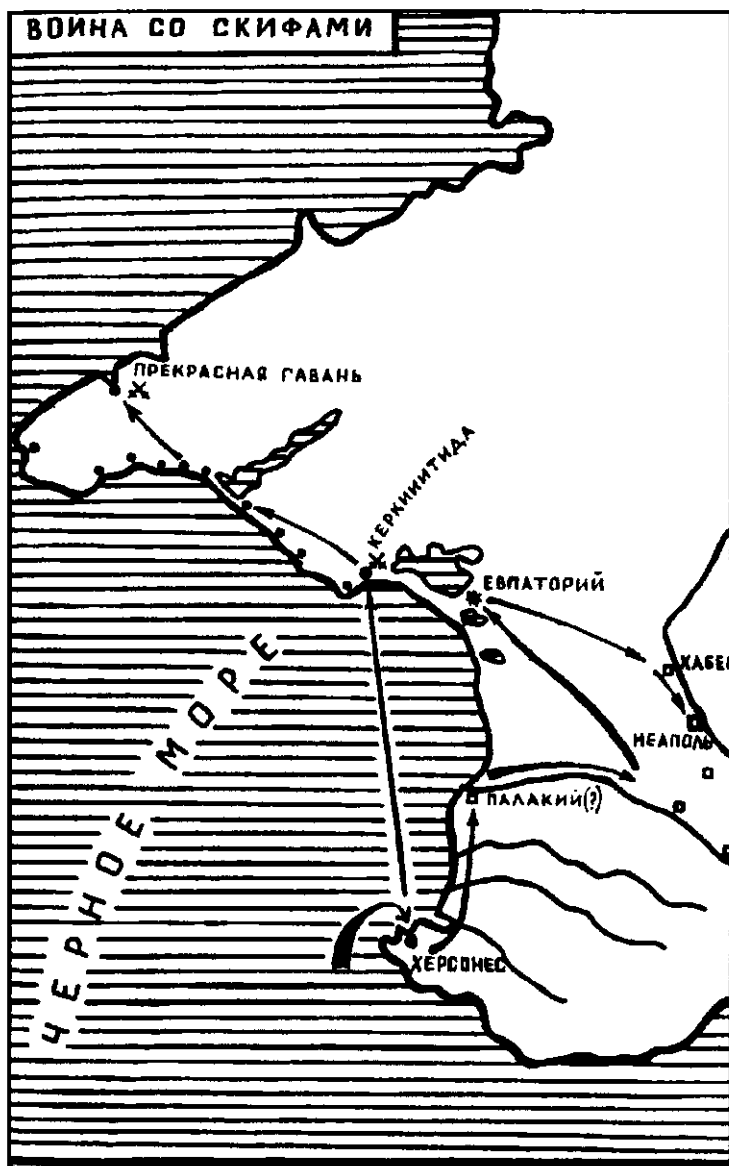
"Прибыв в наш город, он (Диофант) отважно совершил со *всею* (курсив мой — Е.М.) войском переправу на ту сторону; когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим войском, он, поневоле приняв битву, обратился в бегство скифов, считавшихся непобедимыми..., подчинив себе окрестных тавров и основав город на том месте, он отправился в боспорские местности и, совершив в короткое время много важных дел, снова воротился в наши местности и, взяв с собой граждан цветущего возраста, проник в

середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло то, что *почти все* (курсив мой — Е.М.) сделались подвластными царю Митридату Евпатору". Так рассказывает херсонесский декрет в честь Диофанта о его первых победах в Таврике (IPE. I². № 352).

Существует несколько вариантов реконструкции этих событий современными авторами¹⁰. С учетом всей совокупности результатов исследований последних лет мне представляется наиболее вероятным тот вариант, который был избран мной и прежде¹¹. В пользу этого говорит и находка на городище Кара-Тобе фрагмента надписи понтийского наварха¹², и цель войны — подчинение Скифии, а не защита Херсонеса, и отсутствие в декрете упоминания о других скифских крепостях, стоящих на пути движения к столичным центрам скифов, и применение в декрете в честь Диофанта причастия от глагола "συνοικίζω" в упоминании об основании Евпатория¹³.

Итак, прибыв в Херсонес, Диофант не стал высаживать войско в городе. Получив от своих предшественников из состава понтийского гарнизона и херсонеситов подробную информацию о расположении и характере действий противника, он наносит удар по вражеской армии там, где его меньше всего ожидали — в северо-западном Крыму. С этой целью он оставляет в городе лишь ополчение граждан, а с имеющимся у него отрядом и прежним понтийским гарнизоном высаживается где-то в районе Керкенигиды. Возможно даже в самом городе. Скифы не предвидели возможности войны с Понтом и, наступая на Херсонес, по-видимому, не только не укрепили захваченные ими города херсонеситов, но и не оставили там сколько-нибудь значительных гарнизонов. Отсюда вела кратчайшая и наиболее удобная дорога к политическим центрам Скифии и, высадившись именно здесь, Диофант, тем самым, решал сразу две тактические задачи: снятие осады с Херсонеса и разделение основных сил противника.

И действительно, приказав своей пехоте отступать в район крепостей, прикрывающих путь к столице Скифии с юга и, по-видимому, рассредоточиться по крепостям для отпора возможному наступлению херсонеситов, сам Палак с конницей устремился навстречу Диофанту. Эти и последующие действия скифского царя показывают, что он был незаурядным полководцем. И не его вина, что его войско оказалось слабее противника.

Карта 2 Война со скифами

Внезапное нападение на понтийскую армию на марше было отбито. И тем не менее, оно остановило наступление понтийцев. Не исключено, что в этом сражении приняли участие и союзники скифов — тавры из ближайших поселений¹⁴. Это вынудило Диофанта несколько изменить первоначальный план наступления. Он обрушивается на тавров, громит их и строит крепость Евпаторий в районе современного городища Кара-Тобе (карта 2). Крепость получила свое название в честь Митридата Евпатора. Во время этих операций Диофанта пришло сообщение об изменении политической ситуации на Боспоре, что ставило под угрозу продолжение наступления против скифов. И Диофант, оставив свою армию в Евпатории, срочно отправляется в Пантикапей, где проводит успешные переговоры с царем Боспора Перисадом V. Успеху этих переговоров способствовали как его личные связи с царским домом, так и сообщения о победах над скифами и таврами. Не исключено, что во время этой поездки Диофанту удалось получить принципиальное согласие Перисада V на передачу власти понтийскому царю.¹⁵

Вернувшись из поездки на Боспор, Диофант усиливает свое войско за счет херсонесских граждан "цветущего возраста"¹⁶ и направляется к столице скифов — Неаполю¹⁷. Однако на этот раз штурмовать крепости не пришлось. Они сдались без боя. Факт поразительный, если вспомнить, что несколькими строками выше в том же декрете в честь Диофанта скифы именуются непобедимыми! К тому же в предыдущем сражении Палак не был столь основательно разгромлен понтийцами, чтобы не иметь возможности оказать решительного сопротивления противнику. Все это дает основание думать, что причиной капитуляции крепостей стали два фактора: выход из подчинения Палаку в результате поражения части его многочисленных братьев (по сообщению Страбона их было 50 или 80 — VII, 4, 3) и отказ от помощи со стороны Боспора, до того находящегося в союзе со Скифией¹⁸. Причем выход из подчинения братьев мог также в какой-то мере быть спровоцирован изменившейся позицией Перисада V. Это и позволило Диофанту относительно легко завершить свою первую кампанию в Таврике.

Не без основания считая поражение скифов полным и окончательным, Диофант с основными силами своей армии вернулся в Понт. В Херсонесс, судя по описанию дальнейшего хода военных действий Страбоном, был оставлен небольшой понтийский гарнизон. Итоги похода выглядели оптимистичными для причерномор-

ских эллинов. То, что Палак не подчинился и ушел, по-видимому, в район Приднепровья или Ольвии, не меняю сути дела. В данный момент он становился лишь одним из многих сыновей Скитура, не располагающим реальной политической властью даже над своими братьями. Принятие же многими из последних подданства понтийского царя явно выглядело как полная потеря Скифией своей политической независимости. Именно за это херсонеситы и "почтили Диофанта приличными почестями, как освобожденные уже от владычества варваров" (IRE. 1². № 352. СТК. 14-15).

Нам остается уточнить дату этого события. Поход Митридата в Колхиду начался не ранее года его прихода к власти в Понте в 113 г. до н.э., а скорее все же в 112 г. до н.э. Тогда же, видимо, был отправлен в Херсонес небольшой понтийский гарнизон. К весне 111 г. до н.э. подчинение Колхиды было в основном завершено, и тогда же в Таврику была отправлена армия Диофанта. Таким образом, боевые действия заняли не так уж много времени: лето-осень 111 г. до н.э.

Впервые за столь короткий срок войско казавшегося столь сильным противника было побеждено. Вероятно, именно этот факт нашел свое отражение в декрете, где скифы были названы непобедимыми. Совершенно естественно, что авторитет понтийского царя после такой победы возрос необычайно. Однако успехи войск Митридата, если вспомнить социально-политическую обстановку в Северном Причерноморье в то время, не покажутся столь значительными, какими их представляют авторы античной эпохи.

Скифские племена к концу II в. до н.э. уже понесли значительные потери в боях с сарматами и кельтами, захватившими значительную часть скифских владений. Ограниченный театр военных действий не позволял им вести маневренную войну, в которой они были наиболее сильны. Кроме того, при наступлении на Херсонес ни Скилур, ни его преемник Палак, вероятно, не предполагали возможности вмешательства в войну других государств. В силу этого появление корпуса Диофанта в Таврике было для них полной неожиданностью. Огромную роль сыграло участие в войне херсонеситов. В отличие от всех прежних полководцев, воевавших со скифами, Диофант и его союзники-херсонеситы прекрасно знали и скифскую тактику боя, и топографию местности, где предстояло сражаться, а также наличие и состав военных сил противника. Все это позволило Диофанту навязать скифам свою тактику ведения войны. Но, тем не менее, первые победы понтийцев и херсонеситов оказались временными.

Монета Савмака

Рельеф с изображением Скипура и Палака

Отступивший в степи Палак весной следующего года вернулся в Таврику. Его войска заняли оставленные херсонеситами и понтийцами без гарнизонов скифские крепости. Укрепившись в своих прежних владениях, Палак не сразу начал наступление на Херсонес. Быстрый разгром его войска в предыдущей кампании убеждал в недостаточности собственных сил скифов для борьбы с соединенной херсонесско-понтийской армией. Ему надо было позаботиться о подготовке и перевооружении своих воинов для борьбы в новых условиях, надо было подумать о возможности разгрома войск противника по частям и о своих возможных союзниках.¹⁸ Дальнейшие боевые действия скифов, их стремительное наступление и упорная оборона свидетельствуют о том, что они хорошо подготовились к новым боям. Не их вина, что противник был к ним готов еще лучше.

Палак начал новое наступление на херсонесские владения осенью.¹⁹ Это позволяло ему надеяться, что до весны понтийский царь не сумеет оказать помощь городу. Предварительные переговоры с царем роксоланов Тасием, которые должны были состояться до начала военных действий, чтобы иметь гарантию поддержки с его стороны в случае неудачи, давали надежду на помощь прежних противников.

В короткое время был занят вновь весь северо-западный Крым, а на разрушенных херсонесских поселениях возведены скифские крепости. Вслед за ним наступила очередь самого Херсонеса. Город был осажден. Отряд понтийских войск, оставленный Диофантом для его охраны, был окружен скифами на мысе Ктенус, неподалеку от города. Перегородив этот мыс каменной стеной и окружив ровом, понтийцы отразили все атаки скифов. Стремясь уничтожить понтийский отряд во что бы то ни стало, скифы стали забрасывать ров сухим тростником. Но понтийские воины весь тот тростник, который скифы сбрасывали в ров днем, сжигали ночью. Более того, за время осады они построили дамбу, соединившую Ктенус с Херсонесом²⁰, и объединили свои силы с горожанами. Но положение оставалось сложным. Осада продолжалась один-два месяца. Уже вскоре после захвата скифами северо-западного Крыма и начала осады Херсонеса жители его вынуждены были отправить посольство к Митридату Евпатору с просьбой о помощи. Осенние шторма на море не позволяли отправить эту помощь немедленно. Однако Митридат ни минуты не колебался в своем решении. Выбрав наиболее удачный момент, он снова посылает корпус Диофанта в Таврику, "хотя время склонялось к зиме". Неожиданное и

на этот раз появление войска Диофанга сразу изменило положение дел. Не рассчитывая на успех в открытом сражении, Палак стал отступать. Его утомленная осадой пехота нуждалась в отдыхе перед решительным сражением. В захваченных херсонесских городах и крепостях скифы поставили гарнизоны. Их задача была проста — сдержать наступление Диофанга до подхода роксоланов на помощь скифам.

Как и в период своего первого похода, Диофант стремится одним решительным ударом разгромить войско скифов на территории их владений и тем самым положить конец войне. Однако на этот раз план его терпит неудачу. И виновата в этом не только крымская осень с ее непогодами²¹, на что сетует декрет в честь Диофанга. Активное сопротивление скифской конницы, действующей на основе обычной скифской тактики, известной со времен войны с Дарием, вынудило Диофанта повернуть в приморские местности, где он овладел Керкинитидой и Стенами, а затем осадил Прекрасную Гавань. Осада ее затянулась. А тем временем Палак собрал в кулак все свои силы. На помощь ему пришло 50 000 роксолан, во главе с их царем Тасием. Теперь по своей численности войска варваров намного превосходили отряды понтийцев и херсонеситов. Учитывая это, а также общее ослабление противника после трудного похода и штурма крепостей, Палак и Тасий дают решительное сражение Диофанту.

Подбодлив колеблющихся чудесами в храме Девы, бывшей таврской богини, а ныне покровительницы Херсонесса, Диофант "сделал разумную диспозицию, и впоследствии для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена: ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули немногие" — гласит декрет в честь Диофанга. Не ограничившись разгромом противника на поле битвы, он сразу же начал преследование бегущих. Вследствие этого скифское войско понесло большие потери. Херсонеситы были оставлены Диофантом продолжать осаду Прекрасной Гавани (IPE, I², № 353). В течение зимы 110-109 гг. до н.э. они овладели городом и присоединились к основным силам армии Диофанга, отдыхавшей в районе Керкинитиды или Евпатория.

Новое наступление вглубь Скифии было столь же успешным, что и первое. Сопротивление варваров было незначительным. Оставив немногочисленные гарнизоны в Неаполе и Хабеях, Палак вынужден был снова бежать в причерноморские степи. Дальнейшая судьба его неизвестна²². Текст почетного декрета в честь Дио-

фанта, рассказывающий о последних днях сопротивления скифов, к сожалению, испорчен. По-видимому, и на этот раз обе скифские крепости сдались без сопротивления²³. В них были поставлены понтийские гарнизоны. Такие же гарнизоны были поставлены в Херсонесе и городах северо-западного Крыма. Отныне Херсонесское государство становилось составной частью Понтийского царства²⁴.

А Диофант, оставив свое войско в Херсонесе, отправляется снова на Боспор, где "устраивает гамонные дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора". Эта формулировка декрета в его честь обычно воспринимается, как свидетельство об официальной передаче власти царем Боспора Перисадом V Митридату Евпатору²⁵. Последним аргументом в пользу такой передачи, вероятно, послужило новое наступление скифов на Херсонес. Полный разгром войск Палака позволял надеяться на мирное согласие боспорских скифов стать подданными понтийского царя, и Диофант не замедлил присоединить к владениям своего повелителя еще один район Причерноморья. С этого времени (лето-осень 109 гг. до н. э.) Митридат становится "господином Боспора". Однако, чтобы получить право на это звание, Митридату пришлось выдержать еще одну и, пожалуй, наиболее тяжелую войну в Причерноморье.

В Пантикапее произошел государственный переворот. Скифы из окружения Савмака убили последнего Спартокида и взяли власть в свои руки. Кто такой был этот Савмак, наш единственный источник о нем молчит. Данное обстоятельство вызвало ряд предположений о его статусе, причем за основу их бралось выражение декрета в честь Диофанта "воспитавшего его...". Исходя из этой фразы, в Савмаке видели скифского наследника Перисада V, представителя царского рода или скифской знати Боспора и даже доморожденного раба. Анализ текста декрета в честь Диофанта, однако, позволяет совершенно однозначно видеть в воспитаннике Перисада V не Савмака или Митридата, а Диофанта.²⁶ Следовательно, судить о статусе Савмака можно только на основании того, что отсутствие подробностей о его положении в социальной иерархии на Боспоре может означать лишь то, что он был хорошо известен херсонесцам. Вторым аргументом являются монеты с легендой "ΒΑΣΙ...ΣΑΥΜ"²⁷, свидетельствующие о том, что Савмак принял царский титул. Наконец, выражение декрета "скифы во главе с Савмаком произвели государственный переворот..." свидетельствует о том, что эти скифы составляли ближайшее окружение именно Савмака²⁸. Внимательное рассмотрение всех сведений па-

ших источников о Савмаке дает основание видеть в нем лидера компактной группы представителей боспорской аристократии, среди которой ведущее место занимали скифы, находящиеся на службе у последнего Спартокида²⁹. Политическими интересами эта группа была связана с Боспорским царством. Вот почему она колебалась в вопросе оказания помощи Херсонесу и армии Диофанта во время его первого похода. Причиной же ее выступления стало стремление сохранить свое прежнее социальное положение в рамках новой державы, в состав которой они были инкорпорированы помимо их воли³⁰.

Сторонники Митридата, а таковых на Боспоре тоже было немало³¹, не сумели дать должного отпора своим противникам. Как отнеслась к смене власти основная масса населения городов, мы можем только догадываться. Учитывая, что крупнейшие города Боспора — Пантикапей и Феодосия — отмечены в декрете в честь Диофанта как опорные пункты савмаковцев, можно думать, что основная масса населения их, если не сочувствовала скифам, то и не была настроена резко против них. Силой овладеть и превратить в свои спорные пункты эти города при резком противостоянии их жителей небольшой группе сторонников Савмака вряд ли было бы по силам.

Быстрый успех сторонников Савмака показывает, что и наемники боспорского царя не оказали серьезного сопротивления. С одной стороны, это в какой-то мере подтверждает закономерность претензий этой группы скифов на сохранение своего статуса в глазах жителей Боспора, а с другой, — позволяет думать, о том, что командование наемниками могло также находиться в руках приверженцев Савмака. Колебания в вопросе поддержки одного из двух претендентов на власть над Боспором для основной массы населения и наемников облегчались отсутствием военных сил Митридата на Боспоре. Ведь Диофант прибыл сюда без войска.

Руководитель переворота Савмак собственноручно убил Перисада V. Диофант во время переворота не пострадал. Из текста декрета в его честь следует, что он во время переворота находился в Пантикапее и против него был составлен заговор. Ему не удалось бежать сразу. Очевидно, и флот принял сторону Савмака. Последний, вероятно, оставил жизнь и некоторую свободу Диофанту в надежде использовать его как заложника или посредника в переговорах с Митридатом. Когда же стало ясно, что понтийский царь не намерен идти ни на какие уступки, скифы решили избавиться от Диофанга.

Однако за время, прошедшее с начала восстания сторонников Савмака до выяснения позиции Митридата в вопросе о власти над Боспором, Диофанту пришли на помощь херсонеситы, многим ему обязанные. Им удалось организовать побег Диофанта. Вернувшись в Херсонес, он первым делом просит граждан города принять участие в предстоящем походе на Боспор. Получив их согласие, он отправляется в Понг, где информирует Митридата о силах нового противника и получает дополнительные подкрепления для своей армии. Будучи очевидцем переворота на Боспоре и реально представляя возможности савмаковцев, Диофант не стал торопиться. Его шеститысячная армия понесла определенные потери в боях с Палаком и Тасием, а кроме того, часть войск пришлось оставить в качестве гарнизонов в скифских крепостях и северо-западном Крыму. Учитывая недостаточность своих сил даже после присоединения херсонеситов, Диофант вынужден был просить дополнительных подкреплений у Митридата Евпатора и отложить поход до весны следующего года.

Савмак тем временем укреплял свои позиции на Боспоре. Его правительство управляло государством около года. Основные направления его деятельности неизвестны. Учитывая упорное сопротивление европейского Боспора наступлению Диофанта, можно с уверенностью говорить о том, что деятельность Савмака в значительной степени отвечала интересам широких слоев населения государства. Общее экономическое положение Боспора при нем должно было улучшиться хотя бы вследствие прекращения уплаты дани царям Скифии, осуществляемой до разгрома Палака. Возможно, также Савмаку удалось добиться стабилизации положения в Азии, предоставив самостоятельность синдо-меотским племенам. Во всяком случае независимость последних до подчинения Боспора Митридату подтверждается рядом источников.³²

Весной 108 г. до н.э. войско Диофанта выступило в свой последний поход в Таврике. Исходным пунктом наступления был Херсонес. Отсюда пехота Диофанта отправилась к границам Боспора на кораблях, а конница двинулась через уже подвластные Митридату скифские степи. Первый удар понтийцев обрушился на Феодосию. Это было полной неожиданностью для Савмака. Хорошо знакомый с тактикой действий Диофанта против Палака, Савмак ожидал удара понтийцев в своем главном опорном пункте — Пантикапее. Здесь им были сосредоточены главные силы армии и флота. Но на этот раз Диофант изменил свою тактику. Захват Феодосии имел для него многие преимущества. С момента ее под-

чинения он приобретал достаточно надежную базу для действий против главных сил противника. Сюда было легче отступить и укрыться в случае поражения, нежели в Херсонес. Кроме того, с момента захвата Феодосии скифы Боспора оказывались отрезанными от степной Таврики, откуда они могли бы получить поддержку и куда могли бы отступить в случае поражения. Потеря Феодосии, однако, не заставила их сложить оружие. Наоборот, их сопротивление еще более усилилось, раз и Пантикапей пришлось брать штурмом. Борьба продолжалась с весны 108 до зимы 108/107 г. до н.э.³³ Еще раз Диофант одержал победу для своего повелителя, и эта победа была последней, связанной с его именем в период царствования Митридата Евпатора.

Вид Пантикапея

Савмак был взят в плен и отправлен в Понт на суд царя. Дальнейшая судьба его неизвестна, хотя нет сомнений, что и Страбону, и составителям декрета в честь Диофанта она была известна, а то, что оба эти источника не отметили факта его казни дает основание думать, что жизнь ему была сохранена.

Однако для Понта война на этом не закончилась. Упоминание Страбона о двойном сражении другого полководца Митридата Евпагора Неоптолема в Керченском проливе с варварами (II, 1, 16) позволяет думать, что пленение Савмака не привело к капитуляции остальных его сторонников, укрывшихся в азиатской части государства, где находились войска, охранявшие восточные рубежи Боспора. Невозможность их подчинения без дополнительных сил флота заставила Диофанга еще раз обратиться к Митридату за подкреплениями. Однако с новыми подкреплениями прибыл и новый командующий.³⁴ Победитель же Савмака был отозван в Синоп. Митридат не оставил его наместником Боспора, хотя как воспитанник боспорского царя и победитель скифов, он вполне подходил для этой роли. Но Митридат не хотел создавать возможности новой вспышки сепаратизма на Боспоре в будущем, что, в принципе, при способностях Диофанга и традициях независимого существования этого государства, было вполне возможно.

Первое сражение савмаковцев с войсками Неоптолема произошло зимой и на льду Керченского пролива. Это свидетельствует о том, что сторонники Савмака, возможно, попытались пробиться в Скифию. Ни до, ни после этого сражения армия Митридата, так же как и армии других эллинистических государств, зимой обычно не вела боевых действий. А кроме того, Страбон в обоих случаях говорит о бое как сражении конницы. Следовательно, мы вправе видеть в этом сражении попытку прорыва "савмаковцев" в Крымскую Скифию или разведку сил противника и степени его боеготовности.

Решительное же сражение произошло летом на море. Возможно, сторонникам Савмака удалось привлечь на свою сторону пиратствующие племена кавказского побережья — зихов, ахейцев, генихов. Тем не менее и на этот раз они были разбиты и теперь уже окончательно. Не исключено, что Неоптолем после этих своих побед продолжил завоевание соседних варварских племен, некогда входивших в состав Боспорского царства. В любом случае именно его победы привели к утверждению прав Митридата на весь Боспор и установлению дружественных отношений с варварскими племенами Подонья — Приазовья.³⁵

Подчинение Боспора сделало Митридата повелителем всей Таврики. Подвластные скифы, херсонеситы и боспоряне составили новую сатрапию Понта, центром которой стал Папликапей. По сообщению Страбона, эта сатрапия давала Митридату 180 000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра (VII, 4, 6). В Нимфее (и, веро-

ятно, в других городах) была установлена статуя Митридата, где он впервые в аутентичных источниках получает титул "царь царей".³⁶

Голова статуи Митридата из Пантикалея

Постамент статуи Митридата из Нимфея

Но и в Риме внимательно следили за успехами Митридата. Уже вскоре после его побед в Понте прибывает римское посольство с требованиями возвратить скифским царям отнятые у них владения (Мемнон., XXX, 2, 3). Однако поражения римлян в войнах с кимврами, тевтонами и нумидийцами не позволяли им оказать действенного военного давления на Понт, вследствие чего Митридат не обратил внимания на их требования. Возможно, римляне попытались в данном случае использовать для воздействия на Митридата его младшего брата. Именно в это время он был казнен.

А Митридат продолжает успешное подчинение Причерноморья. Его власть распространяется на города западного побережья Черного моря. Эти города в конце II в. до н.э. подвергались постоянным набегам бастарнов. Невозможность для них своими силами отстоять свободу вынуждала искать сильного покровителя.³⁷ Разгром крымских и боспорских скифов показал всем припонтийским городам, на кого они могут рассчитывать в борьбе с варварами. Скорее всего, именно тогда города северной части западного Причерноморья обращаются к Митридату с просьбой о переходе под протекторат Понта. Одним из условий такого перехода должна была стать постановка гарнизонов для защиты городов от варварских набегов. Однако первоначальное положение северозападно-понтийских городов, перешедших под покровительство Митридата, оставалось тревожным, несмотря на присутствие понтийских гарнизонов³⁸.

Во-первых, сами эти гарнизоны еще не могли быть многочисленными. А во-вторых, до тех пор пока Неоптолем воевал на Боспоре, племена бастарнов и сарматов, не испытывавшие на себе силы понтийской армии, могли более или менее безнаказанно продолжать свои набеги на хору этих городов. Набеги эти явились поводом для последующих военных экспедиций Митридата в Западный Причерноморье. Наиболее хорошо нам известны условия перехода под власть Митридата города Ольвии.

Город этот в конце II в. до н.э. находился под протекторатом скифских царей.³⁹ Разгром скифов Таврики должен был вернуть городу свободу. Но это не принесло полного избавления от варварской угрозы. Освободившись от притязаний одних варваров (скифов), Ольвия должна была защищаться от набегов других (сарматов). Первоначально эта угроза была невелика, так как ближайшее к Ольвии сарматское племя роксолан было разгромлено Диофантом в бою у Прекрасной Гавани. Однако затянувшаяся война на Боспоре позволяла сарматам возобновить набеги на оль-

вийскую территорию. И это побудило город обратиться за покровительством к Митридату Евпатору. Сюда был прислан из Понта отряд воинов-армян⁴⁰. Причем этот воинский отряд содержался за счет царя. Город был разорен и не мог обеспечивать гарнизон всем необходимым. Вскоре и сил этого гарнизона оказалось недостаточно. В городе возникает недостаток продовольствия. Осенняя штормовая погода, с одной стороны, и непрерывные атаки варваров, с другой, создают критическое положение в городе. Новое ольвийское посольство прибывает к понтийскому царю и умоляет Митридата помочь их полису. Митридат приказывает капитану, доставляющему провиант ольвийскому гарнизону, принять на борт новый отряд воинов и, несмотря на шторм, немедленно выйти в море. Капитан, амисский грек, прекрасно выполнил возложенную на него задачу. Ольвия была спасена, а спаситель удостоился почетного декрета.

В этом случае, так же как и в войнах со скифами Таврики и Боспора, Митридат действовал решительно и целеустремленно. С подчинением городов западного побережья Понта Эвксинского государство Митридата Евпатора становится могучей Черноморской державой. Те причерноморские города, которые не вошли в ее состав, придерживались, как правило, дружественных отношений с царем Понта и впоследствии приняли его гарнизоны и вступили в войну против Рима. Но это произошло несколько позднее. Теперь же, в начале I в. до н.э., на первое место все более выступают взаимоотношения с государствами Малой Азии. Еще раз в 96-90 гг. до н.э. Неоптолем совершает походы против сарматов и, вероятно, бастарнов. После этого военные операции у берегов Понта Эвксинского прекращаются вплоть до последней войны Митридата с Римом, когда римский флот стал оспаривать у понтийцев господство на Черном море.

Объединение причерноморских городов и земель под властью Митридата Евпатора явилось завершающим этапом подготовлявшегося издавна процесса создания единого государственного образования в этом районе.⁴¹ Оно завершило собой многовековой период обособленного существования отдельных эллинских полисов. Процветание городов под властью Митридата в первые годы его правления выглядело настолько резким контрастом по сравнению с положением греческих городов, подвластных Риму, что в период успехов Митридата все греческие города римской провинции Азия встали на его сторону.

В античных городах, извлеченных войсками Митридата от варварской угрозы, распространяются культы, связанные с почитанием его как нового Диониса и Геракла. Причем инициатива обожествления его как Геракла исходила, по-видимому, от городов Северного Причерноморья.⁴²

Превращение Понта Эвксинского во внутреннее море Понтийского царства представляло купцам причерноморских городов удобный и безопасный в военном отношении путь для торговых операций. Сосредоточение основных торговых интересов этих городов в бассейне Черного моря привело к тому, что внутренний рынок государства поглощал абсолютное большинство торговой продукции, производимой городами и сельскими местностями. Прочность этих внутриэкономических связей стала основным источником силы и могущества Понтийского царства. Создание объединения причерноморских городов и областей предоставило в распоряжение Митридата Евпатора мощную военно-экономическую базу. Костяком этой базы являлись античные города черноморского побережья, служившие основным источником денежных доходов понтийского царя, плацдармами для его военных наступлений и связующими пунктами всей разноплеменной империи Митридата в целом. Действуя в их интересах, Митридат имел крепкую опору. Но как только он оказался неспособным сохранить единство своих черноморских владений, города побережья один за другим покинули его, чем обрекли на полное поражение и личную гибель.⁴³

Но все это станет ясно потом, а пока... семь лет непрерывных побед, следующих одна за другой над сильнейшими противниками, сделали Митридата могущественнейшим из правителей Востока.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси 1970. С. 128.
2. Молева В. А. Митридат Евпатор. С. 26. Ломоурн Н. Ю. К истории. С. 76.
3. По мнению К. Ф. Дундуа, передатированные вслед за К. В. Голенко монеты Диоскурии, подчинение Колхиды было осуществлено после походов Диофанта. См. Дундуа К. Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси 1987. С. 107. Что касается монет Диоскурии, то мы можем быть уверены лишь в том, что они были вынуждены после подчинения города Митридату. А когда после — можно только гадать. Район же распространения этих монет — прежде всего города Северного Причерноморья, куда они были завезены, по мнению А. М. Гилевич, войсками Митридата. См. Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. Нисс. 1968. № 3. С. 47. С этим мнением согласен и К. Ф. Дундуа (С. 108). Особенно важно то, что находки монет Диоскурии преобладают в Херсонесе, куда первоначально прибыла армия Понта. Следовательно, подчинение Колхиды должно было произойти раньше присоедине-

ния Херсонеса и Боспора. В свое время к такому же выводу склонялся и Д.Б. Шелов. См. Шелов Д.Б. Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С. 651.

Предположение С.Ю. Сапрыкина о более позднем присоединении Малой Армении и Колхиды (см. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 29) противоречит нашему основному источнику Страбону, из которого следует, что подчинение всех этих районов было осуществлено в начале царствования Митридата (XII. 3. 28).

4. Это мнение впервые высказал А.В. Бохочадзе. См. Бохочадзе А.В. К вопросу о местонахождении столицы Колхского государства в IV-III вв. до н.э. // Сообщения АН Груз.ССР. 1967. Т. 45. № 2. С. 552. В противовес ему О.Д. Лордкипанидзе считает, что уже в то время городище Вани было лишь центром одной из скингуш, а позднее стало храмовым городом. См. Лордкипанидзе О.Д. Город-храм Колхиды. М., 1984. С. 85-88. Вместе с тем он согласен, что политический центр Колхиды должен был находиться в долине Фаселет. См. Lordkipanidze O.D. Das alte Kolchis und seine Beziehungen zur Griechischen Welt vom 6 zum IV Jh. v. Chr. Konstanz. 1985. S. 141.

Однако находка на территории городища клада монет, чеканенных, по-видимому, здесь же и имеющих хождение только в Колхиде, можно и все же считать этот город возможной резиденцией сына понтийского царя Митридата Евпатора — Митридата младшего в 80-е г. I в. до н.э. См. Шелов Д.Б. Колхиды в системе Понтийской державы Митридата Евпатора // ВДЦ. 1980. № 3. С. 38; Дугидза Г.Ф. Путизматика. С. 118. А значит город и прежде был достаточно значительным центром страны.

Есть мнение, что резиденцией наместника Митридата в Колхиде была Диокурия. См. Воронов Ю.И. Диокурия-Себастопольс-Цхум. М., 1980. С. 71. Однако выпуск этим городом медной монеты, чем аргументирует свое предположение автор, скорее свидетельствует о помощи Митридагу и получении в благодарность за это тех же прав, что и у городов собственно Понта.

5. Лордкипанидзе Г.А. К истории... С. 128.

6. Тогуа Т.Т. Колхиды в составе Понтийского царства. Автореферат канд. дисс. Тбилиси. 1985. С. 11.

7. Молев Е.А. Митридат Евпатор. С. 29; Виноградов Ю.Г. Вопиющая надпись дочери царя Скифия из Паптикаея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДЦ. 1987. № 1. С. 70.

8. То, что именно Диофант был воспитанником Перисада V, прекрасно показали С.Я. Лурье, Ю.Л. Казакевич, Ю.Г. Виноградов. Попытка С.Ю. Сапрыкина поддержать предположение А.Н. Немировского о том, что таковым надо считать Митридата (см. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 28), не выглядит убедительной. См. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Ср. Гаврилов А.К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? // Годы по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 61-62.

9. Предположение Ю.Г. Виноградова о том, что Диофант прибыл на этот раз без войска, маловероятно. См. Виноградов Ю.Г. Вопиющая... С. 70. Сам факт его воздействия на царя с целью убедить отправить его в Херсонес свидетельствует о том, что речь шла об отправке весьма существенных подкреплений, а не о смене командования войском. Вся преамбула декрета по этому вопросу дает основание думать, что ситуация в Херсонесе стала крайне напряженной, а свидетельство Страбона (VII. 4. 7) об обороне Ктенунта, из которого четко следует, что понтийцы отбили все атаки скифов, никак не может соотноситься с этим временем. Ср. Шелов А.Н. Полоса и хора. Симферополь. 1976. С. 162. Отсутствие же упоминания в декрете об отправке Диофанта с войском в первый поход вполне естественно, поскольку читателям декрета это становилось ясно после прочтения преамбулы. Кроме того, подчеркивание той о факта, что после прибытия в город Диофант "со всем войском" (*παντι τοι στρατολεδοι*) переправился на ту сторону, а чуть далее оказывается, что это войско не включало херсонес-

тов, позволяет думать, что Диофант присоединил к своему отряду и ранее поставленный в городе гарнизон. Наконец, упоминание в декрете отправки Диофанта с войском во второй поход, тоже в какой-то мере подтверждает аналогичную ситуацию и в первом походе, независимо от логического ударения слова "παλι", поскольку на этот раз политийский гарнизон точно стоял в Херсонесе и даже отбил атаки противника и, тем не менее, Диофант отправляется с войском.

10. Ср. Колтухов С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии. // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. 1993. С. 210-216.

11. Молев Е.А. Митридат Евпатор. С. 30-33.

12. Вероятно, одного из тех самых организаторов переправы "на ту сторону", о которых говорится в декрете в честь Диофанта. См. Виноградов Ю.Г., Внуков С.Ю. Греческая надпись из скифского городища Кара-Тобе. // Проблемы скифо-сарматской археологии. Т.Д. Запорожье. 1989.

13. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 217. Однако, автор полагает, что Евпаторий находился на Северной стороне современного Севастополя, что маловероятно. Отдаваемое им предпочтение информации Страбона в сравнении с информацией декрета в честь Диофанта абсолютно неправомерно. Страбон не дает ни хронологической последовательности событий, ни точного местоположения Евпатория. Более того, осада Ктенунта в его рассказе вовсе не связана с Евпаторием. И потому нет необходимости никаких оснований предполагать, что строительство Евпатория началось с момента высадки Диофанта и закончилось после победы. Тем более, что Евпаторий был не столько городом, сколько крепостью и, может быть, даже рассматривался Диофантом как временное укрепление, необходимое ему лишь для подготовки похода вглубь Скифии с наиболее удобного плацдарма.

Координаты Евпатория, указываемые Птолемеем (III, 6, 2), подтверждают предположение Д.С. Раевского о возможности расположения этой крепости в районе городища Кара-Тобе. А отмеченное выше причастие от глагола "συνοικίζω", свидетельствующее об основании ее за счет жителей ближайших поселений, вполне вероятно, поскольку таковыми могли быть подчиненные незадолго до походов Диофанта поселения херсонесской хоры этого района. То, что греческое население этих поселений было поголовно истреблено скифами, никем не доказано. Приводимые аргументы характерны для описания любых военных действий. См. Виноградов Ю.Г., Щелов А.Н. Образование территориального херсонесского государства. // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 362. А существование весьма значительного греческого населения в столице скифов — Неаполе (см. Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев. 1979. С. 191-192; Зайцев Ю.П., Пузровский А.Б. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн. // Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев. 1994. С. 233.) дает основание думать, что подчинение скифами этой ойиона отнюдь не сопровождалось поголовным истреблением греческого населения. Особенно, если учесть предполагаемую цель наступления скифов — получение выхода к морю с целью сбыта излишков сельскохозяйственной продукции. Ср. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 244.

14. Возможность проживания тавров в районе восточнее Керченнпиды отнюдь не исключена. Как известно, тавры проживали и в столице скифов. См. Кондукторова Т.С. Населения Неаполя Скифского за антропологическими данными. // Материалы к антропологии. Украина. Киев. 1964. Вып. 3. С. 53.

15. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 96-98; Против этого в свое время возразила Т.В. Бзаватская. См. Бзаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора. М., 1959. С. 149. Однако ее доводы кажутся мне недостаточно убедительными.

тельными. См. Молев Е.А. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре //АМА 2 Саратов 1974. С. 70

16 По расчетам В.Д. Блаватского херсонесское войско насчитывало около 1000 человек. См. Блаватский В.Д. О стратегии и тактике скифов. // КСИИМК 1950 № 33 С. 26

17 Предположение Д.С. Раевского, что городище Керменчик, где большинство исследователей локализируют Неаполь Скифский, на самом деле является Палакием, убедительно не доказано. См. Раевский Д.С. Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. № 1 С. 105 Ср. Колтухов С.Г. Заметки... С. 212-213

18 Именно в это время Палак мог потребовать от Боспора дани больше, чем прежде. Об этом сообщает Страбон, как о причине передачи Персидом V власти Митридату

19 В этом я совершенно согласен с А.Л. Бертье-Делагардом. См. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе //ИАК 1907. № 21 С. 189

20 Попытка С.Ю. Сапрыкина доказать, что мыс Ктенунг был связан дамбой с Евпаторием, а не с Херсонесом, не выглядит убедительной. См. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 215-218. Во всяком случае контекст Страбона не дает для этого оснований

21 Колтухов С.Г. Заметки... С. 214.

22 Гибель царя скифов не могла остаться неотмеченной в декрете в честь Диофанта. Это дает основание думать, что он остался жив

23 По мнению С.Г. Колтухова, они могли быть взяты штурмом. См. Колтухов С.Г. Заметки... С. 215-216. Однако доказательства в пользу этого, пока, на мой взгляд, недостаточны.

24 Согласно Юстину, перед началом войны с Римом Митридат вызвал войско из Скифии (Just. XXXVIII, 3, 7).

25 Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. С. 120.

26 См. выше сноска 8.

27 Правда, надежность этого источника довольно относительна. См. Голенко К.В. О монетах, приписываемых Савмаку //ВДИ. 1951 № 4; его же. Еще о монетах, приписываемых Савмаку //ВДИ. 1963. № 3; Гайдукевич В.Ф. К дискуссии о восстании Савмака //АИКСИ. Л., 1968. С. 91 и сл.; Robinson Z.W. Saumakos, Ancient History — Modern Politics // Historia. 1980. № 29. P. 57. Not. 22, 23. P. 63f.

28 Passow F. Handwörterbuch der Griechischen Sprache. s.v.

29 Наиболее полный обзор дискуссии о выступлении Савмака см. Robinson Z/W/ Saumakos // Historia. 1980. № 29. Наиболее значительные из работ, вышедших позднее. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись... С. 55-86; Гаврилов А.К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? С. 53-73; Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. С. 128.

30 Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. С. 130

31 Молев Е.А. О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту //Проблемы античной истории и классической филологии. ТД. Харьков. 1980. С. 43-44

32 Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта //МОБЧМДСВ Ростов-на-Дону. 1986. С. 59

33 Я категорически не согласен с мнением Ю.Г. Виноградова, что этот поход мог быть подобен ближнему. См. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись... С. 78. Все сведения наших источников и дата издания декрета в честь Диофанта говорят как раз об обратном. Ср. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. С. 128-131

34 Масленников А.А. видит в варварах, разгромленных Неоптолемом, сатархов. См. Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпо-

ху Докторская диссертация М., 1993 С. 390, 391. Архив РИА Р2 № 2522. Однако, судя по Страбону, противники Неоптолема наступали явно со стороны азиатского Боспора (II, 1, 16, VII, 3, 18). Сатархи же в то время жили в Таврике и их наступление не могло проходить через территорию евронейского Боспора, минуя валы, где и должны были бы произойти их сражения с Неоптолемом.

С.Ю. Сапрыкин предполагает, что Неоптолем воевал с сарматами в годы Союзнической войны в Риме и эти сражения относятся им к тому времени. См. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Докторская диссертация. М., 1992. С. 258-259. Однако из всех сарматских племен имели корабли для того, чтобы сразиться с Неоптолемом на море, лишь сатархи, жившие в западном Крыму. Следовательно и это предположение не вполне согласуется с сообщением Страбона.

35. Неоптолем, будучи какое-то время наместником Боспора по-видимому воевал с сарматами в 96-90 гг. до н.э., о чем упоминает в трактате "Об удаче римлян" Плутарх (Mox., 324D).

36. Виноградов Ю.Г. Молев Е.А. Голстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи // ИУ. Тбилиси, 1985. С. 595-600. Vinogradov Ju.G. Bulletin Epigraphique // Revue des Etudes Grecques 1990. T. CIII. № 589. P. 554.

37. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города. М., 1952. С. 154.

38. Молев Е.А. Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата VI // Terra antiqua Balcanica. Serdicae-Tirnovi. II, 1985. С. 287.

39. Виноградов Ю.Г. Политическая история. С. 245 и сл.

40. Молев Е.А. Малая Армения. С. 189. Виноградов Ю.Г. Кадеев В.П. Армянские лучники. С. 12 и сл.

41. Шелов Д.Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967. С. 223.

42. Kleiner G. Bildnis und Gestalt des Mithridates // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts 1953. № 68. S. 87.

43. Ростовцев М.П. Эллинизма и царство на юге России. СПб. 1918. С. 109.

ПОВЕЛИТЕЛЬ АЗИИ

К началу I в. до н.э. условия для более активной политики Понта в Малой Азии оказались самыми благоприятными. Главный его соперник здесь — Рим — терпел в это время поражения от кимвров и тевтонов, отбивался от набегов фракийцев и с большим трудом заканчивал войну против нумидийцев.

В это время Рим имел в Малой Азии две провинции, созданные из прежних владений пергамского царя Аттала III. Одна из них, так и называвшаяся "Азия", состояла из городов и областей западного побережья полуострова. Вторая — Памфилия или Киликия, находилась на южном, гористом побережье Малой Азии. Общая площадь римских владений почти равнялась территории малоазийских государств Вифинии, Понта, Каппадокии, Галатии и Пафлагонии вместе взятых. Ко времени окончания Эвксинских войн Понта Пафлагония и Галатия представляли собой группы небольших самостоятельных княжеств. В Каппадокии правила сестра Митридата Евпатора Лаодика, муж которой Ариарат VI был коварно убит каппадокийским магнатом Гордисем, тайным союзником Митридата, около 111 г. до н.э.¹ Со времени Эвергета это царство находилось под влиянием Понта. Однако за годы правления матери Митридата этот успех политики Эвергета был практически утерян, и Каппадокия возвратилась к прежней проримской ориентации.

Следует заметить, что Понт до походов Александра Македонского представлял собой часть Каппадокии и населяли его в основном те же племена.² Поэтому объединение этих государств представлялось политически вполне возможным, если на это решился бы правитель одного из них.

Царство Вифиния управлялось в то время не менее предприимчивым чем Митридат, царем Никомахом III (128-94 гг. до н.э.).³ При нем оно достигло высшей ступени своего развития и было гораздо более самостоятельным в своих действиях чем другие малоазийские государства, исключая Понт.⁴

Внимательно изучив политическую обстановку на полуострове и хорошо сознавая неизбежность столкновения с Римом в случае активизации своей деятельности, Митридат принял решение доби-

ваться подчинения Малой Азии рядом последовательных действий: сначала в союзе с Никомедом подчинить Пафлагонию, Галатию и Каппадокию, а затем овладеть и землями своего союзника. Совместная активная политическая деятельность двух царей должна была меньше вызывать подозрений у римлян к каждому из них в отдельности.

Но прежде чем приступить к осуществлению своих замыслов, Митридат с небольшим числом своих ближайших друзей тайно отправился в римскую провинцию Азия и, "исхитив се всю, узнал расположение всех городов и областей, причем об этом никто не подозревал. Отсюда он переправился в Вифинию и, точно уже был владыкой ее, наметил удобные места для будущих побед. После этого он вернулся в свое царство" (Just., XXXVII, 3, 4). Это гайное путешествие Митридата более чем что-либо другое в его действиях этого времени свидетельствовало о том, что он очень высоко оценивал своего противника и решил лично убедиться в возможности победы над ним на малоазийской территории. Разведка Митридатом театра предстоящих военных действий заняла около года и происходила около 106/5 г. до н.э.

Возвращение его в Синопу, так же как и исчезновение, было неожиданным. За время отсутствия Митридата его жена Лаодика родила сына. По свидетельству римского историка Юстина, вскоре после возвращения мужа она попыталась отравить Митридата, чтобы скрыть, таким образом, свою связь с его друзьями, остававшимися в Синопе. Но ее служанки сообщили об этом Митридату, и это стало причиной ее гибели.

Вернувшийся в столицу молодой понтийский царь не стал тратить время на отдых и разного рода развлечения. Он ведет активные переговоры с вифинским царем Никомедом III и заключает о нем военный союз. Всю зиму 105/4 гг. до н.э. он проводит в военных лагерях, занимаясь усиленными тренировками своих воинов.

Весной 104/3 г. до н.э. войска понтийцев и вифинцев вторгаются в Пафлагонию. Страна была захвачена почти без сопротивления и поделена между союзниками. Римляне тотчас ответили на это событие требованием немедленно восстановить прежнее положение в Пафлагонии. Их посольство к царям Понга и Вифинии угрожало войной в случае невыполнения этих требований. Митридата не испугали угрозы. Он предъявил римлянам заветное, на основании которого его отец становится наследником пафлагонских царей в связи с вымиранием их рода. Оправдав таким образом свой захват, он вводит свои войска в Галатию, которая также ста-

ла составной частью его владений. Безнаказанности действий Митридата способствовал подкуп им римских сенаторов, о котором сообщает греческий историк Диодор (Diod., XXXVI, 15).

Никомед III, которому было нечем оправдаться, тем не менее, тоже нашел выход из создавшегося положения. Он сообщил римлянам, что возвращает захваченную им часть Пафлагонии отпрыску местного царского рода. Сам же назначил се правителем сына, дав ему традиционное имя пафлагонских царей Пилемен. Римским послам ничего не оставалось, как вернуться на родину ни с чем, став жертвой почти неприкрытого издевательства малоазийских царей. Таким образом, расчет Митридата на безнаказанность своих первых действий в Малой Азии полностью оправдался.

Незадолго до этих событий (ок. 111 г. до н.э.) в Каппадокии был убит царь Ариарат VI. Его убийце, Гордию, удалось скрыться. Убийство каппадокийского царя, по мнению римских авторов, было тайно подготовлено Митридатом как один из этапов его плана расширения власти над Малой Азией. Сыновья убитого царя были еще слишком юны для самостоятельного управления страной. Поэтому управление государством перешло в руки их матери, сестры Митридата. Пока Митридат обдумывал способ, при помощи которого он мог бы с наименьшими затруднениями превратить каппадокийцев в своих подданных, в страну вторгся вифинский царь Никомед III. Успех в Пафлагонии придал ему уверенность в своих силах и он, как и Митридат, решил воспользоваться ситуацией, сложившейся в Каппадокии, чтобы попытаться расширить свои владения. Митридат послал войско на помощь сестре, но на этот раз с о бывший союзник перехитрил царя Понта. Он заключил соглашение с Лаодикой и женился на ней. После этого ему оставалось только расставить свои гарнизоны по каппадокийским крепостям и объявить о слиянии двух государств — Вифинии и Каппадокии — в одно целое.⁵

Такое решение каппадокийского вопроса ни в коей мере не устраивало Митридата. Он тотчас объявил, что законным царем Каппадокии может считаться только сын убитого Ариарата VI. Никомед III с этим не согласился. Последним аргументом в споре недавних союзников стала армия. Митридат силой очистил Каппадокию от вифинских гарнизонов и провозгласил царем Ариарата VII, сына Ариарата VI и своего племянника. Никомеду пришлось временно уступить. Он наверняка знал, что Митридат не оставит своих планов полного подчинения Каппадокии, как не собирался отказываться от них и сам. Значит, надо было выждать вре-

мя до следующей благоприятной ситуации. И она не заставила себя долго ждать.

Не прошло и года после утверждения на престоле Ариарата VII, как Митридат через своих послов стал ходатайствовать о возвращении в страну Гордия, убийцы отца юного царя. Ариарат был возмущен предложением своего дяди. Интуитивно угадывая истинную причину ходатайства, он стал поспешно собирать войска и готовиться к войне. Никомед III и некоторые соседи с ним царьки, опасавшиеся могущества Митридата, немедленно пришли ему на помощь. С огромным войском Ариарат выступил навстречу понтийской армии.

Под командованием Митридата было 80000 пехотинцев, 10000 всадников и 600 боевых колесниц, снабженных серпами. Но тем не менее, он не решился вступить в открытый бой, предпочитая действовать коварством. Вот что сообщает об этом Юстин: "Он пригласил Ариарата на переговоры, но явился на них, спрятав под одеждой кинжал. По царскому обычаю Ариарат прислал к Митридату человека, который должен был его обыскать. Когда этот человек стал особенно тщательно ощупывать у Митридата нижнюю часть живота, Митридат сказал, что боится как бы обыскивающий не нашел там кинжала совсем иного рода, чем тот, который он ищет. Так, прикрыв коварство шуткой, Митридат отозвал Ариарата в сторону от его друзей и убил на глазах и своего, и его войска" (Just, XXXVIII, 1, 9-10)⁶. Смерть царя заставила каппадокийцев сложить оружие. Митридат поставил царем Каппадокии своего восьмилетнего сына, дав ему имя Ариарат. Регентом при новом царе был назначен Горгий. Это произошло около 100 г. до н.э. Казалось, остается добиться подчинения Вифинии и вся Малая Азия окажется во власти понтийского царя. Но это только казалось.

Добиваясь исполнения своих планов, Митридат, как и абсолютное большинство правителей всех времен, не принимал во внимание желаний народа. Это в значительной степени задержало решение вопроса о подчинении Каппадокии, а в конечном счете свело на нет все успехи, достигнутые в этом районе.

Наместники Митридата принялись усердно выколачивать из населения страны средства, необходимые царю Понта для дальнейших завоеваний. При этом они, конечно, не забывали и себя.⁷ Их произвол и жестокость вызвали всеобщее восстание в стране. Каппадокийцы вызвали младшего брата их бывшего царя, убитого Митридатов, который воспитывался под присмотром римлян в

провинции Азия, и изгнали понтийские гарнизоны. Новый царь Ариарат VIII не мог, однако, оказать успешного сопротивления Митридату. Он был разбит понтийцами и вынужден бежать из страны. Вскоре после этого он заболел и умер.

Никомед III, царь Вифинии, не сумел или побоялся активно выступить против царя Понта в период этих событий. Он сосредоточил свои усилия на интригах против Митридата в Риме. С этой целью он отправил туда подростка, выдававшего себя, по поручению Никомеда, за сына царя Каппадокии Ариарата VI. Для того, чтобы римские сенаторы поверили ему, в Рим была послана и царица Лаодика. Она должна была подтвердить, что у нее было от Ариарата VI три сына и этот тоже ее сын.

Тем временем, в Каппадокии Митридат встретился с одним из наиболее известных римских политических деятелей и полководцев того времени Гаем Марием. Марий в 99-97 гг. до н.э. предпринял поездку по странам Востока, чтобы как-то замять свои политические неудачи на родине.⁸ Митридат принял его любезно и почтительно. Но Марий, надеясь на войну с Митридатом, которая принесла бы ему новую славу и укрепила бы его престиж в Риме, вел себя в беседе с Митридатом резко и вызывающе. В ответ на предложение и, может быть, какие-то жалобы понтийского царя он сказал: "Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают" (Plut., *Mar.*, XXXI). На Митридата это заявление произвело сильное впечатление. С этого времени он стремится вести политику еще более осмотрительных действий и избегает сам создавать конфликтные ситуации в отношениях с римлянами.

Узнав об отправке Никомедом в Рим нового претендента на престол Каппадокии, Митридат немедленно отправляет туда же Гордия с сообщением о том, что им поставлен во главе страны сын каппадокийского царя Ариарата V, союзника римлян, погибшего в битве с Аристиком.⁹ Сенат довольно долго рассматривал положение дел в Малой Азии. В этом немалую роль сыграли и дары, присылаемые обоими царями римским сенаторам. Однако сохранить раздробленность малоазийских государств было в римских интересах. И сенат принял, в конце концов, решение возвратить свободу Каппадокии и той части Пафлагонии, которая находилась в руках Никомеда III. Таким образом римляне надеялись восстановить прежнее положение у своих восточных границ в Азии и поссорить еще более двух наиболее активных правителей этого региона. Поскольку каппадокийцы отказались от республиканской

формы правления, им было предложено избрать царя. Митридат предложил кандидатуру Гордия, но проримская партия оказалась более многочисленной и, опираясь на поддержку наместника римской провинции Азия, сумела провести своего ставленника Ариобарзана, прозванного Филоромеем, т.е. другом римлян. С этого времени¹⁰ и до самой смерти Ариобарзана в 63 г. до н.э. он периодически изгоняется из своего царства и снова восстанавливается римлянами.

Так усилиями римской политики был почти полностью восстановлен прежний политический статус в Малой Азии.¹¹ Для Никомеда III эта неудача его политики стала роковой. Вскоре после нее, в 94 г. до н. э. он умирает. После его смерти Митридат Евпатор остался единственным малоазиатским правителем, проводящим активную самостоятельную политику на полуострове. Он прекрасно понимал, что теперь особенно каждый его шаг будет объектом пристального внимания римских политических деятелей. Приходилось быть еще более осторожным и осмотрительным в каждом своем поступке и тщательно обдумывать каждый вариант того или иного своего плана. Не собираясь уступать римлянам Каппадокию, Митридат находит новый способ подчинить ее своему влиянию, не вступая в конфликт с Римом.

Около 94 г. до н.э. в Армению вернулся наследник армянского царя Тигран II, бывший до этого заложником у парфян. Ему удалось объединить под своей властью почти все армянские земли.¹² Его-то Митридат и решил привлечь для осуществления своих замыслов. Посланный к Тиграну Гордий стал убеждать его помочь восстановить на престоле Каппадокии сына Митридата Ариарата. Поскольку Тигран II имел в то время довольно слабое представление о Риме и его могуществе, это предложение не показалось ему опасным. Тем более, что Митридат сумел убедить его в своих дружеских чувствах, выдав за него замуж свою дочь Клеопатру.

Армянская армия стремительно вторглась в Каппадокию и, почти не встречая сопротивления, овладела всем государством. Ариобарзан, человек вялый и нерешительный, державшийся исключительно на авторитете римского оружия, бежал в Рим в самом начале военных действий. В третий раз царем Каппадокии стал Ариарат, сын Митридата (94/3 г. до н.э.).¹³ И опять ненадолго. Пропретор римской провинции Киликия Луций Корнелий Сулла получил приказ сената восстановить положение дел в Каппадокии и вернуть к власти Ариобарзана. С небольшим собственным войском и отрядами союзников Сулла разгромил каппадокийские

отряды Гордия и его союзников армян и восстановили положение в стране (Plut., Sulla V).¹⁴

На некоторое время в политической жизни Малой Азии наступило затишье. Но оно оказалось очень кратковременным. В то время как Гордий при помощи армян подчинял Каппадокию, Митридат затеял интригу против своего западного соседа — царя Вифинии. Здесь после смерти Никомеда III воцарился его сын Никомед IV. Митридат же привлек на свою сторону младшего брата нового царя Сократа Хреста и убедил его в возможности занять вифинский престол. Получив от Митридата войско и деньги, необходимые для этой операции, Сократ вторгся в Вифинию и изгнал из страны законного царя. Это произошло в то самое время, когда Сулла изгнал из Каппадокии Гордия. Потеряв на некоторое время Каппадокию, понтийский царь приобрел огромное влияние в Вифинии. Уже вскоре после ухода войска Суллы из Каппадокии Сократ Хрест вторгся туда и вновь изгнал Ариобарзана. Это было время наибольших успехов Митридата в Малой Азии. Владея собственнo Понтом, Пафлагонией, Галатией, имея своими вассалами царей Вифинии и Каппадокии, понтийский монарх фактически стал повелителем всей Малой Азии. И хотя внешне он выглядел безучастным свидетелем всех происходящих на полуострове событий, римляне чувствовали, что именно он является той главной фигурой, которая движет все события на Востоке.¹⁵

Сенат постановил восстановить Никомеда и Ариобарзана в их владениях. Для приведения в исполнение этого постановления в Малую Азию было отправлено посольство во главе с Манием Аквилем и Манлием Мальтином. Им было поручено с помощью Луция Кассия, наместника провинции Азия, и Митридата Евпатора вернуть законных царей в свои государства. Митридат уклонился от оказания военной помощи римлянам под предлогом того, что римляне так и не передали ему Всликую Фригию, которую в свое время обещали его отцу в благодарность за военную помощь против гелиополитов Аристоника. Тогда Маний Аквиллий и Люций Кассий собрали наемное войско из галатов и фригийцев и своими силами вернули Никомеда в Вифинию, а Ариобарзана — в Каппадокию. Сократ Хрест и Ариарат VIII бежали в Понт. Опасаясь, что это может стать для римлян поводом к войне с Понтом, которой сам Митридат страстно желал и в то же время боялся, он отдал приказ убить Сократа¹⁶. Но эта смерть оказалась столь же бесполезной, сколь и убийство Митридатом своего юного племян-

ника Ариарата VII. Та смерть не отдала в руки Митридата Каппадокии, а эта не избавила его от войны с римлянами.

"Римляне давно уже с подозрением смотрели на страну, подвластную Митридату, становящуюся очень крупной и желали разделить ее на несколько частей", — сообщает Аппиан (App., Mithr., 10). Именно поэтому, едва восстановив на престолах Никомеда и Ариобарзана, Маний Аквиллий в Вифинии, а Манлий Мальтин в Каппадокии стали подстрекать их к войне против Митридата. Оба царя долго отказывались, опасаясь силы понтийского царя. Но Никомед, задолжавший римским ростовщикам огромную сумму денег за свое возвращение к власти и не имеющий возможности рассчитаться с долгами, вынужден был вскоре подчиниться.

Его войска вторглись на территорию Понга и опустошили ее до города Амастрии¹⁷. Понтийская армия отступала, не вступая в бой. Митридат еще не был уверен в достаточности своих сил для победы и потому рассчитывал вступить в войну только в крайнем случае, если римляне сами дадут для этого достаточный повод. В будущем это могло бы оправдать его действия. Для того, чтобы попытаться отодвинуть начало войны на еще более долгий срок, он отправил своего посла Пелопида на переговоры с Манием Аквиллием и его коллегами. Туда же прибыло и посольство Никомеда IV. Но переговоры ни к чему не привели. Римляне явно желали войны. В ответ на претензии Митридата к Никомеду по поводу незаконно начатой войны, в то время как он является римским союзником, римские послы заявили: "мы не хотели бы, чтобы и Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война: мы считаем, что в интересах римлян, чтобы Никомед не потерпел ущерба" (App., Mithr., 14). После этого посол Митридата был выслан из римского лагеря. Война стала неизбежной.

Потерпев неудачу в переговорах, понтийский царь решил еще раз попытаться добиться мира путем демонстрации своей военной мощи. Сразу после возвращения Пелопида он отправил своего сына Ариарата с большим войском в Каппадокию. Ариобарзан опять был вынужден бежать к римлянам. Теперь понтийские войска с двух сторон были нацелены на римские владения. И вновь Пелопид прибывает к римлянам на переговоры. На этот раз он не просит, не жалуется, но прямо угрожает военной мощью Митридата и тем, что римские послы развязывают войну, не согласовав свое решение с сенатом.

Но и в таком варианте миссия Пелопида оказалась безуспешной. Война была неотъемлемой и экономически выгодной частью римского образа жизни¹⁸, и слова Пелопида вовсе не испугали полков Рима. К тому же, восстановив незадолго до этого царей Вифинии и Каппадокии на их престолах только своими силами, они надеялись также легко разгромить и понтийского царя. Они категорически запретили Митридату воевать с Никомедом IV и объявили, что сами восстановят в Каппадокии Ариобарзана. Это очевидное нежелание считаться с реальностью и традиционное римское высокомерие по отношению к другим народам очень дорого обошлось Риму.

По приказу Аквилы римляне стали формировать армию из жителей Вифинии, Галатии и Пафлагонии, совершенно не думая о том, что эти последние отнюдь не горели любовью к своим поработителям. Митридат ответил на это мобилизацией всех своих сил. Шел двадцать третий год его царствования. Это был год сто семьдесят третьей олимпиады (осень 89 г. до н.э.)¹⁹. И вновь звон мечей заглушил голос разума.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 200.
- 2 Максимова М. II. Античные города юго-восточного Причерноморья. М. Л., 1956. С. 171.
3. Габелко О. Л. Внешняя политика Вифинского царства // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 58.
- 4 Vitucci G. Il regno di Bitunia Roma 1953. P. 125 etc; Harris B. Bithynia Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW. Bonn-New-York. Bd 7 h. 2. 1980. P. 861-863; Walbank F. The Hellenistic World. L. 1981. P. 75 etc; Meyer E. Bithynia RE Bd III 1898.
- 5 Reinach T. Mithridate Eupator roi de Pont. P. 97.
- 6 Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 297.
- 7 Даже тогда, когда Митридат находился в крайне опасной ситуации в последний год его правления, чиновники, собирая налоги, не забывали себя. См. App. Mithr., 107.
- 8 Моммзен Т. История Рима. М., 1937. Т. 2. С. 198.
- 9 Reinach T. Mithridate Eupator roi de Pont. P. 98-99.
- 10 Это случилось около 95 г. до н.э. См. Бикерман Г. Хронология. С. 200.
- 11 Бенгтсон Г. Правители. С. 298.
- 12 Манандян А. Я. Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван 1943. С. 81.
- 13 Will E. Histoire politique du Monde hellenistique Nancy 1967. T. 2. P. 397.
- 14 Сулла был наместником Киприана в 92 г. до н.э. См. Badian E. Sulla's Cilician Command // Athenaeum. XXXVII 1959. fasc. 1-2. P. 279-303; С. Ю. Сапрыкин считает возможным с этого времени начинать отчет времени войн Митридата с Римом. См. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Автореферат. С. 31-32. Диссертация. С. 212.

Однако это противоречит данным наших основных источников (ср. Sherwin-White N The opening of the Mithridatic War //Philias Kharin 1980 1 6 P 1981-1995

15. См. Урбенко С. Л. Древний Рим. События, люди, идеи. М., 1969 С. 32 (ср. Olshausen E Mithridates VI und Rom Aufstieg und Niedergang der r. mischen Welt //ANRW hrsg von H Temporini 1 Von den Anf-ngen Roms bis zum Ausgang der Republic Bd. I Berlin-New-York 1972

16. Бенгтсон Г. Правители С. 298-299

17. Sherwin-White N The opening P 1981

18. Badian E Roman imperialism in the late Republic Ed 2 Oxford 1968 P 17-18
20; Harris W V War and imperialism in Republic Rome 327-70 DC Oxford 1979 9ff.
54ff.; Garland Y Guerre et économie en Grèce ancienne Paris 1989 P 42-55, 74-92

19. Badian E Roma Athens and Mithridates // Assimilation et resistance à la culture grécoromaine Bucarest 1978, Olshausen E Das Königreich Pontos RE suppl Bd XV 1978. Sp. 426. Sherwin-White N The opening P 1981, McGing B The foreign Policy P 108f. Not 96

ПРОТИВ РИМСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА, ЗА ВСЕОБЩУЮ СВОБОДУ

Готовясь к вторжению в Понт, римские войска расположились тремя лагерями у его границ. На границе Понта с Вифинией встал Манний Аквиллий; южные рубежи Вифинии и Галатии охранял Луций Кассий, у Каппадокии расположилось войско Оппия. Отряд каждого из римских полководцев состоял из 40000 пехотинцев и 4000 всадников. Немногочисленный римский флот под командованием Минуция Руфа и Гая Попилия стоял в гавани Византия, закрывая выход из Понта Эвксинского¹. Вифинский царь Никомед IV присоединился к римлянам в этой войне с 50000 пехотинцев и 6000 всадников. Его войско только что вернулось из набега на территорию Понта и располагалось у самых его границ.

Войско Митридата по численности не уступало противнику. Основные его силы, численностью около 150 000 человек, располагались в долине Амасии, первой столицы Понта. Им командовал сам царь. Кроме эллинов и каппадокийцев в войске были скифы, тавры, колхи, армяне, галаты, савроматы и представители других племен Причерноморья. Авангард армии Митридата, под командованием стратега Архелая, расположился у границ Вифинии, напротив лагеря Никомеда IV. Он состоял из 40000 легковооруженных воинов и 10000 союзной армянской конницы, которую привел из Малой Армении ее наместник, сын Митридата Аркафий. В отряде Архелая было также несколько боевых колесниц. После возвращения с переговоров Пелопида Архелай получил приказ царя немедленно атаковать Никомеда.

Оба войска встретились на широкой равнине у пограничной реки Ампейона. Чтобы не дать окружить себя вифинцам, превосходившим их численностью, понтийцы захватили небольшой скалистый холм, возвышавшийся над полем битвы с их левого фланга. Заметив это, Никомед немедленно атаковал отряд, занявший холм, и обратил его в бегство. Архелай бросил навстречу вифинцам часть своей пехоты под командованием своего брата Неоптолема и союзную армянскую конницу. Завязалось упорное сражение. Теснимые превосходящими силами противника понтийцы стали отступать. Царь Никомед лично повел свое войско в атаку. За-

метив отступление Неоптолема и Аркафия, Архелай с частью своей пехоты атаковал с правого фланга расстроенное преследованием отступающего противника вифинское войско. Заставив врага прекратить преследование отступающих понтийцев, Архелай, в свою очередь, стал отступать, чтобы дать возможность вернуться отрядам Неоптолема и Аркафия. Отступая, его отряд своим упорным сопротивлением привлек к себе все силы вражеского войска. Внимательно наблюдая за полем битвы, Архелай заметил, что отряды Неоптолема и Аркафия прекратили отступление и возвращаются на поле боя. Тогда он бросил в атаку боевые колесницы и оставшуюся у него пехоту. Врезавшиеся в ряды вифинцев колесницы рубили и рассекали воинов на части. Это повергло в ужас солдат Никомеда. Ряды его войска смешались. И в это время подоспели отряды Неоптолема и Аркафия, обрушившиеся на вифинское войско с тыла. Окруженные со всех сторон, вифинские воины были частично уничтожены, а большая часть их сдалась в плен. С небольшим числом приближенных Никомед вырвался из окружения и бежал в лагерь Мания Аквилы.

Архелай захватил лагерь вифинского царя с большим количеством денег. Взятых в плен вифинцев прибывший Митридат помиловал и, дав денег на дорогу, отпустил по домам, создавая себе у врагов славу милосердия.

Тем временем союзные Митридату фракийцы вторглись в Македонию и Эпир, опустошая эти владения римлян². Римляне не смогли оказать им успешного сопротивления и вынуждены были вести долгую и упорную борьбу еще с одним противником. Вскоре после сражения с Никомедом к Митридату прибыло посольство от италиков, которые обратились к царю за помощью против римлян в самой Италии³. Обладая превосходством на море, Митридат мог оказать эту помощь. Но он еще надеялся на относительно мирное согласие римлян уступить ему завоеванные территории и отказал послам. Время показало, что надежды Митридата были напрасными, и его отказ италикам лишил его одного из сильнейших союзников.

Прибыв в лагерь Мания и убедившись в невозможности с его силами противостоять понтийцам, Никомед бежал в лагерь Кассия. Сам Маний также попытался незаметно отступить в Пергам, но был настигнут у местечка Пахия Неоптолемом и Неманом, одним из начальников армянской конницы, и наголову разбит. Остатки его войска бежали в Пергам. Узнав о поражении Мания, отряды Кассия и Никомеда отступили в Леонтокефалею, самое укреп-

пленное место Фригии, и здесь готовились к сражению с Митрида-гом. Римляне поспешно набирали новые отряды воинов из местных ремесленников и земледельцев. Однако известия о победах Митридата и его милосердии к побежденным, а также испытанные на себе тяготы римского владычества привели к тому, что набранное войско вовсе не собиралось воевать против понтийского царя. Убедившись в этом, Кассий распустил большую часть войска и с небольшим отрядом римлян отступил в Аламею. Ушел в Пергам и царь Никомед, а Маний Аквиллий бежал на Митилену, жители которой впоследствии выдали его Митридату.

Флот Митридата, тем временем, овладел черноморскими проливами, захватив охранявшие их римские корабли, и вышел в Эгейское море. Видя, что римляне не собираются вступать с ним в переговоры и просить мира, Митридат разделяет свое войско на несколько отрядов и направляет их в различные районы Малой Азии для полного подчинения полуострова. В течение 88 г. до н.э. почти вся Малая Азия вошла в состав владений понтийского царя. Некоторое время сопротивлялся город Лаодикея на реке Лике, где укрылся римский полководец Квинт Оппий. Его войско разбежалось при известии о победах Митридата, а сам он с небольшим числом наемников отступил в Лаодикею. Прибыв к городу, Митридат послал к его стенам глашатая и велел ему объявить, что царь Митридат обещает лаодикейцам неприкосновенность, если они выдадут Оппия. Горожане позволили уйти наемникам Оппия, а самого его привели к Митридату, в насмешку заставив ликторов идти перед ним. Митридат не причинил ему зла, но возил его всегда с собой и всем показывал пленного римского военачальника.

Иная судьба постигла главного виновника войны Мания Аквиллия. Выданный жителями Митилены, он был доставлен к Митридату, который приказал возить его на осле задом наперед по всей провинции Азия, громко объявляя его имя. Когда же он был доставлен в Пергам, по приказу царя ему было влито в рот расплавленное золото. Тем самым Митридат хотел подчеркнуть склонность римлян к взяточничеству (App., Mithr., 21)⁴.

Проконсул Азии Луций Кассий, царь Никомед Вифинский и другие активные противники Понта собрались на Родосе. Торговая конкуренция этого острова с городами Понта⁵ сделала родосцев активными противниками царя Понта. Имея немногочисленный, но хорошо обученный военный флот⁶, родосцы решились бороться с Митридадом. Наварху родосцев Дамагору удалось одержать несколько побед над многочисленным, но плохо управле-

мым царским флагом. В одном из боев сам Митридат едва не попал в плен. Неудача штурма столицы родосцев с суши и моря вынудила Митридата прекратить осаду и ограничиться блокадой острова. Для этой цели он оставил здесь часть своих кораблей.

Возвратившись в Пергам, который Митридат сделал своей резиденцией, он объявил о прощении городам государственных и частных долгов и освободил от податей на пять лет. Это вызвало новый рост симпатий к царю Понта. Огромное количество захваченных богатств, награбленных в свое время римлянами, позволило ему не только простить долги городам, но и организовать грандиозные празднества по случаю своих побед. У Плутарха сохранилось описание апофеоза (обожествления) понтийского царя, которое произошло вскоре после его возвращения в Пергам (Sulla, 11). С помощью различных театральных приспособлений, под восторженные овации населения города, собравшегося в театре, к Митридату словно с небес спускалось изображение богини победы Ники с венцом в руках. Восхищенная толпа называла Митридата богом, отцом, Спасителем Азии, Вакхом, Либером. И это не случайно. Для эллинов провинции Азии он действительно был освободителем от тиранов римлян.⁷ По свидетельству одной из надписей города Эфеса, что наглядно свидетельствует об отношении греков к Митридату в то время, понтийский царь возглавил движение "против владычества римлян за всеобщую свободу".

Считая исход войны уже решенным, Митридат доверил ее дальнейшее ведение своим стратегам. Пелопид с небольшим отрядом был послан против ликийцев, не желавших подчиниться Митридату. Сын Митридата Ариарат выступил во Фракию и Македонию. На острова Эгейского моря и в Элладу был послан наиболее способный полководец Митридата Архелай. Но еще до выступления всех этих отрядов Митридат отдал тайный приказ всем начальникам его гарнизонов в один день перебить всех римлян и италийцев, живущих в Азии. Выполняя этот приказ, жители азиатских городов перебили не только действительных виновников их страданий — купцов, ростовщиков и публиканов, но и вольноотпущенников, рабов, женщин и детей. "В в этом случае особенно было ясно, что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершала против них такие ужасные поступки", — пишет Аппиан (App., Mithr., 22). Погибло в этой резне около 80000 человек.⁸

После этого Митридат занялся набором, обучением и вооружением новых воинов, проводя большую часть времени в пирах и

развлечениях. Пока он развлекался обстановка на полях военных действий изменилась не в его пользу. Оставим же на время нашего героя и проследим путь его армий от побед к поражениям.

Весной 87 г. до н.э. флот Понта, возглавляемый Архелаем, приступил к подчинению островов Эгейского моря. Почти все они без боя перешли на сторону понтийского царя. Штурмом был взят лишь остров Делос⁹, превращенный римлянами в беспошлинный порт, что давало его жителям огромные доходы от посреднической торговли.¹⁰ Здесь было перебито 20000 римлян. На острове была захвачена священная храмовая казна. Стремясь привлечь на свою сторону Афины, Архелай передал городу остров и священную казну. Деньги с Делоса были отправлены в Афины с Аристионом, афинским посланником к Митридату. Возвращение Аристиона от царя Понта с деньгами Делоса и перстнем, украшенным портретом Митридата — знаком особой близости к царю, вызвало взрыв энтузиазма в городе (Athen., V, 212d).¹¹

Афины объявили войну Риму, избрав Аристиона своим стратегом. Кроме вышеотмеченных причин на это избрание повлияло еще и то, что в распоряжении Аристиона был двухтысячный отряд воинов, предоставленный ему Архелаем для охраны сокровищ Делоса. На сторону Понта перешли вскоре все полисы Пелопонесса и средней Греции. С понтийским отрядом и отрядами союзников Архелай вступил в Беотию.

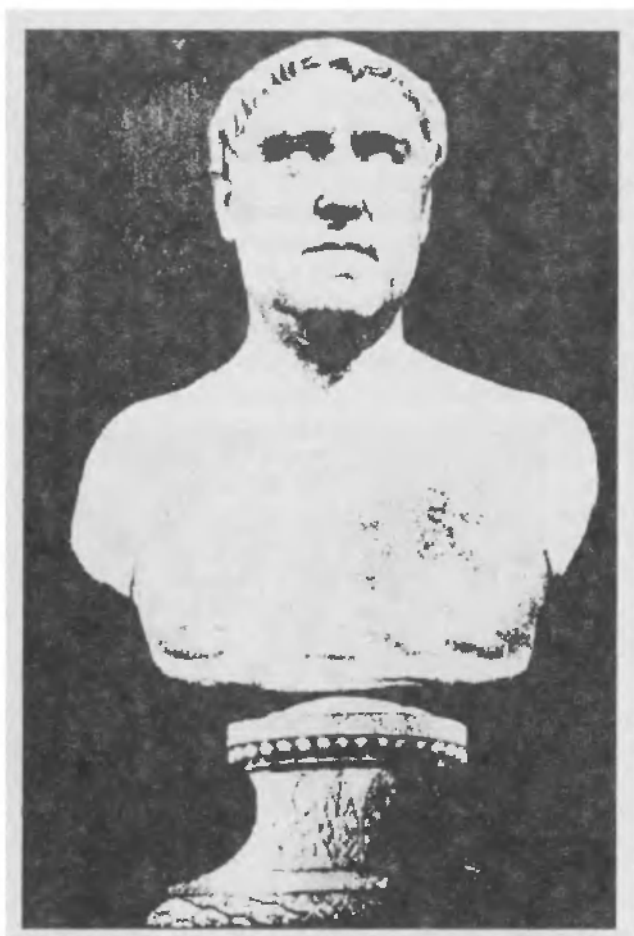
Другой отряд понтийской армии, возглавляемый стратегом Метрофаном, в это время занял Эвбею и высадился в Северной Греции. Потерпев поражения от Бруттия Суры — легата римского наместника провинции Македония, Метрофан отступил. Сура же, повернув войско в Беотию, встретился у Хероней с Архелаем. Три дня шли упорные бои. Ни одна сторона не могла одержать верх. Прибытие новой римской армии, предназначенной специально для ведения войны с Митридатом, заставило Суру с его войском возвратиться в Македонию.¹²

Осенью 87 г. до н.э. пять римских легионов во главе с Луцием Корнелием Суллой, назначенным полководцем в войне с Понтом, высадились в Греции. Собрав дополнительные контингенты воинов за счет союзников, продовольствие и деньги, Сулла двинулся против Архелая. Вся Беотия сразу перешла на сторону римлян. Не решаясь на открытое сражение, Архелай отвел свое войско в Пирей. Оставив часть сил для осады Афин, Сулла с остальным войском начал штурм Пирея. Мощные укрепления этого порта Афин, построенные еще при Перикле, надежно укрыли каппадокийские

отряды Архелая. Его воины оказали упорное сопротивление римлянам и отбили первый приступ врага. Сулла вынужден был перейти к правильной осаде города. Опасаясь новых политических перемен в Риме, он спешил как можно скорее овладеть Пиреем и Афинами. Нуждаясь в дереве для осадных работ и в деньгах для оплаты жалованья воинам, он приказал вырубить рощи Академии и Ликея и забрать драгоценные приношения из храмов Дельф. Когда посланец Суллы к дельфийским амфиктионам сообщил ему, что в храме зазвучала кифара, как бы протестуя против вывоза ценностей, Сулла насмешливо ответил ему, что пением выражают веселье, а не гнев. А значит, этим своим знаком божество подтверждает, что отдает свои приношения римлянам с радостью (Plut., Sulla, 12).

Бюст Суллы Мрамор Рим Ватикан

Бюст Помпея Мрамор Рим Ватикан

Тем временем в Афинах начался голод. Все попытки Архелая доставить продовольствие в город окончились неудачей. С прибытием от Митридата подкреплений под командованием Дромихета, Архелай решил дать бой Сулле у стен Пирея. Но и этот бой окончился отступлением понтийцев под защиту стен. Сулла попытался сходу ворваться в город вслед за отступающим противником, но был отбит. Приближалась зима. Стремясь заблокировать войско Архелая в Пирее, Сулла отправил своего ближайшего помощника

Луция Липиния Лукулла за кораблями к царям Сирии, Египта и на Родос.¹³ Лукулл блестяще справился с поставленной задачей. Отправившись в путь с тремя легкими кораблями и тремя родосскими биремами в разгар зимних бурь, Лукулл сумел привлечь на сторону Рима Крит, Кирену и получил, хоть и незначительную, помощь у царя Египта. Затем с небольшим количеством собранных кораблей он прибыл на Родос и весной 86 г. до н.э. развернул активные боевые действия против флота Митридата и его союзников.

Зимой 87/6 г. до н.э. потерпел поражение отряд Неоптолема, стоящий у Халкиды. Зато отряд Ариарата успешно прошел с боями по Фракии и вступил в Македонию. Захватив ее и оставив здесь своих сатрапов, Ариарат двинулся в Элладу против Суллы.

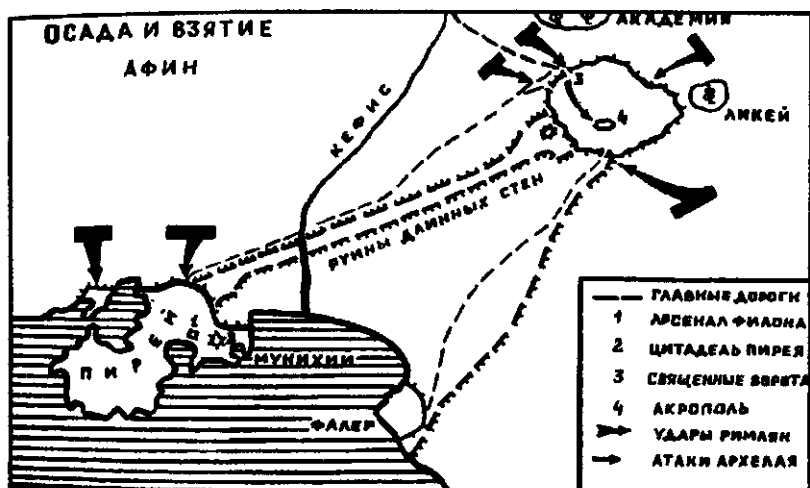

Схема Осада и взятие Афин

А бои у стен Афин продолжались. Опасаясь сражения с двумя вражескими армиями, Сулла предпринял решительный штурм Пирея. К стенам города поползли осадные машины. Однако воины Архелая успели сделать подкопы под насыпь, построенную римлянами у стен Пирея. При движении осадных машин насыпь стала внезапно оседать. Сулла успел вовремя это заметить и приказал остановить машины. Насыпь дополнили, а по следам подкопов понтийцев римляне сами подорвались под стены Пирея. Началось

сражение под землей. В темноте, почти не видя друг друга, римляне и понтийцы сражались врукопашную копьями и мечами.

Одновременно римские тараны разбили и обрушили часть крепостной стены. Воины Архелая, напуганные этим, оказывали все более слабое сопротивление. Сулла же все время сменял уставших воинов и бросал на штурм новые и новые отряды. Воспользовавшись кратким перерывом между атаками римлян, Архелай быстро сменил свои, пришедшие в расстройство, отряды свежими и контратаковал римлян. Яростное сражение продолжалось до вечера. Наконец, Сулла, понесший большие потери, отозвал грубым сигналом свое войско и отступил. Архелай стал немедленно восстанавливать упавшую часть стены, а внутри города построил несколько укреплений в виде полумесяца, обращенного краями к стенам. На рассвете римляне возобновили штурм, надеясь легко разрушить еще сырые, едва построенные стены. Однако, поражаемые сверху, с фронта и флангов, так как укрепления были в виде полумесяца, вынуждены были отступить. После этого Сулла отказался от мысли взять Пирей штурмом и перешел к осаде, чтобы голодом добиться того, чего не смог добиться силой.

Войско Ариарата, двигавшееся по Македонии, временно остановилось из-за болезни, а затем и смерти вождя, что произошло около города Тисеи¹⁴. Это позволило Сулле не спешить со штурмом Афин и Пирея. А голод в Афинах уже дошел до крайних пределов. Аристийон вынужден был отправить к Сулле послов для переговоров о мире. Стремясь хоть как-то облегчить судьбу своего города, послы стали напоминать ему о славном прошлом Афин, о Тесее и Эвмолпе, о Персидских войнах. В ответ Сулла безжалостно сказал им: "Идите-ка отсюда, милейшие, и все свои рассказы прихватите с собой: римляне меня послали в Афины не учиться, а усмирять изменников" (Plut., Sulla, XIII).

Изучив внимательно городские укрепления и видя, что гарнизон Афин совершенно обессилен от голода, Сулла назначил ночной штурм. Захватив и сравняв с землей участок стены между Пирейскими и Священными воротами, римляне в полночь 1 марта 86 г. до н.э. вступили в Афины. Вот как описывает ужасы этой ночи Плутарх: "Сулла... вступил в город в полночь — грозный, под рев бесчисленных труб и рогов, под победные клики и уползканье солдат, которые, получив от Суллы приказ убивать и грабить, с обнаженными мечами поспешили по узким улицам. Убитых не считали, и вплоть до сего дня лишь по огромному пространству, занятому тогда кровью, судят об их множестве. Ведь не говоря уже о

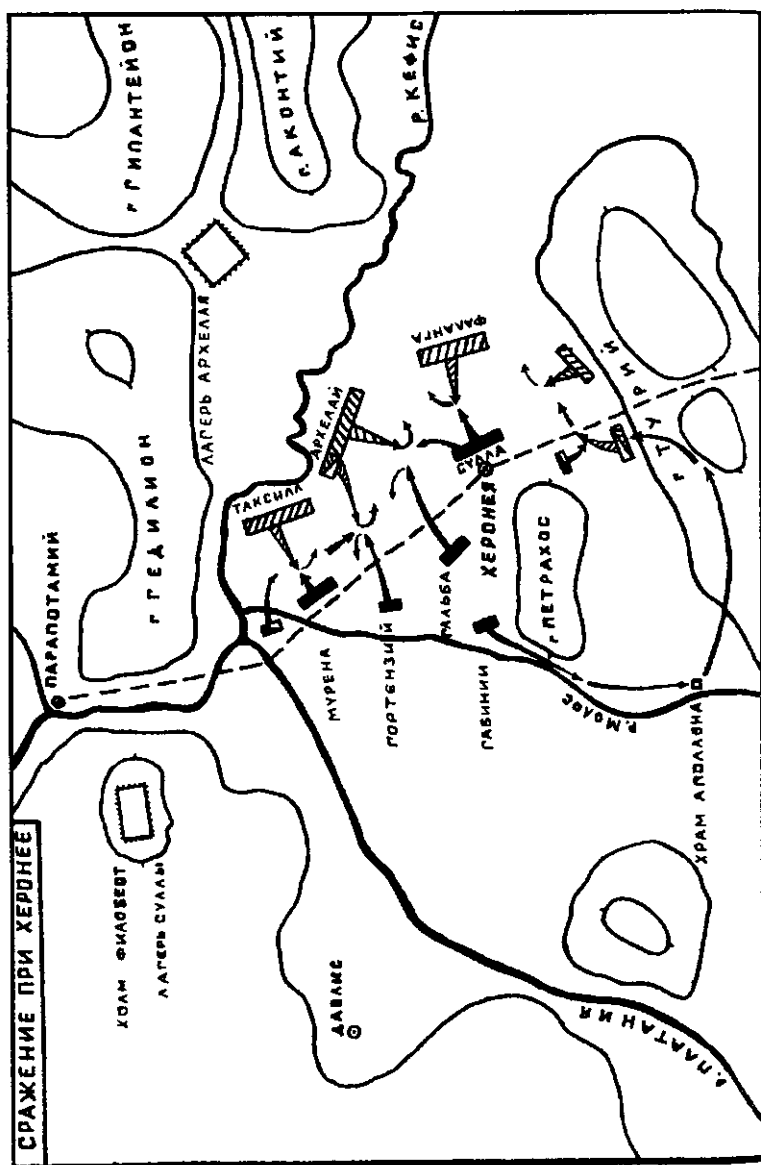
тех, кто погиб в других частях города, только резня вокруг площади облила кровью весь Керамик по самые двойные ворота, а многие говорят, что кровь вытекала за ворота и затопила пригород" (Plut., Sulla., XIV).

Аристион с небольшой частью воинов бежал на акрополь, где продержался еще несколько дней. Жажда вынудила его сдаться. По приказу Суллы все исполнители каких-либо официальных должностей в Афинах были казнены вместе с Аристионом. Из Акрополя Сулла вывез 40 фунтов золота и 600 фунтов серебра.

Сразу после взятия города, не дожидаясь капитуляции Аристиона, Сулла начал штурм Пирея. Несколько дней подряд шло отчаянное сражение, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Шаг за шагом римляне разрушили почти все укрепления, построенные понтийцами и оттеснили их в сильно укрепленную приморскую часть города. Овладеть же этой частью города без флота Сулла был бессилен. Но и оборона Пирея после падения Афин и капитуляции Аристиона утратила смысл.

Оставив город, защищать который ему пришлось в течение почти целого года, Архелай на кораблях отплыл в Беотию, а оттуда в Фессалию. В Фермопилах он собрал остатки своего войска, соединив его с войском Ариарата, которое под командованием Таксилла пришло из Фракии и Македонии. Общая численность понтийской армии составила теперь около 60000 человек. Из них 10000 составляли всадники. Кроме того, в армии было 90 боевых колесниц.

Сулла сжег Пирей, доставивший ему так много неприятностей, и двинулся в Беотию против Архелая. На соединение с ним из Италии шел шеститысячный легион Гортензия. Архелай рассчитывал перехватить и уничтожить Гортензия в Фермопилах, но херонсеи Кафис провели Гортензия другим путем через Парнас и последний успешно соединился с Суллой. По сведениям Плутарха численность римской армии при этом составила около 15000 пехотинцев и 1500 всадников. Учитывая состав римского легиона этого времени в 5-6 тысяч человек, можно подсчитать потери Суллы при штурме Пирея и Афин. Пять его легионов со вспомогательными отрядами должны были составить в начале военных действий около 30000 человек.¹⁵ Уходя в Беотию, какое-то количество воинов он, видимо, оставил в Афинах в качестве гарнизона. Таким образом, общая численность его потерь должна составлять примерно 15-20 тысяч человек. Примерно такой была численность армии Архелая, осаждающей в Пирее до получения подкреплений.

Сражение при Херонее

С приближением войск Суллы Архелай перенес от Фермопил в Фокиду. Не решаясь вступить в решительное сражение, он стремился всячески затянуть войну и, лишив неприятеля подвоза продовольствия, голодом принудить его к сдаче. Однако, когда понтийское войско расположилось лагерем при Херонее, Сулла вынудил его принять бой. Лагерь Архелая стоял на покатом месте, прикрытый с тыла крутыми холмами и горами. Уйти отсюда, чтобы избежать сражения, было невозможно. Но в то же время невозможно было развернуть для боя все войско из-за неровной местности. Это обеспечило победу римляни (см. карту).

Первоначально Архелай бросил в атаку часть своих всадников, но они были отброшены в горы. Бесполезной оказалась и атака колесниц. Римляне пропустили их в задние ряды, где уничтожили колесничих копьями и стрелами. Тогда Архелай выстроил основные силы своего войска и начал наступление. Впереди шла конница. За ней следовала македонская фаланга, составленная из 15000 рабов, получивших свободу. За ними были выстроены вооруженные по италийскому образцу италийские перебежчики. Понтийская конница, составленная из скифов, савроматов и армян, прорвала ряды римской фаланги и стала окружать ее отдельные отряды. Но Сулла с конницей и двумя резервными когортами пехоты немедленно пришел на помощь своим главным силам. Конница Архелая поспешно отступила, частично смешав ряды македонской фаланги. Следом за ней римская пехота вклинилась в ее ряды и стала теснить понтийцев. Но продвигались римляне с большим трудом, ибо недавние рабы храбро отстаивали свою только что полученную свободу. В конце концов большая скученность воинов Архелая и неудобство местности заставили их обратиться в бегство. Часть воинов бежала в горы, часть в лагерь. Римляне ворвались в лагерь вслед за бегущими и тем окончательно закрепили свою победу. Архелай и уцелевшие воины собрались в Халкидике в числе около 10000 человек. Римские потери были незначительны. Сулла пышно отпраздновал победу в Фивах, соорудив театр у Эдипова источника. Архелай же, пользуясь преимуществом своего флота, продолжил набеги на побережье.

Поражение понтийской армии в Элладе поразило Митридата. Однако он стал спешно собирать новые войска из всех подвластных ему племен. Опасаясь, что под влиянием римских успехов некоторые из его союзников могут перейти на сторону врагов, Митридат решил избавиться от наиболее активных из них.¹⁶ Прежде всего, репрессии обрушились на галатов. Они не подчинялись

Митридату и были наиболее воинственными из малоазийских племен, вследствие чего их измена могла быть наиболее опасной. Митридат пригласил тетрархов (вождей) галатов к себе на пир. Ничего не подозревавшие предводители галатов явились на пир с женами и детьми. В разгар пира на них обрушились телохранители понтийского царя. Безоружные галаты отчаянно защищались. Трое из них, вырвав оружие из рук врагов, с бешеной отвагой пробившись сквозь ряды врагов и бежали. Остальные погибли вместе с семьями. Уничтожив вождей галатов и захватив их имущество, Митридат поставил в Галатии свои гарнизоны. Сатрапом страны был назначен Эвмах. Однако бежавшие вожди галатов собрали войско из сельского населения и разгромили понтийские гарнизоны.

Вслед за галатами настала очередь острова Хиос. Царь был сердит на хиосцев еще за то, что во время сражения у Родоса хиосский корабль в сутолоке боя нанес, по ошибке, повреждение царскому кораблю. Объявив, что остров замышляет перейти на сторону римлян, Митридат приказал своему любимцу Дорилаю захватить его. Город хиосцев был взят, жители отправлены в Понт. Но по пути следования корабли понтийцев подверглись нападению жителей Гераклеи, которые освободили хиосцев и впоследствии помогли им вернуться в родные места.¹⁷

Опасаясь теперь подобных действий царя многие малоазийские города выступили против него. Подозрительность восточного деспота сделала свое дело. Митридат вынужден был теперь бороться еще с одним врагом, созданным его же руками. Его воины жестоко грабили те города, которые удалось захватить. Но действуя силой, Митридат, вместе с тем, попытался и другими мерами привлечь к себе доверие греческих городов. Он даровал свободу всем греческим городам, объявил об уничтожении всех долгов, сделал метеков полноправными гражданами, а рабов — свободными. С этого времени он смог опираться на политически бесправные прежде слои полисов.¹⁸

Раскрыв один из заговоров против себя среди своих приближенных и казнив заговорщиков, Митридат повсюду разослал своих людей для выслеживания тайных и явных противников и всячески поощрял тех, кто доносил на врагов царя. По этим доносам в одном только Пергаме было схвачено и казнено 80 человек. А всего по доносам погибло 1600 человек. В такой обстановке всеобщей подозрительности вряд ли можно было рассчитывать на поддерж-

ку, и тем более активную помощь, со стороны недавно вошедших в состав государства народов.

А между тем, 13 января 86 г. до н.э. в Риме умер главный соперник Суллы Гай Марий (Plut. Mar., XLVI). Его преемник по консульству Луций Валерий Флакк был назначен сенатом командующим в войне против Митридата. С двумя легионами весной 86 года до н.э. он высадился в Греции. Сулла двинулся навстречу ему в Фессалию. Однако Флакк, не надеясь на верность солдат, уклонился от столкновения с ним и ушел через Македонию к Византию. Сулла не мог преследовать его. К тому времени в Халкиде высадилась новая понтийская армия под командованием Дорилая. Численность ее составляла 80000 человек. Соединившись с Археласом, который оставался верховным командующим понтийских войск в Элладе, Дорилай занял Беотию и двинулся против Суллы. Римляне немедленно выступили ему навстречу. Потерпев неудачу в нескольких небольших столкновениях, Дорилай отступил к Орхомену, где командование войском принял Архелай.

Равнина у Орхомена отличалась обширностью и красотой. Она лишена деревьев и простирается до болот, в которых теряется река Мелан, берущая начало у Орхомена. Местность была благоприятной для действий многочисленной понтийской конницы, и Архелай решил дать бой римлянам. Сулла же, стремясь лишить врага его преимуществ в коннице, стал копать с двух сторон своих позиций рвы. Но закончить их он не успел. По приказу Архелая понтийская конница обрушилась на римлян, занятых земляными работами. Последние обратились в бегство. Преследуя бегущих, понтийские всадники смяли и большую часть римского войска, выстроенного для боя. Увидев бегство своих воинов, Сулла соскочил с коня и, схватив знамя, кинулся навстречу врагам, пробиваясь сквозь толпу бегущих и крича: "Римляне, здесь видно я найду славную смерть, а вы запомните, что на вопрос, где вы предали своего императора, вам придется отвечать — при Орхомене" (Plut., Sulla, XXI). Видя его в опасном положении, римляне прекратили бегство и, повернувшись, вновь обрушились на врага. С правого крыла на помощь Сулле подошли две свежие когорты воинов. Это вынудило понтийскую конницу отступить. Дав своим воинам позавтракать, Сулла вновь начал копать рвы перед понтийским лагерем. И вновь понтийская пехота и конница атаквали его. Ярость сражения была такова, что лучники Архелая, не имея возможности стрелять в тесноте, сжимали в кулаках пучки стрел и действовали ими как мечами. Но и на этот раз понтийцы вынуждены были отступить. Об-

щие их потери за день составили около 15000 человек, из которых не менее 10000 составили всадники.

На следующий день Сулла повел свои войска на штурм понтийского лагеря. Понтийские воины встретили его градом стрел, а затем приняли рукопашный бой. Римлянам удалось обрушить угол укрепленного вала лагеря, устроив себе над головами прикрытые из щитов. Но понтийцы, соскочив со стен укрепления внутрь этого угла, с обнаженными мечами встретили ворвавшихся римлян. На некоторое время римляне заколебались, но бросившийся вперед Базилл, командир легиона, заколол нескольких напавших на него понтийцев и увлек воинов за собой. Началось избиение зажатых на узком пространстве понтийских солдат. Кровь убитых наполнила болота. Еще спустя 200 лет после сражения здесь находили остатки варварских стрел, шлемов и мечей. Архелай скрылся в болотах, а затем переправился на корабле в Халкиду. Туда же постепенно собирались его уцелевшие от побоища воины. Всего собралось около 10000 человек.

Сулла, наградив своих солдат, отличившихся в сражении, разграбил Беотию и, перейдя в Фессалию, зазимовал там, ожидая прибытия Лукулла с кораблями. Не зная, удалось ли Лукуллу его предприятие, Сулла приказал своим воинам также начать строить корабли. И в это время в его лагерь прибыли многие представители римской аристократии, бежавшие из Рима от преследований демократической партии. Вместе с ними прибыли жена и дети Суллы. Все они уговаривали Суллу бросить войну и вернуться в Рим, чтобы восстановить положение в городе. Сулла колебался, не зная, что предпринять¹⁹.

Война, между тем, продолжалась. Легионы Флакка, переправившись через Боспор Фракийский, вступили в Азию. В результате ссоры между командующим римской армией и его заместителем Флакк был убит. Мятежные легионы провозгласили командующим Флавия Фимбрию. Последний привлек на свою сторону некоторые полцы Малой Азии и дал бой посланному против него понтийскому войску, которое возглавлял сын понтийского царя Митридат. Имея под своим командованием свежие войска и лучших стратегов — Таксилла, Диофанта, сына Митара и Менандра, молодой царевич сначала потеснил войско Фимбрия. Но римский полководец сумел хитростью добиться того, чего не смог добиться силой. Когда оба войска расположились по берегам небольшой речки, на рассвете, пользуясь противным дождем, Фимбрия скрытно перешел реку и внезапно напал на понтийцев. Захваченные во

время сна в палатках понтийские воины спасались как могли и не помышляли о сопротивлении. Митридат бежал в Пергам к отцу. Следуя за бегущими, Фимбрия овладел Пергамом. После этого большая часть малоазиатских городов перешла на сторону Рима.

Преследуя отступающее войско понтийского царя, Фимбрия окружил его в приморском городе Питане. Митридат приказал своим кораблям немедленно собираться в Питану, чтобы иметь возможность уйти в случае крайней необходимости. Раздоры между римскими полководцами облегчили эту задачу. Фимбрия отправил своих послов к начальнику флота Суллы Лукуллу с предложением блокировать Митридата с моря. К этому времени Луций Лукулл привлек на свою сторону Книд, Кос, Самос, захватил Хиос, Колофон и находился недалеко от Питаны. Но он отказался помогать Фимбрии, принадлежащему к противной партии. Это спасло Митридата. Он уплыл из Питаны со всем своим войском, смеясь над Фимбрией, и прибыл на Остров Лесбос в Митилену. Лукулл же, разгромив отдельные отряды понтийского флота при Лекте Троядском и Тенедосе, прибыл к войску Суллы, стоявшему у Херсонеса Фракийского.

Еще до прибытия Лукулла Сулла начал переговоры о мире с Архелаем. Инициатором переговоров был понтийский стратег,²⁰ убедившийся в бесполезности дальнейшего сопротивления. Оба полководца встретились у города Делия. Архелай убеждал Суллу прекратить войну и, взяв у Митридата деньги и корабли, возвратиться в Италию, где разгромить своих политических противников. Сулла, со своей стороны, предложил Архелая взять власть в Понте в свои руки, став другом и союзником римского народа. Архелай отверг предложение Суллы, заявив, что он никогда не будет предателем по отношению к тому, кто поручил ему главное начальство. Но при этом он добавил, что надеется договориться с Суллой, если тот предъявит умеренные требования.

Сулла потребовал передачи флота, бывшего в распоряжении Архелая, возвращения перебежчиков, бежавших рабов, хиосцев, вывода войск из всех укреплений, кроме собственно Понта и оплаты всех военных расходов. Архелай принял эти условия и стал выводить гарнизоны из городов и островов Эгейского моря. Относительно прочих условий он запросил царя. Сулла, тем временем, совершил грабительский поход по землям энетов, дарданов и сингов — племен, соседних с Македонией. Прибывшие вскоре послы Митридата сообщили, что царь согласен на все условия, кроме передачи флота и предоставления независимости Пафлагонии. Разгне-

ванный отказом, Сулла двинулся в Азию, приказав Лукуллу с флотом плыть в Абидос. Архелай лично отправился к царю и сумел убедить его в необходимости скорейшего заключения мира.

Впрочем, еще более убедили Митридата в этом победы Фимбрии и Лукулла. Он принял предложения Суллы и попросил личной встречи с римским полководцем. Стоял август 85 г. до н.э. Митридат прибыл на встречу с Суллой в сопровождении 20000 голплитов и 6000 всадников, множества боевых колесниц. Сулла прибыл с четырьмя когортами пехоты и 200 всадников. Встреча состоялась в городе Дардане, в северо-западной части Малой Азии. Удалив спутников, Сулла и Митридат приступили к переговорам. Все попытки Митридата оправдать себя и тем самым сохранить за собой хотя бы часть завоеваний, оказались безуспешными. Сулла решительно отверг все обвинения царя против римлян и пригрозил войной в случае отказа от предложенных им условий мира, принятых по договоренности с Архелаем. Митридат вынужден был согласиться. Только тогда Сулла приветствовал его и, обняв, поцеловал. Затем он позвал Ариобарзана и Никомеда и примирил их с Митридатом. Условия мирного договора были следующие: Митридат возвращает римлянам провинцию Азия, цари Вифинии и Каппадокии возвращаются в свои государства, Митридат выплачивает Сулле 3000 талантов и отдает 80 триер из состава своего флота для возвращения Суллы в Италию. Со своей стороны, Сулла обязывался не чинить вреда городам, которые перешли на сторону Митридата. Однако и тот и другой до конца так и не выполнили всех условий договора. Митридат сохранил за собой часть укреплений в Пафлагонии и Каппадокии, а Сулла подверг разгрому города, перешедшие на сторону царя Понта.

После заключения мира Митридат поспешно возвратился в Понт. Надо было восстанавливать власть в Колхиде и на Боспоре, отпавших от него в конце войны.²¹ Однако, при этом он оставил нескоторую часть своего флота в Эгейском море. Это были корабли пиратов, присоединившиеся к царю Понта в ходе войны. Они получили тайный приказ Митридата продолжать борьбу с римлянами и их сторонниками своими привычными методами. Пользуясь безучастностью Суллы и беззащитностью разоруженных им городов, пираты вскоре становятся полными хозяевами на море. Начиная с этого времени, они все более расширяют район своих операций к началу третьей войны Митридата с римлянами, все море оказывается в их власти²².

Суши же, отплыл на предоставленных ему Митридатом кораблях в Грецию, оставив в провинции Азия два легиона, перешедших к нему от Фимбрии. Наместником провинции Азия он назначил своего легата Лициния Мурену, поручив ему сбор контрибуции, наложенной на малоазийские города.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 () составе флотов и роли флота в этих войнах см Kromayer J Die Entwicklung der Römischen Flotte vom Seerüberkriege des Pompeius bis zur Schlacht bei Actium Philologus 1897. 56 S 426-491
- 2 Ciaggero ES Relations politiques et militaires de Mithridate VI Eupator avec les populations et les cités de la Thrace // Pulpedeva 1978 № 2 P 294-305. Молев Е А Западнотонтийские города С 287, его же, Фракия в войнах Митридата Евпатора // Бол. аристия в системе общественных наук Харьков 1991 ТД С. 26-27
- 3 () посольстве италиков к Митридату см Моммзен Т История Рима Т 2 С 232, 271
- 4 Бенгтсон Г Правители С 299
- 5 Лазаров М Търговските връзки на Родос със западно-тонтийските градове през еллинистическата епоха // Bulletin du Musée National de Varna 1977 Kn XIII (XXVIII) P 1-18. Berthold R Rhodes in the Hellenistic Age New-York 1984 P 52-53 Бадальянц К () Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма // ВДН 1986 № 1 С 89
- 6 Горлов Ю. В Эллинистический Родос // Эллинизм экономика, политика, культура С 209-210.
- 7 Бенгтсон Г Правители С 300
- 8 Годубцова Е С Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры М 1951 С 48
- 9 Максимова М И Античные города С 253
- 10 Лопухова () Б Делос во II в до н э // Эллинизм экономика, политика, культура С 232
- 11 Badian E Rome, Athens and Mithridates P 501
- 12 Мак-Джинг совершенно справедливо отмечает, что после неудач в боях с Бреттием Своей прибытие легионов Судлы породило гораздо более тревожную ситуацию См McGing B Op cit P 125
- 13 () войне на море см Zieharth E Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland Hamburg 1929
- 14 Моммзен Т История Рима Т 2 С 276
- 15 Там же, С 273
- 16 Эти его действия дают все основания согласиться с оценкой Митридата, данной ему Г Моммзеном как восточному судану см Моммзен Т История Рима С 251
- 17 Сапрыкин С К) Гераклея Понтийская С 229
- 18 Хотя, несомненно, эти мероприятия способствовали улучшению положения низов населения греческих городов (см Rostovtzeff M SEHW P 935), это вовсе не означает, что Митридат являлся "защитником всего эксплуатируемого населения" как это иногда считают См Манандян Я А Тигран II и Рим С 77, Ср Годубцова Е С Северное Причерноморье С 49-50 Максимова М И Античные города С 271
- 19 Моммзен Т История Рима Т 2 С 280 и сл

20 Так следует из сообщения Плутарха (Sulla , XXII) Согласно Аппиану Археолог начал переговоры по приказу Митридата (App . Mithr , 54) Последующая судьба Археолога показывает, что он вполне мог быть инициатором переговоров

21 Саникидзе Л Д Понтийское царство Тбилиси 1956 С 80-81

22 О деятельности пиратов см Oremecrod P The Piracy in the Ancient World London-Liverpool 1924 P 286 etc

НАКАНУНЕ РЕШИТЕЛЬНОГО СТОЛКНОВЕНИЯ

Дарданский мир оказал огромное влияние на личность царя и его дальнейшую политику. Впервые Митридат должен был уступить. И не просто уступить, но признать себя побежденным человеком, который сам считался изгнанником из своего отчества. При этом ни флот, ни армия царя не были до конца разгромлены, враг еще не вступил на территорию собственно Понта, не были исчерпаны и материальные ресурсы страны. Сам Митридат находился в расцвете сил. Ему исполнилось только 47 лет. И, как отмечал один из современных его биографов Г. Бенгтсон, "по своим высоким интеллектуальным качествам он был прямо предназначен для того, чтобы быть правителем"¹.

Впрочем, Дарданский договор в значительной степени был всего лишь сделкой между лицами, крайне заинтересованными в ней, поскольку от письменного составления договора стороны отказались. И потому его условия стали нарушаться сразу после его заключения. Так, Митридат не вернул независимости Пафлагонии, оставил за собой ряд крепостей Каппадокии, фактически продолжил войну с Римом на море, предоставив возможность капитанам своих кораблей, подлежащих уничтожению, стать пиратами. Со своей стороны Сулла обрушился с репрессиями на города Азии, поддерживавшие Митридата, и довел их до полного разорения.

Все это дает основание думать, что понтийский царь не отказался от своих далеко идущих планов, но поставил себе более реальные цели и избирал для их осуществления более безопасные средства. Главное внимание он совершенно правильно сконцентрировал на укреплении своей воспонтийской державы, целостность которой в ходе войны нарушилась. От Понта отпали Боспор и Колхида. Отпадение этих районов Причерноморья существенно ослабляло военные силы Понта. Сразу резко сократились приток наемников и поступление кораблестроительных материалов для флота. Сильно уменьшились и поставки продовольствия. Впрочем, отпадение колхов было не таким уж опасным. Страна, объединенная в результате ее завоевания понтийским царем, находилась в сильной экономической зависимости от городов Понта. Выход ее из подчинения Митридату Евпатору был вызван, скорее всего, на-

ционалистическими чувствами, которые, вероятно, возросли в результате объединения страны. Это особенно подтверждается тем фактом, что восставшие колхи обратились к Митридату с просьбой дать им в качестве царя его сына Митридата. Прибытие последнего положило конец восстанию (App., Mithr., 64).²

В это время римский наместник в Азии Мурена, пользуясь тем, что Дарданский договор Суллы с Митридатом не был письменным, усиленно готовился к новой войне с Понтом. Он основал у границ Понта город-крепость Экинею. Находясь в таких условиях, Митридат сразу после подчинения колхов стал ускоренными темпами снаряжать армию и флот для похода на Боспор. Отпадение последнего было более чувствительным для царя Понта, ибо отсюда он получал продовольствие для своей многочисленной армии и наемников из местных племен. И хотя экономически Боспор, так же как и Колхида, находился в сильной зависимости от Понта, эта зависимость, в условиях прекращения варварских набегов и успешного развития хозяйственной жизни страны, не требовала обязательного политического объединения с Понтом. Тем более, что почти 400 лет Боспор управлялся своими правителями, потомки которых, по-видимому, оставались на Боспоре. Думается, что отпадение Боспора от Понта в таких условиях связано именно с возрождением сепаратистских тенденций у городов Боспора, экономической основой которых могла стать торговая ориентация городов азиатской части государства на Родос³. Победа родосцев над флотом Митридата давала надежду на возможность отстоять свою независимость и боспорянам. Однако поход против боспорян Митридату пришлось отложить. Более страшный враг стоял у границ государства и лишь ждал случая, чтобы начать войну.

Незадолго до начала военных действий, а может быть, уже в ходе их, понтийский царь заключает союзные договоры с югозападнопонтийскими городами Аполлонией и Мессембрией.⁴ Этим городам угрожали их ближайшие соседи — фракийское племя одрисов. Царь одрисов Садал во время первой войны Митридата с Римом послал на помощь Сулле отряд своих воинов во главе с Аматоком, сыном Тереса⁵. После победы римлян, зная тяжелое положение Митридата, обычно помогавшего эллиническим городам против варваров, Садал, по-видимому, попытался принудить к подчинению Аполлонию и Мессембрию. Эти два города оставались последними из западнопонтийских городов, еще сохранявших свою автономию. Заключение союзного договора с царем Понта обеспечило им военную и экономическую поддержку одного из

сильнейших причерноморских государств и помогло сохранить автономию почти до самой гибели последнего.

Готовясь к новому столкновению с римлянами, Митридат обратился с предложением союза к последнему независимому полису Южного Причерноморья Гераклея Понтийской. Гераклеоты располагали значительными военными силами и могли бы оказать немалую услугу любому союзнику. Именно поэтому за помощью к Гераклею обратился и римский наместник в Азии Мурена. Но гераклеоты предпочли не вмешиваться в конфликт, надеясь сохранить целостность своего полиса соблюдением строгого нейтралитета⁶. Спустя короткое время они убедились в том, что это было невозможно.⁷

В обстановке постоянной угрозы войны Митридат стал еще подозрительнее относиться к окружающим. Особые подозрения у него стал вызывать Архелай, продолжавший оставаться одним из главных стратегов войска. Его поражения в боях с Суллой в Элладе, согласие на все предложения римлян во имя мира и активное убеждение царя в необходимости прекращения войны стали казаться Митридату возможным следствием не столько преданности ему, сколько иным, более осязаемым факторам — подкупу и измене. Тот же Плутарх говорит об особой заботе Суллы об Архелее, когда во время перемирия с римлянами Архелай тяжело заболел. Сулла даже прервал свой поход и заботился о нем как о собственном полководце. Отпустив из плена друзей Митридата, Сулла убил лишь одного из них — Аристиона, афинского тирана и личного врага Архелая. И, наконец, Сулла подарил Архелая в Эвбее 10 000 плетров земли и объявил его другом и союзником римского народа, хотя война еще не была окончена. Правда, сам Сулла в своих "Воспоминаниях" защищает себя от таких обвинений. И это понятно. Признание подкупа вражеского полководца обесценивало его победы и обеславляло бы в глазах современников и поголов. Да и трудно поверить в рыцарское благородство Суллы в то время, когда его собственная судьба висела на волоске. Объявленный изменником у себя на Родине и стоящий перед перспективой затяжной войны с многочисленным противником, он не мог стесняться в выборе средств для достижения своей цели. Убедившись в том, что Архелай действительно стремится к заключению мира и зная его, как лучшего стратега армии противника, Сулла, конечно же, должен был постараться убедить его в своем стремлении к миру и, во всяком случае, стремиться привлечь к себе лично. Другое дело, что это вряд ли ему удалось. Словом, подозрения Митридата

имели определенные основания, но все же это были лишь подозрения, а жизнь подозреваемых у понтийского царя всегда была в опасности. Вот почему Архелай, узнав о подозрениях царя, не стал дожидаться подтверждения фактов своей измены, а бежал к Мурене. Формально, тем самым он подтвердил подозрения Митридата. Но фактически, подозрительность царя и его беспощадные расправы со всеми подозреваемыми, измена которых даже не всегда была доказана, сделали Архелая из верноподданного предателем.⁸ Сразу же после бегства Архелая, летом 83 г. до н.э. Мурена напал на владения понтийского царя. Началась вторая антиримская война Митридата (App., Mithr., 64-67).

Архелай и многие другие враги Митридата в стане Мурены убеждали его покончить с царем Понта одним ударом, захватив царскую резиденцию Синопу. Но Мурена был всего лишь заурядным римским легатом и не решился на активные военные действия. Он предпочел грабить слабозащищенные, но богатые храмы центральной части государства. Его легионы захватили Коману, большое поселение с богатым храмом, широко почитаемым у каппадокийцев. Послы Митридата немедленно прибыли в римский лагерь и потребовали ухода римлян с понтийской территории, ссылаясь на договор с Суллой. На это Мурена нагло ответил, что он такого договора не видел. После этого его воины продолжали грабеж окрестностей Команы. Зимой 83/2 г. до н.э. он провел в Каппадокии. Митридат отправил послов в Рим, жалуясь на действия Мурены. Однако пока послы ездил в Рим и обратно Мурена весной 82 г. до н.э. опять вторгся на территорию Понта и разорил около 400 деревень в стране понтийского царя. Нагруженный богатой добычей, он ушел во Фригию и Галатию. Прибывший из Рима по жалобе Митридата представитель сената Калидий объявил легионам, что сенат велит воздержаться от нападений на царя, но не передал никакого официального постановления по этому поводу. Пользуясь этим, Мурена и на следующий год вторгся на территорию Понта. Митридату оставалось только защищаться.

Он приказал Гордию напасть на врага. Неожиданное нападение понтийцев, которые до сих пор уклонялись от боя, застало римлян врасплох. Гордий захватил много вьючного скота и пленных. Римляне отступили за реку, где построили укрепленный лагерь. Войско понтийцев расположилось лагерем напротив них. Ни Мурена, ни Гордий не осмеливались начать решительное сражение. Бой начался с подходом главных сил понтийской армии во главе с царем. Преодолев сопротивление римлян, царские воины

перешли реку и ворвались в римский лагерь. Мурена пытался остановить бегство, укрывшись с частью войска на хорошо укрепленном холме. Но, осыпавшийся стрелами царских лучников, вынужден был оставить эту позицию и бежать во Фригию.

Известие об этой победе Митридата, который лично вел в бой свое войско, мгновенно распространилось по всей Малой Азии, привлекая на сторону Понта многие города и племена.⁹ Стремительно наступая, Митридат изгнал из Каппадокии римские гарнизоны, а заодно и римского ставленника царя Ариобарзана. Но вступить в провинцию Азия он не решился. Это позволило Мурене отчасти восстановить свои силы. Но и он, в свою очередь, больше не решался на активные действия. Изгнав римлян из Каппадокии, Митридат по обычаю предков принес жертвы Зевсу-вонителю.

На вершине высокой горы были уложены кругом дрова. При чем первые поленья нес сам царь. На первый ряд дров был уложен еще один ряд, более короткий по окружности. На самый верх костра возложили молоко, мед, хлеб, масло, вино и всякие курения. Затем царь поджег костер. Огонь костра был виден на расстоянии 1000 стадий, а воздух в этом месте был так раскален, что невозможно было приблизиться в течение многих дней (App., Mithr., 66).

Тем временем в Азию прибыл другой представитель Суллы — Авл Габиний, передавший Мурене строгий приказ не воевать с Митридатом. Более того, он должен был также примирить понтийского царя с его соседом царем Каппадокии Ариобарзаном. Габиний пригласил Митридата на переговоры и восстановил с ним прежние отношения, согласно договору с Суллой. По случаю мира было устроено грандиозное пиршество, на котором Митридат просватал свою четырехлетнюю дочь за Ариобарзана. Под предлогом этого он договорился владеть теми из каппадокийских земель, которые еще находились в его руках. Более того, он добился передачи ему еще нескольких районов Каппадокии. Все это он сумел организовать почти незаметно под шум тостов, шуток и песен. Сам он при этом угощал всех и назначил награды за лучшие тосты и шутки. Чтобы отвлечь внимание окружающих от политических дел, он предложил состязаться в том, кто больше съест и выпьет. Наградой был назначен талант серебра. Победителем оказался сам Митридат, но он отказался от награды в пользу атлета Каламодра Кизикийского, оказавшегося вторым. Так закончилась вторая война Митридата с Римом.

Теперь наступил черед Боспора. Весной 80 г. до н.э. понтийский флот с войском, возглавляемым лично царем, двинулся в Тав-

рику. Сломив, по-видимому, без особых усилий сопротивление боспорян, Митридат назначил правителем страны своего сына Махара. Вслед за этим он еще раз попытался подчинить себе приморские племена северо-западного кавказского побережья: зихов, генихов и ахейцев. Однако в жестоких боях с врагами, в условиях холодной зимы, он потерял две трети войска от морозов и засад и вынужден был ни с чем вернуться в Понт¹⁰.

Вернувшись в столицу, он вызвал к себе своего сына Митридата, царя Колхиды и казнил его, подозревая, что тот хотел стать независимым от него правителем. Колхида после этого была, вероятно, отдана в управление Махару и, таким образом, на короткое время эти два района Причерноморья оказались объединенными под властью одного правителя¹¹.

Вслед за этим в Рим отправилось новое посольство для заключения письменного договора о дружбе и сотрудничестве. Туда же прибыло и посольство Ариобарзана, которое изложило сенату жалобу каппадокийского царя на то, что Митридат еще не возвратил всех отнятых земель. Митридат вынужден был уступить. Но и следующее его посольство в Рим за составлением письменного договора также оказалось безуспешным. Преторы не дали его послам аудиенции. Суллы же к тому времени уже не было в живых. Он скоропостижно скончался в 78 г. до н.э. Видя явное нежелание римлян идти на заключение действительного мира с ним, Митридат опять возвращается к политике борьбы с ними чужими руками. В то же время он усиленно ищет для себя новых союзников. По его совету в 77 г. до н.э. царь Армении Тигран II совершил набег на Каппадокию, ограбил страну и вывел в Армению около 300000 человек. Их поселили в окрестностях новой армянской столицы Тигранокерта.

Посольства Митридата к царям скифов, сарматов, фракийцев и бастарнов заключили с ними договоры о дружбе и союзе. Понтийская армия под руководством римских и италийских перебежчиков перевооружалась и обучалась по римскому образцу. Подготовка к новой войне опять стала главной задачей Митридата.

Стремясь облегчить экономические связи между отдельными районами своей огромной державы, Митридат предпринимает попытку унификации монетных типов своего государства. Эта реформа была подготовлена выпусками монет Боспора, Диоскурии и западнопонтийских городов, которые уже вскоре после подчинения Митридату начинают копировать в своем монетном деле понтийские типы, связанные с культами Митридатов: Персеем, Дионисом, звездой и полумесяцем. Денежная реформа Митридата да-

вала внешнее оформление внутреннего экономического единства страны. Единства, которое едва сложилось и которому суждено было еще на несколько столетий определять весь ход исторического развития античных городов Причерноморья¹².

Вообще, говоря о финансах Митридата с учетом количества войн, которые он вел, можно только удивляться, как ему удалось за все время своего правления располагать полной казной¹³. Доходы государства, которые складывались из податей, военной добычи, аренды государственных имуществ, были таковыми, что даже после полного разгрома Понта в казне оставалось еще около 684 млн. сестерциев. Подобное обстоятельство явно связано с опорой царя на эллинские города, бывшие главными поставщиками денежных средств в виде податей и торговых пошлин.

Период, предшествующий последнему столкновению Митридата с Римом, был временем расцвета эллинских городов его царства. Царь оставил городам многие старые органы внутреннего самоуправления, покровительствовал эллинской религии, искусству и культуре. Столичные города Понта Синопа и Амис были украшены прекрасными храмами и дворцами. В Синопе в эпоху Митридата жили и работали многие ученые, художники, поэты, философы. В их числе можно назвать Диодора из Адрамиттии и Метродора из Скепсиса. Существует предположение, что историк Диофант, упомянутый в труде другого историка Агатархида как автор истории Понта, был не кто иной, как полководец Митридата, герой войн против скифов Палака и Савмака, синопеец по происхождению¹⁴. В Амисе в то время жили и творили математики Деметрий, сын Ратена, и Дионисидор, грамматик Тираннион, поэт Мирин.

Сам Митридат с увлечением занимался науками и искусством. Особой его страстью было изучение действия ядов и собирательство коллекции драгоценных резных камней. Сохранились упоминания древних авторов о написании Митридатом специальных произведений о противоядиях и о свойствах янтаря. Плиний Старший сообщает рецепт составления противоядия, изобретенный Митридатом. Может быть, сегодня он только вызовет улыбку, но все же приведем его: "Надо взять два сухих ореха, две смоквы, двадцать листочков руты, растереть согласно предписанию и посыпать немного солью. Это средство, если его принять утром натощак, обезвреживает любой яд в течение целого дня" (NH., XXIII, 8, 141).

Собранная Митридатом коллекция резных камней — дактилютежа, была первой и наиболее многочисленной коллекцией этого

рода¹⁵. Когда римляне захватили сокровищницу Митридата в Галлах, учет всех украшенных резными камнями изделий занял 30 дней. Причем некоторые вещи были еще времен Дария I. В коллекции Митридата было также ложе этого царя и плащ Александра Македонского. А великолепный бронзовый кратер, который Митридат подарил гимнасии евпатористов на Делосе, и поныне украшает капитолийский музей в Риме.

Митридат Евпатор Изображение на монете

Кратер Митридата подаренный им фиасу евпатористов

Учитывая опыт измены Архелая, Митридат стремится укрепить свое ближайшее окружение. Те из его полководцев, которые отличились в боях и не были виноваты в поражениях армий Понта, получили дополнительные награды и высокие посты. Так, одним из главных стратегов войска стал Таксилл, отличившийся при завоевании Македонии. Дорилай, разбитый Суллой любимец Митридата и его сверстник, получил звание верховного жреца богини Ма-Эннио, храм которой находился в Комане. Верховный жрец этого храма считался вторым по значению лицом в государстве после царя. Начальником конницы стал стратег Мспандр из Лаодикеи, отличившийся в боях с Фимбрией. Высокое положение и многочисленные милости получили многие другие придворные и стратеги Митридата. Но это не удержало большинство из них от измены в трудное для Митридата время. Причем, упоминавшийся уже Дорилай, еще до начала третьей войны с Римом, составил крупный заговор, целью которого было уничтожение понтийского царя и передача его царства Риму с условием предоставления верховной власти Дорилаю. Однако Митридат сумел до самой своей смерти не только удержать власть в своих руках, несмотря на многочисленные измены своих приближенных, но и остался страшен врагам силой своей ненависти и непримиримости. При этом нельзя не заметить, что царь проявлял немалую заботу о собственной жизни. По сообщению римского писателя Клавдия Элиана (Hist., animal, VII, 46), в комнате перед спальней Митридата постоянно находились трое животных — конь, олень и бык, чтобы предупреждать царя о приближающейся опасности.

Внимательно следя за развитием политических событий в Средиземноморье, Митридат не мог оставить без внимания длительную борьбу в Испании. Уже несколько лет испанские племена, возглавляемые римскими эмигрантами из демократической партии, вели здесь борьбу за свою свободу. Вождь римских марианцев, эмигрировавших в Испанию, Квинт Серторий оказался талантливым политическим деятелем и прекрасным полководцем.¹⁶ Непобедимые римские легионы не раз обращались в бегство перед созданной им испанской армией. Убедившись в том, что победы Сертория отнюдь не временное явление, Митридат принимает решение заключить с ним военный союз. У истоков этого решения стояли, по-видимому, римские эмигранты, находившиеся при дворе Митридата. Отправленное царем посольство к Серторию вернулось неожиданно быстро, на третий месяц после отъезда из Понта. Это было осенью 76 г. до н.э. Предложение Митридата в целом было

доброжелательно встречено Серторием. Но он категорически отказался от передачи Митридату провинции Азия. "Эта провинция, — заявил он, — досталась Риму незаконнейшим путем, а потом, когда Фимбрия выгнал его (Митридата) оттуда, он сам, заключив договор с Суллой, отказался от нее. Я не могу смотреть равнодушно, как эта провинция вновь переходит под власть Митридата. Нужно, чтобы твои победы увеличивали мощь твоей страны, но не следует искать успеха за счет владений отечества" (Plut., Sert., XXIII)¹⁷.

В результате переговоров 76/75 гг. до н.э. между Серторием и Митридатом было заключен договор, согласно которому Митридат обязывался предоставить Серторию 40 кораблей и 3000 талантов на ведение войны. Со своей стороны Серторий не возражал против захвата царем Понта Вифинии и Каппадокии и давал ему в помощь своего полководца и сенатора Марка Мария. Заключение этого союза было многообещающим для Митридата, но Испания была слишком далека, чтобы дело могло дойти до настоящего сотрудничества. И на деле союз оказался чисто символическим¹⁸.

Тем не менее, сразу после его заключения Митридат начинает усиленную подготовку к войне. Прекрасно понимая, что начавшаяся им без всякого повода война будет особенно непримиримой, Митридат сделал все возможное, чтобы обеспечить победу. Все лето и зиму 75/74 гг. до н.э. он усиленно заготавливал лес, строил корабли и готовил оружие. Собранные им запасы хлеба составили 2 млн. медимнов, что было достаточно для питания 150 тысячной армии Понта в течение двух лет. В качестве союзников к Митридату присоединились халлы, армяне, левкосуры, скифы, тавры, ахейцы, иегины, царские сарматы, языги, кораллы, фракийцы и бастарны. Общая численность его войска составила 140000 пехотинцев и 16000 всадников. Кроме того, в состав армии вошли 120 колесниц и большое число осадных машин. Понтийское войско концентрировалось в Пафлагонии.

Военный флот Митридата состоял из 400 триер и большого числа мелких кораблей — пентеконтер и керкур. Кроме того, его союзниками на море выступили киликийские пираты и жители Крита, также занимавшиеся морским разбоем. К началу третьей антиримской войны Митридата деятельность пиратов на море настолько усилилась, что в их власти фактически оказалось все Средиземное море. Главным центром пиратства стала Киликия. Эта суровая горная страна с многочисленными бухтами на побережье, казалось, самой природой создана для стремительных пиратских

набегов, неожиданных нападений и надежного укрытия награбленных сокровищ. Не довольствуясь нападением на корабли, пираты начинают опустошать берега Греции и Италии. Они похитили и увезли с собой даже двух римских преторов со всеми их слугами и ликторами. Жертвой пиратов на некоторое время стал и будущий повелитель Рима Гай Юлий Цезарь.¹⁹ Дело дошло до того, что в Риме начались затруднения с продовольствием.

Успешные действия пиратов связаны с усилением их организации. Разрозненные отряды объединяются теперь в крупные эскадры во главе со своими предводителями, которых сами пираты называли царями и тиранами. В Киликии, на Кипре и Крите пираты создают свои военные базы, где заготавливают лес, медь, железо. Активизация и расширение поля деятельности пиратов связаны также с широкой поддержкой их со стороны понтийского владыки.²⁰ В обмен на помощь царю Понта пираты все более активно выступают на его стороне и все чаще нападают на италийские города и поселения. В таких условиях война с пиратами становилась, по меткому замечанию римского историка Луция Аннея Флора, приложением к войне с Митридатом (XLI, III, 6).

Не успели противники скрестить оружие, как нашелся и подходящий повод для войны. Глубокой осенью 74 г. до н.э. скончался вифинский царь Никомед Филопатор. Он оказался последним в роду вифинских царей. Его сын считался незаконнорожденным,²¹ вследствие чего Никомед завещал свое царство Риму. Это завещание и в древности, и в новое время вызывало много споров, разрешить которые не представляется возможным и поныне. Важнее было другое. Вступив во владение Вифинией, римляне получали в свои руки контроль над черноморскими проливами. А это неизбежно вело к установлению их полного контроля и над экспортом из Понта Эвксинского. А это удар по торговым интересам причерноморских городов и сокращение доходов царя Понта. Разумеется, такого он допустить не мог. И Митридат выступил в защиту интересов сына покойного Никомеда, что внешне выглядело вполне благопристойно. Впрочем, ни одна из сторон не придавала, как кажется, серьезного значения этому факту. Другие, более глубокие причины, вызвавшие войну, уже настолько назрели, что она стала неизбежной даже и без повода.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма С 304
2. Молев В. А. Митридат Евпатор С 28.

3. Молев В.А. Политическая история Боспора в период эллинизма. Докторская диссертация. Нижний Новгород 1995 С. 357-358.
4. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города. М., 1952 С. 164.
5. Holleaux M. Décret de Chéronée relatif à la première guerre de Mithridates // *Etudes d'épigraphie et d'histoire grecques*. Paris. T. I. 1938 P. 143-159.
6. Remach T. Mithridate Eupator P. 181, 322
7. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская... С. 230-231.
8. Как предполагает Г. Бенгтсон, Архелай стал инициатором слуха о том, что Митридат планирует новое нападение на провинцию Азия. См. Бенгтсон Г. *Правители* С. 310. Однако источниками это прямо не подтверждается
9. Glew D S. Between the Wars: Mithridate Eupator and Rome 85-73 B.C. // *Chiron* 1981 Bd. II. P. 116.
10. Попытка С.Ю. Сапрыкина увидеть в этом эпизоде борьбу с сепаратизмом Митридата младшего (См. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Автореферат С. 30. 31) не выглядит убедительной. См. Молев В.А. Политическая история. С. 358
11. Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийского царства Митридата Евпатора // *ВДИ* 1980 № 3 С. 28 и сл.
12. Молев В.А. Митридат Евпатор С. 46
13. Бенгтсон Г. *Правители*. С. 309
14. Niese B. *Straboniana* // *Rh* XLII S. 569
15. Неверов О.Я. Митридат-Дионис // *СГЭ*. 1973. № 37. С. 42.
16. О деятельности Сертория см. Моммзен Т. *История Рима*. М., 1941 Т. 3 С. 22-23
17. Этот отказ и форма, в которой он был дан, прекрасно характеризуют не только самого Сертория, но и ту социальную среду Рима, к которой он принадлежал. Недаром он, судя по его биографии, составленной Плутархом, несмотря на свои победы, постоянно стремился найти пути соглашения с Римом (Plut., Sert., XXII). Но, как совершенно справедливо заметил Т. Моммзен, "политическая ортодоксия не знает ни соглашения, ни примирения" (Т. 3 С. 32). И это, в известной степени, вынудило Сертория пойти на союз с Митридатом
18. Присланных Серторием к Митридату советников было слишком мало, чтобы всерьез реорганизовать понтийскую армию. А посланный на помощь Серторию понтийский флот в 40 кораблей прибыл в Испанию слишком поздно.
19. Утченко С.Л. *Юлий Цезарь*. М., 1976. С. 46-47
20. Мароти Э. *Роль пиратов* С. 13.
21. Это вызывает вполне справедливые сомнения, поскольку ни один из наиболее надежных источников о том периоде истории Вифинии ничего не говорит о незаконнорожденности Никомеда. Ср. Голубцова Е.С. *Северное Причерноморье* С. 40

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Весной 73 г. до н.э. Митридат провел близ Синопы большие маневры флота и, убедившись в его полной готовности к войне, приказал принести жертву богу морей Посейдону с просьбой о даровании победы. На виду у всего флота, выстроенного широким полумесяцем вокруг царской триремы, в море была брошена пара белых коней. Красочную картину этого жертвоприношения видел в росписи одной из римских вилл в Галлии спустя почти 400 лет после этого события римский поэт Сидоний Апполинарий. Затем, принеся жертвы Зевсу-Воителю, Митридат отбыл к войску.

И вновь, как пятнадцать лет назад, вся Малая Азия пришла в движение. Разоренные сулланским военным налогом и последующим господством римских чиновников и ростовщиков, жители городов и сел полуострова в большинстве своем радостно приветствовали наступающую понтийскую армию. Вновь возрождается активная антиримская деятельность жителей Киликии и Памфилии, незадолго до этого разгромленных римлянами. Активизировались и действия главных и наиболее надежных союзников Митридата в этой войне — пиратов. Правда, в самом начале военных действий в Азии в корне изменилась ситуация в Испании. Гибель Сертория лишила Митридата наиболее сильного союзника. Но ведь это был временный союзник, и Митридат, по-видимому, не слишком обольщался на его счет, надеясь больше на собственные силы.

Первый ударный отряд его армии, под командованием Диофанта сына Митара, в короткое время овладел всей Каппадокией. Расставив гарнизоны по ее крепостям и городам, Диофант, тем самым, закрыл римлянам путь к царским владениям с юга. Захват Каппадокии обеспечивал также и надежную сухопутную связь с киликийскими пиратами.

Другой отряд понтийской армии, во главе с Эвмахом и римским пропретором Марком Марием, присланным Серторием, вторгся во Фригию и Пергам. Многие города открыли свои ворота понтийцам. Но военные действия в центральной части Малой Азии затянулись из-за активного сопротивления галатов. Тетрарх племени толлестобов Дейотар, один из немногих уцелевших во время резни на пиру у Митридата, успешно отразил натиск Эвма-

ха и даже нанес ему несколько поражений. В боях на территории Фригии и Пергама приняли участие несколько немногочисленных римских отрядов, составленных из добровольцев. Одним из таких отрядов, действовавших наиболее успешно, командовал Юлий Цезарь¹. Но такие отряды не могли сделать многого, и военные действия в Пергаме шли с переменным успехом вплоть до поражения главных сил понтийской армии.

Сам Митридат, как и в первую войну, с главными силами стремительным маршем двинулся через Пафлагонию и Галатию в Вифинию. На девятый день войско достигло ее границ. Римскую армию здесь возглавлял консул Аврелий Котта. Командующим войсками провинции Азия и руководителем войны против Митридата был назначен Луций Лициний Лукулл, бывший во время первой войны начальником флота Суллы. Считая войну против Митридата делом легким, но прибыльным, Лукулл приложил все усилия, чтобы добиться этого назначения. В конечном итоге ему это удалось, через гетеру Прецию, любовницу одного из негласных правителей Рима того времени Цетегга. Поступок этот, по словам Плутарха, недостойный и непохвальный, но весьма полезный для достижения цели (Plut., Luc., VI).

Когда Лукулл отправлялся в Азию, сенат выделил в его распоряжение 3000 талантов на строительство флота. Но Лукулл отказался от денег, заявив, что сумеет овладеть морем силами кораблей союзников. Одновременно с назначением Лукулла и Котты сенат направил для ведения войны с пиратами претора Марка Антония Кретика, наделив его чрезвычайными полномочиями. Такова была расстановка сил римлян накануне решающего столкновения с Понтом.

Незадолго до начала боев Митридат сумел приобрести еще одного, пусть не очень могущественного, но зато верного союзника. Отряд царского флота, возглавляемый стратегом Археласом, остановился по пути следования в Гераклее. Здесь Архелай, заманив на свой корабль двух знатных жителей города, потребовал у гераклейцев в обмен на их свободу помощи в войне с Римом. Гераклейцы предоставили в его распоряжение 5 триер. Сделали они это не столько под влиянием страха за жизнь своих сограждан, сколько потому, что угроза подчинения Риму уже нависла над городом. Оставаться нейтральными далее было практически невозможно².

Продвигаясь по Вифинии, войско Митридата почти не встречало сопротивления. Аврелий Котта отступил к городу Калхедону. Следом за ним сюда подошли отряды Митридата. Прорвавшийся

через Боспор Фракийский военный флот Понта блокировал Калхедон с моря. Римская армия Лукулла быстрым маршем шла на помощь легионам Котты. Достаточно было этому последнему выждать несколько дней и исход войны мог бы быть решен в одном сражении. Но жажда славы победы над властелином Азии оказалась у Котты сильнее здравого смысла. Это погубило без всякой пользы для дела многих воинов его армии. Не дожидаясь Лукулла, он приказал начальнику флота Публию Рутилию Нуду атаковать. Римляне и их союзники устремились на врага.

Заметив наступление римлян, Митридат лично встал во главе понтийских воинов. Обученные римскими эмигрантами, его солдаты встретили атакующих градом стрел, а затем гоплиты бросились в рукопашную схватку. Некоторое время римляне сражались стойко, сохраняя боевой порядок. Но уже вскоре бастарны, наиболее сильные и смелые воины в армии Митридата³, опрокинули легионеров. Их беспорядочное отступление превратилось в паническое бегство. Масса беглецов столпилась у ворот Калхедона. Городская стража, опасаясь, что понтийцы ворвутся в город вслед за бегущими, закрыла ворота. Началось беспощадное избиение побежденных. Нуда и некоторых других римских военачальников римляне успели поднять на стены на ремнях. Простые же воины в большинстве своем погибли или попали в плен. Особенно велики были потери среди римских союзников.

Как только римское войско обратилось в бегство, Митридат бросил в наступление свой флот. Понтийские корабли, разорвав медные цепи, загораживающие вход, ворвались в гавань Калхедона. Напуганные римляне почти не оказывали сопротивления. Около 8000 их воинов пало в бою. Понтийские моряки сожгли 4 и захватили 60 вражеских кораблей. В сухопутном сражении римляне потеряли 5300 человек убитыми и 4500 пленными. Армия Митридата потеряла в бою 730 человек, среди которых было 30 бастарнов, первыми ворвавшихся в гавань. Победа высоко подняла боевой дух понтийской армии. Помимо всего остального, очень важную роль сыграло здесь личное руководство боем Митридата. И впоследствии не раз это личное участие в бою царя спасало понтийскую армию от разгрома. Однако силы армии Котты еще далеко не были исчерпаны, и Митридат не решался на немедленный штурм Калхедона, хотя это и противоречило законам военного искусства. Его войско приступило к правильной осаде города. Флот Понта частью сил блокировал подступы к городу, а две эскадры по 40 кораблей были отправлены к Серторию и на Крит.

Жителям Крита первым из союзников понтийского царя пришлось принять на себя удары римского флота. Претор Марк Антоний был так уверен в победе, что взял с собой большое количество оков для пленных. Ему удалось захватить в кампанских водах несколько пиратских кораблей. Вслед за этим он потребовал от критян прекращения помощи пиратам и отказа от союза с Митридатом. Получив отрицательный ответ, он двинулся с флотом к острову. Критские моряки во главе со своими стратегами Ласфеном и Панаром вышли ему навстречу. Их стремительная атака закончилась почти полным истреблением римского флота. Часть кораблей была захвачена. Привязав пленных римлян к парусам и якорным цепям критяне вернулись в свои гавани. Претор Марк Антоний был взят в плен и спустя два года умер на Крите (71 г. до н.э.)⁴. За все это время римляне так и не собрались послать новое войско против островитян, хотя совместно с ними против римлян уже действовал флот Митридата. К сожалению, о деятельности понтийских моряков на Крите и в Иберии сведений в источниках не сохранилось.

Тем временем, войско Лукулла, находившееся у реки Сангария, узнало о поражении Котты. При известии об этом несчастье римский полководец приказал ускорить марш, несмотря на недовольство своих солдат, предпочитавших грабить незащищенную страну. Под командованием Лукулла было 5 легионов, что составляло около 30000 пехотинцев и 1600 всадников. Подойдя к лагерю противника, Лукулл, пораженный многочисленностью врагов, не решился дать бой. Он предпочел укрыться в укрепленном лагере и подождать своего часа. Видя нежелание римского полководца померяться силами с понтийским войском, Митридат снял осаду Калхедона и двинулся в провинцию Азия, в район Пропонтиды и Геллеспонта. Заняв город Лампсак, он подошел к богатому греческому городу Кизику.

Кизик был одним из немногих греческих городов малой Азии прочно державшихся проримской ориентации.⁵ Его воины уже участвовали в сражении у стен Калхедона на стороне римлян, где потеряли 4000 человек и 10 кораблей. Кизик расположен на острове у самого материка и связан с ним мостом. Понтийское войско окружило город десятью лагерями. Флот занял пролив, отделяющий город от материка. Небольшой отряд понтийских воинов, переправившись на остров на кораблях, укрепился на Диндименских высотах, господствующих над городом.

Лукулл, неотступно следовавший за войском понтийского царя, расположился лагерем на высокой горе в тылу его позиций. Отсюда он мог беспрепятственно доставлять продовольствие в свой лагерь и в то же время успешно действовать на коммуникациях противника. При многочисленности армии Митридата это было наиболее опасно. Отсутствие охраны, столь удобного для врага пункта, стало следствием измены⁶. Митридат снял отсюда отряд своих воинов по совету Луция Магия, представителя Серготория. Причем сделал он это вопреки советам своих стратегов. Магий обещал привлечь на сторону царя два римских легиона, бывших в свое время под командованием Фимбрии и считавшихся ненадежными в армии Лукулла. Для этого он просил Митридата не препятствовать римлянам и дать им возможность разбить лагерь, где им будет угодно. После того, как римляне заняли гору, Митридат послал для переговоров с фимбрианцами одного из стратегов флота Архелая. Но фимбрианцы захватили его в плен, а сопровождавших его воинов перебили. Измена Магия, таким образом, раскрылась, но сделать что-либо уже было невозможно.

Приближалась зима. Все острее в лагере понтийцев ощущалась нехватка продовольствия. Продолжение осады Кизика становилось бесполезным и опасным. Не видя иного выхода, Митридат приказывает штурмовать город. Перед штурмом к его стенам были подвезены на кораблях 3000 пленных горожан, которым угрожала смерть в случае отказа города от капитуляции. Несчастные пленники простирали руки к стенам и умоляли своих сограждан пощадить их и сдаться. Руководитель обороны стратег Писистрат отказался открыть ворота.

Тогда к стенам поползли осадные орудия, созданные талантливым инженером фессалийцем Никонидом. За ними двинулись войско и флот Митридата. Кизикийцы отчаянно защищались. Они камнями разбивали бревна таранов или петлями отводили их в сторону. Метательные снаряды с огнем они встречали водой и укусом или тушили их одеждой и кусками материи. На помощь городу пришла погода. Сильный ветер опрокинул и разрушил многие осадные машины. Погибли и многие корабли. К вечеру удалось разрушить только часть стены, но никто из царских воинов не смог прорваться через горящие развалины. Ночью же кизикийцы восстановили разрушенный участок. Сильная буря, бушевавшая несколько дней, разбила уцелевшие во время штурма осадные сооружения. Митридат приказал рыть подкопы под стены, надеясь, что здесь природа не сможет помешать ему.

Для того, чтобы поддержать дух уставших от боев жителей города, Лукулл отправил к ним своего гонца. Посланник римского полководца, подложив под доску два надутых меха и действуя ногами как веслами, благополучно добрался до города. Известие о близости римлян укрепило решимость горожан продолжать сопротивление. Они постепенно начинают переходить от обороны к наступлению. Подорвавшись под понтийские подкопы, ведущиеся со стороны Диндименских высот, кизикийцы истребили их строителей, а затем отбили и высоты. Во время одной из вылазок они едва не захватили в плен самого Митридата.

Голод в понтийском лагере усиливался. Солдаты питались травой. Многие умирали. Чтобы спасти хоть часть своего войска, Митридат отправил конницу в Вифинию. Вместе с ней двинулся обоз и наименее боеспособная часть пехоты. Обходя римские укрепления, колонна понтийцев медленно удалялась на север. Узнав об этом, Лукулл с 10 когортами пехоты и всей конницей устремился в погоню. Застигнутые в пути снежной бурей, римляне с трудом продвигались вперед. Многие легионеры выбились из сил и отстали. Измученные не меньше чем преследуемые, римляне настигли понтийцев на переправе через реку Риндак. Сражения как такового не было. При виде римлян часть понтийского войска сразу разбежалась, часть сдалась в плен. В плен попало 15000 человек. Кроме того, римляне захватили 6000 лошадей и большое количество вьючного скота. Получив известие о катастрофе при Риндаке, Митридат приказал снять осаду Кизика и отступать.

Сам он с частью воинов отплыл на кораблях на Парос. Остальное войско двинулось сухим путем на Лампсак. На месте остался небольшой отряд воинов и кораблей под командованием стратега Аристоника, который должен был отвлечь неприятеля. Но изменники предупредили Лукулла о бегстве царя. Он внезапно обрушился на Аристоника и полностью уничтожил его отряд. Затем он поспешно двинулся в погоню за остальной понтийской армией. У реки Эсеп он настиг остатки царского войска и нанес им еще одно поражение. Уцелевших воинов Митридат на кораблях вывез вместе с жителями Лампсака, державшими его сторону. После этого он выделил отряд в 10 тысяч воинов при 50 кораблях под командованием Марка Мария, присланного Серторисом в качестве главнокомандующего на Востоке, для обороны подступов к черноморским проливам. Сам же двинулся на кораблях в Никомедию.

Тем временем, Лукулл, собрав флот из кораблей провинций Азия и назначив его начальником Триария, приказал ему выстав-

пить против флота Митридата. Триарий осадил Апамею и в скором времени овладел городом, устроив массовую резню граждан, искавших убежище в храмах (App., Mithr., 77). Несомненно, расправа была произведена для устрашения жителей других греческих городов⁷.

Сам Лукулл, тем временем, атаковал отряд стратега Исидора, плывущий на Лемнос к Марию, и захватил все его 13 пентер. Исидор погиб в бою. Узнав о месте расположения отряда Мария, Лукулл двинулся против него. Понтийские моряки поставили корабли на якоря вплотную к берегу и смело встретили римлян. Первая атака была отбита. Тогда, не прекращая боя, Лукулл приказал части кораблей своего флота идти в обход острова и высадить десант в тылу противника. После этого римляне обрушились на воинов Митридата и с суши, и с моря. Часть понтийских кораблей, обрубив якорные канаты, попыталась пробиться в открытое море. Экипажи других, наоборот, сошли на берег, чтобы драться с врагом на суше. Вскоре почти весь отряд Мария был перебит. Сам он попал в плен и был казнен.

Пока Лукулл громил отряды Митридата, оставленные царем у входа в черноморские проливы, Триарий соединился с Коттой и осадил самого царя в Никомедии. Осада велась ими вяло. Узнав о гибели своих кораблей у Лемноса, Митридат принял решение уходить в Понт. Зима уже полностью вступила в свои права. При входе флота Митридата в Понт его застигла страшная буря. Она рассеяла корабли в разные стороны. Около 60 судов и 10000 человек погибли. Царский корабль дал течь и стал тонуть. С большим трудом, вопреки советам своих приближенных, Митридат пересел на легкое судно предводителя пиратов Селевка и прибыл в устье реки Гипия, где провел остаток зимы⁸.

Узнав, что в Гераклею одним из правителей на 72 г. до н.э. избран его старинный приятель Ламах, Митридат решил с его помощью еще более укрепить свое положение в этом городе. Он послал Ламаху деньги с просьбой подготовить ему прием в городе и пир для всех жителей по такому случаю. Ламах сделал все, как просил Митридат. Весь день понтийский царь пировал с гераклеотами, а в это время его воины заняли городские укрепления. На следующий день Митридат собрал народное собрание города. Дружественными речами и многочисленными обещаниями он склонил гераклеотов к принятию понтийского гарнизона. Для них самих это было отчасти и выгодно⁹. Город находился в состоянии войны с Римом и исход ее в то время было трудно предвидеть. Немалую

роль в принятии предложения царя сыграли и деньги, розданные им накануне собрания городским магистратам и наиболее видным гражданам города. Четырехтысячный гарнизон Гераклеи возглавлял стратег Коннакорик.

Вслед за Гераклесей Митридат расставляет свои гарнизоны по другим городам. Отряд киликийских пиратов под командованием стратега Эпитинханонта был отправлен в Аполлонию Понтийскую. Митридат уже знал, что новое наступление против него и его союзников будут вести весной 72 года до н.э. два римских войска. Кроме Луция Лукулла, наступающего непосредственно против него, другое войско, возглавляемое Марком Лукуллом, из Македонии выступило против союзных Понту фракийцев¹⁰.

Оставив города на попечение гарнизонов, Митридат удалился во внутренние районы Понта и стал лагерем у города-крепости Кабейра. Отсюда он послал гонцов за помощью к своему сыну Махару и соседним с ним скифам, а также к царю Армении Тиграну II. Сам он тогда же отозвал отряд Диофанта, сына Митара из Каппадокии и бросил его навстречу римлянам с приказом возможно дольше задерживать их продвижение.

Вскоре к Кабейре пришли воины из Армении, присланные Тиграном. Часть воинов Митридат собрал из собственных подданных. Но отправленный им за помощью к скифам Диокл бежал к римлянам, прихватив с собой все драгоценности, полученные от понтийского царя. Сын же Митридата Махар даже не ответил на призыв отца. С этого времени и чем дальше, тем больше Митридату приходится рассчитывать почти исключительно на самого себя. Круг доверенных лиц царя становится все меньше. Число же явных и тайных врагов и просто недоброжелателей растет и изменить что-либо в этом процессе он уже был не в силах.

Пройдя Вифинию и Галатию, войско Лукулла вступило на территорию собственно Понта. До сих пор римляне продвигались по разоренным войной землям и испытывали постоянный недостаток продовольствия. Лукулл собрал 30000 галатов и приказал им идти с войском и нести на плечах по медимну зерна. Теперь положение изменилось. Грабеж сельского населения Понта давал римлянам столько припасов, что бык стоил в лагере всего 1 драхму, раб — 4 драхмы, прочую же добычу вообще ни во что не ставили. Будучи обеспеченными всем необходимым, римские легионеры стали роптать на своего полководца за то, что он не дает им возможности захватить и разграбить цветущие города Понта. Но у Лукулла были свои планы. Затягивая войну, он давал возможность Митрида-

ту собрать новые силы, надеясь разгромить их и заставить полностью капитулировать после очередного поражения. Этот расчет оказался неоправданным. Капитуляция для понтийского царя была равносильна смерти, и когда он оказался в действительности перед такой дилеммой, он предпочел смерть. Весной же 72 г. до н.э. Митридат был еще полон сил и надежд на будущее. Уроки поражения не прошли для него бесследно. Несмотря на все усилия Лукуллу не удалось вынудить царя на очередное решительное сражение.

Убедившись в этом, Лукулл приступает к осаде приморских южнопонтийских городов. Но осада велась вяло¹¹. Готовясь к новым боям, римский полководец не хотел утомлять своих солдат осадными работами. К тому же Митридат постоянно посылал гарнизонам городов по морю оружие, продовольствие и новых солдат. Наиболее сильные бои происходили у стен Фемискиры и Амиса. Жители Фемискиры пробили проходы в римские подкопы под стены и впускали туда рои пчел, медведей и других диких животных, после чего сами устремлялись в рукопашную схватку. Постоянные вылазки против осаждающих город римлян предпринимал и гарнизон Амиса, возглавляемый талантливым военным инженером Каллимахом.

Неудачной была для римлян и осада Гераклеи в этом году. Жители города сражались вместе с понтийским гарнизоном. Первый штурм был отбит с большими потерями для римлян. Но и среди гераклеотов было очень много раненых осадными орудиями. Неудача штурма вынудила Котту, руководившего осадой, начать блокаду города. Но едва в городе стал ощущаться недостаток продовольствия, как гераклеоты отправили своих представителей в Херсонес и Феодосию, где они получили все необходимое¹². Понт Эвксийский еще полностью находился во власти понтийского царя и блокада римлян оказалась неэффективной. Все дальнейшие попытки Котты штурмовать Гераклею также оказались безуспешными.

Значительно хуже оказалось положение союзников Митридата во Фракии. Племена бессов и дарданов летом 72 г. до н.э. были наголову разгромлены Марком Лукуллом в тяжелом и кровопролитном сражении¹³. К зиме 72/1 г. до н.э. римляне захватили все союзные и подвластные понтийскому царю города западнопонтийского побережья¹⁴. Черноморская держава Митридата дала первую трещину.

В течение зимы 72 г. до н.э. Митридат с помощью Тиграна II собрал новую армию в 40000 пехотинцев 4000 всадников. Ранней весной 71 г. до н.э. Лукулл двинулся через горы против понтийско-

го царя. Часть его войска осталась осаждать понтийские города. Сторожевые посты Митридата огневыми сигналами предупредили его о появлении противника. Но при этом один из начальников сторожевых отрядов — Феникс, человек царского рода, перешел на сторону Лукулла. Понтийская кавалерия первой встретила римлян. В сражении с римской конницей она одержала блестящую победу. В плен попал сам начальник римской конницы Помпей. Лукулл поспешил отступить в горы. Несколько раз Митридат выстраивал свое войско, вызывая римлян на бой, но Лукулл уклонился от сражения в невыгодных для себя условиях. Спустя некоторое время его воины захватили укрывавшихся от войны в пещерах местных жителей. Один из них указал Лукуллу удобное место для лагеря, откуда он мог бы в любое время атаковать врага, сам оставаясь при этом недосягаемым для контратак. Продовольствие войско Лукулла получало из Каппадокии. Не видя другой возможности заставить римлян вступить в бой, Митридат принял предложение царя дандариев Олтাকা совершить покушение на римского полководца. Олтак сделал вид, что он обижен на Митридата и бежал в римский лагерь. Он сумел настолько войти в доверие Лукулла, что его приглашали на тайные совещания по военным вопросам. Однажды в полдень, когда Лукулл отдыхал, Олтак подошел к его палатке и потребовал, чтобы его впустили по важному делу. Но в этот день впервые после многих дней бессонницы римский полководец уснул, и охрана не впустила Олтাকা. Опасаясь, что его план раскрыт, Олтак ни с чем вернулся к Митридату.

Тем временем кавалерийские разъезды понтийцев разгромили несколько небольших римских отрядов, занимавшихся сбором продовольствия. Рассчитывая окончательно лишить Лукулла источника снабжения и голодом принудить его к сражению или капитуляции, Митридат устроил засаду большому римскому отряду, доставляющему продовольствие из Каппадокии. В засаде укрылась лучшая понтийская конница во главе с самим царем и стратегом Менандром. Однако предыдущие успехи придали излишней самоуверенности понтийцам. Они атаковали римлян в узком ущелье, не дожидаясь выхода их на равнину. Все преимущества боя в этом случае были на стороне пехоты. Римляне успели перестроиться из походной колонны в боевую и обратили в бегство конников Менандра. Лишь немногие из них вернулись в лагерь. Рассказы беглецов, некогда составлявших наиболее боеспособную часть армии Митридата, оказали паническое воздействие на солдат царя. Опасаясь нападения Лукулла при таком состоянии своей армии, Мит-

ридат приказал отступить. Отступление превратилось в паническое бегство. Сам Митридат, брошенный своими слугами, с трудом выбрался из лагеря.

Заметив бегство неприятеля, Лукулл бросил конницу в погоню. Он приказал беспощадно убивать бегущих, но ничего не грабить. Истребляя беглецов и тех, кто еще оставался в лагере, римляне обнаружили большое количество золотых и серебряных сосудов, дорогих одежд и денег. Мгновенно забыв о данном им приказании, они набросились на драгоценности. Группа римских всадников уже догоняла Митридата. Когда они были совсем близко от цели между ними и царем оставался лишь мул, груженный золотом. Один из воинов на скаку ударил мечом по клади мула. Увидев посыпавшиеся золотые вещи, он соскочил с коня и стал поспешно собирать их. Его товарищи немедленно пришли ему на помощь. Пока они подбирали золото и дрались между собой, Митридат успел скрыться.

Прибыв в Коману, он стал собирать здесь бегущих солдат. Считая войну уже безнадежно проигранной, он отправляет свнуха Вакхида в Евпаторию с приказом убить своих сестер, жен и наложниц, чтобы они не достались врагу¹⁵. Среди многих других женщин погибли две сестры царя Роксана и Статира и две наиболее любимые им жены — Береника с Хиоса и Монима из Милета (Стратоникей?). О последней особенно много говорили в Элладе. Добиваясь ее любви, Митридат посылал ей многочисленные дары и деньги, но она все отвергала пока он не женился на ней, официально провозгласив ее царицей. Супружеская жизнь не доставила Мониме счастья. Как рассказывает Плутарх, она проводила дни свои в печали и слезах, проклиная красоту, давшую ей вместо супруга господина и варварский гарем вместо домашнего очага. Когда прибыли Вакхид и передал приказ царя, Монима сорвала с головы диадему, обернула ее вокруг шеи и повесилась, но тут же сослезлась. "Проклятый лоскут, — молвила она, — и этой услуги ты не оказал мне". Плунов на диадему, она подставила горло кинжалу Вакхида (Plut., Luc., XVIII).

Известие о казни Митридатом женщин своего гарема мгновенно облетело весь Понт. Видя в этом признак неминуемой гибели царя, начальники его гарнизонов стали сдаваться и переходить на сторону Лукулла. Таким образом, этим своим поступком Митридат принеc себе больший вред, чем даже неудачным исходом боев у Кабейры.¹⁶

Преследуя отступающее понтийское войско, Лукулл занял Кабейру и многие другие крепости. Захватив крепость Талавр с одной из богатейших сокровищниц царя, римляне узнали, что за 4 дня до их прихода Митридат с 2000 всадников бежал к Тиграну II, предоставив гарнизонам крепостей и городов защищаться собственными силами. Тигран принял Митридата с почетом, но не допустил к себе во дворец и не спешил вступать в войну с римлянами. Со своей стороны и Лукулл, временно отказавшись от преследования Митридата, приступил к окончательному покорению его царства. В короткое время он подчинил халдеев и тибаренов, захватил крепости Малой Армении и двинулся к Амису. Однако попытка его сходу овладеть городом оказалась неудачной. Начальник гарнизона Амиса Каллимах делал все возможное, чтобы нанести наибольший урон противнику. При отражении атак римлян он использовал новые, им самим изобретенные машины, а когда атаки кончались, он выводил своих воинов на вылазки и, таким образом, не давал покоя римлянам. Парламентеры римского полководца не раз подходили к стенам города и, рассказывая о победах Лукулла и безнадежном положении понтийского царя, предлагали сдаться. Но они так и не убедили амисийцев. Римляне были вынуждены искать иной способ овладения городом.

Первоначально Лукулл решил овладеть крепостью Евпаторией, которую Митридат построил около Амиса и считал своей резиденцией. Сделав вид, что он не собирается штурмовать крепость, но лишь блокирует ее, Лукулл добился того, что гарнизон ослабил внимание к осаждающим. В то время, когда стража на стенах, ни о чем не догадываясь, мирно дремала на своих постах, римляне внезапно начали штурм. Почти без сопротивления они овладели крепостью и полностью разрушили ее. Таким же примерно способом Лукулл овладел и Амисом. В то время, как Каллимах отпустил большую часть своих воинов на отдых, Лукулл начал приступ и овладел небольшой частью крепостной стены. Увидев, что римляне уже на стенах, солдаты гарнизона и часть жителей бросились на корабли. Чтобы задержать продвижение противника, Каллимах приказал поджечь город. Ворвавшиеся в Амис легионеры в поисках добычи всюду шарили с факелами и, таким образом, еще более увеличивали пожар. Значительная часть городских строений сгорела. Погибли и многие горожане Амиса.

Зиму 71/70 г. до н.э. войско Лукулла отдыхало. Римский полководец приводил в порядок административные дела и провинции Азии. Одновременно он отправил в Армению послом Аппия Кло-

дая, требуя выдачи Митридата. Ответ Тиграна римлянам гласил, что Митридата он им не выдаст, а если римляне начнут против него войну, он даст им отпор. Лукулл, принесший уже победные жертвы богам и занимавшийся в провинции Азия тем, что устраивал празднества в городах с военными парадами, состязаниями атлетов и гладиаторов, вынужден был готовиться к новой войне.

Прежде всего он решил завершить подчинение причерноморских городов Понта. Еще сражались с римлянами гарнизоны Гераклеи, Синопы, Амасии, первой столицы Понта. Особенно сильные бои шли у стен Гераклеи. Весной 71 г. до н.э. к острову Тенедос подошли эскадры Митридата, отправленные им в начале войны на Крит и в Иберию. Многие из понтийских кораблей, потрепанные морскими штормами и сражениями, были почти негодны к бою. Узнав о возвращении понтийского флота, римляне вышли ему навстречу. Против 80 триер противника они имели лишь 70. Но зато их суда были хорошо подготовлены к бою и имели полностью укомплектованные и отдохнувшие экипажи. Тем не менее, измученные долгим походом и частыми боями, понтийские моряки не отказались от битвы и оказали яростное сопротивление. Ни один корабль не сдался в плен. Часть их была потоплена, остальные были захвачены в бою после полной гибели их экипажей. Римский флот потерял 27 кораблей (Метн., XLVIII).

Вскоре после этой победы командующий римским флотом Гай Валерий Триарий получил приказ консула Котты прибыть в Гераклею. С оставшимися у него 43 триерами, из которых двадцать принадлежали родосцам, Триарий устремился в Понт, сообщив Котте время своего прибытия. Как только в море показались корабли Триария, Котта двинул свое войско на Гераклею. Взволнованные неожиданным появлением вражеского флота, гераклеоты немедленно вывели в море свои корабли. При этом часть кораблей выплыла в море с неукомплектованными экипажами. Начали сражение родосцы. Их триеры, не дожидаясь римлян, ринулись навстречу гераклеотам. Таранными ударами родосцы сразу же потопили пять кораблей противника, сами потеряв при этом только три судна. Теперь и римляне вступили в сражение. Потеряв 14 кораблей из 30, гераклеоты отступили в свою гавань. Римский флот, заняв внешнюю гавань города, установил жесткую блокаду Гераклеи¹⁷. Ни один корабль с продовольствием не мог прорваться к городу. Начался голод. Бедствия горожан усилила эпидемия чумы, вспыхнувшая в городе. Она унесла в могилу около тысячи воинов мит-

ридатовского гарнизона и множество жителей. К весне 70 года до н.э. положение Гераклеи стало безнадежным.

Тогда начальник гарнизона Коннакорик вступил в тайные переговоры с Триарием, чтобы ценой сдачи города обеспечить свое спасение. Слухи о готовящемся предательстве, однако, дошли до жителей. Собравшееся народное собрание потребовало от Коннакорика переговоров о мире на условиях, обеспечивающих сохранение города от разорения. В ответ митридатовский военачальник заявил, что Митридат с большим войском, полученным от армянского царя, идет на выручку Гераклеи и нет никакой необходимости сдаваться. Успокоенные его выступлением горожане разошлись. В ту же ночь Коннакорик посадил свое войско на корабли и отплыл из города. Городской фрурарх Дамофил, открыв ворота, впустил в город римское войско. С дикой жестокостью римляне обрушились на ничего не подозревавших горожан. Сокровища и все, что было возможно, расхищалось. Тех, кто пытался найти спасение в храмах, убивали у алтарей и статуй богов. Люди спасались, как могли. Узнав от беглецов о захвате города Триарием, Котта вне себя от гнева, кинулся к стенам Гераклеи. Его воины, лишенные славы победы и выгод грабежа, готовы были перебить воинов Триария. С огромным трудом полководцам удалось удержать своих воинов от взаимного истребления. Котта приказал войску Триария немедленно начать преследование Коннакорика, который захватил Тиос и Амастрию. Сам же со своим войском продолжил грабег Гераклеи. После того, как город был полностью разорен, Котта приказал поджечь его со всех сторон. Так закончилась двухлетняя героическая оборона Гераклеи, одного из последних античных городов Южного Причерноморья, еще сохранявших свою автономию.

После этого Котта отпустил свою пехоту и конницу к Лукуллу, а союзников вифинцев распустил по домам. Отряд Триария захватил Тиос и Амастрию, дав возможность Коннакорика беспрепятственно уйти. Затем он присоединился к главным силам Лукулла. В это время римский главнокомандующий осаждал Синопу. Столица Митридата, крупнейший город Причерноморья, защищалась десяти тысячным гарнизоном, состоящим, в основном, из киликийских пиратов. Командовал гарнизоном пират Селевк, тот самый, который спас Митридата во время бури. Длительная осада обострила социальные противоречия в городе. Начались столкновения различных групп жителей. Одну из таких групп, к которой принадлежали сторонники капитуляции, возглавил стратег Леонипп.

Партию сторонников продолжения войны возглавил Клеохар, сын Митридата, поставленный им вторым правителем Синопы¹⁸. Клеохар в своих действиях опирался на поддержку воинов Селевки. Узнав о попытке договориться с Лукуллом, предпринятой Леониппом, сторонники Клеохара ночью из-за угла убили его. Жителей города, недовольных этим убийством, принудили к подчинению силой. Таким образом, сторонники продолжения войны взяли верх. Вскоре после убийства Леониппа неподалеку от Синопы остановилась римская эскадра из 15 триер под командованием Цензорина. Римляне привезли хлеб с Боспора фракийского для своих воинов, ведущих осаду Синопы. Морская стража сообщила Селевку о появлении кораблей противника. Пираты, которым изрядно надоела затянувшаяся осада, где им почти не приходилось меряться силой с противником, с удовольствием вышли в море на синопских трисрах. Военные римские корабли были уничтожены, а купеческие захвачены и приведены в Синопу. Победа высоко подняла боевой дух защитников города и заставила умолкнуть сторонников капитуляции. К концу лета 70 г. до н.э. положение города значительно ухудшилось. Синопа оставалась единственным приморским городом, сопротивлявшимся врагу. Цвет римской армии собрался у ее стен. А помощи ждать было неоткуда. Клеохар и Селевк начинают тайно отправлять свое имущество в Колхиду, где в это время находился Махар, сын Митридата. Однако, Махар, считая положение отца безнадежным, прекратил оказание помощи Синопе и прислал к Лукуллу своих представителей с предложением дружбы и союза. Лукулл милостиво принял послов и потребовал в качестве гарантии союза прекращения поставок продовольствия синопскому гарнизону. Махар не только выполнил это условие, но даже заготовленные уже для синопцев продукты он отправил римлянам.

Вследствие этого между двумя оставшимися стратегами Митридата в Синопе начались разногласия относительно дальнейших действий. Клеохар и поддерживающая его часть населения Синопы еще надеялись на успех и стояли за продолжение сопротивления. Селевк же предлагал истребить всех жителей и передать город римлянам за соответствующее вознаграждение. Однако последнее сообщение Мемнона явно не соответствует действительности, поскольку пираты, к числу которых принадлежал и Селевк, были наиболее надежными союзниками Митридата и такое предложение от него могло исходить лишь в случае попытки жителей Синопы открыть ворота римлянам.

И только убедившись в неосуществимости намерения продолжать оборону, оба правителя Синопы решили прежде всего позаботиться о самих себе. Погрузив на корабли свои богатства и уничтожив крупные боевые суда, Селевк отдал приказ грабить жителей города. Пользуясь тем, что гарнизон был занят грабежом, они с Клеохаром бежали на легких кораблях.

Таким образом, стратеги Митридата бросили не только эллинское население города, но и собственных воинов. В данной обстановке это было совершенно естественно. Увидев в городе пожар и угадывая его причину, Лукулл приказал начать штурм города. Римляне без труда взойшли на стены и ворвались на улицы царской столицы. Занятый грабежом гарнизон не оказал сопротивления. Римские солдаты перебили киликийцев и сами начали грабеж города. Бесчинства римской солдатни продолжались целый день. Лукулл не мешал своим воинам. Его доля в награбленном все равно была выше.

Осенью 70 г. до н.э. пала и Амасея, первая столица Понта. Покорение царства Митридата было завершено. Однако отказ Тиграна от выдачи понтийского царя не гарантировал закрепления этого успеха. И Лукулл решает еще на одну войну, несмотря на явный недостаток сил. Пополнив свое войско за счет пленных наемников Митридата, Лукулл оставил в Понте один легион под командованием Сорнатия, а сам с двумя отборными легионами выступил в поход на Армению.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Утченко С.Л. Юлий Цезарь С 47
2. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская С 232
3. Этническое происхождение бастарнов вызывает разногласия у современных ученых. Их считают кельтами, германцами или самостоятельным этносом. См. Пучкин М.Б. Проблема бастарнов и происхождения пояншты-лукашевской и заруби-нецкой культур //ПДВ, 1993. № 6 С 91-92. Мне представляется более вероятным их кельтское происхождение. См. Молев Е.А. Митридат Евпатор. С. 62
4. Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С 67
5. Г. Бенгтсон считает его даже единственным городом-сторонником Рима. См. Бенгтсон Г. Правители С 313. О причинах проримской позиции Кизика см. Максимова М.И. Античные города С 272. Сноска 1
6. Молев Е.А. Митридат Евпатор С 63
7. Reinach T. Mithridate Eupator P 333
8. Максимова М.И. Античные города С. 258
9. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская С 233-234
10. Молев Е.А. Западнопонтийские города С 289
11. Бенгтсон совершенно прав, говоря, что эллины понтийских городов отнюдь не были друзьями понтийского царя, но более чем его произвола они боялись власти

римлян. Этим и объясняется активность их сопротивления. Впрочем, степень этой активности не стоит преувеличивать. Ср. Максимова М. И. Античные города. С. 271 и сл.

12. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская. С. 237.
13. Walbank I. W. Prelude to Spartacus. The Roman in Southern Thrace, 150-70 B.C. // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. Sofia 1981. С. 22.
14. Gaggero E. S. Relation politiques. P. 299.
15. Бенгтсон Г. Правители. С. 313.
16. Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 64.
17. Подробнее об осаде Гераклеи римлянами и роли северопонтийских городов в ее обороне см. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская. С. 237-240.
18. Максимова М. И. Античные города. С. 261.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МИТРИДАТА

Бегство Митридата после разгрома у Кабейры к своему соседу и союзнику армянскому царю Тиграну II не оправдало его надежд. Правитель Великой Армении, объявивший себя царем царей¹, не спешил оказывать помощь своему царственному родственнику. Тем более, что особой необходимости в этом, пока сопротивлялись греческие города побережья, не было. Вероятно, именно поэтому посольство Аппия Клодия встретило достаточно твердый отпор в ответ на требование римского полководца. Но, с другой стороны, такой ответ означал принятие вызова римлян. А значит надо было восстанавливать прежние отношения с Митридатом.

Уже год и восемь месяцев провел Митридат Евпатор в Армении. За все это время Тигран II ни разу не допустил его к себе. Но теперь угроза войны с римлянами изменила отношение армянского владыки к царю Понта. Совершенно в духе восточных правителей оба они решили свою размолвку приписать интригам своих приближенных. Расправившись с некоторыми из них, они простили друг друга. Вслед за этим последовало деловое обращение армянского царя к своему тестю. Тигран вызвал его к себе и после трехдневных переговоров предоставил в его распоряжение 10000 всадников. С ними и оставшимися у него понтийскими войсками Митридат двинулся к границам Понта. Но достичь этих границ на этот раз ему не пришлось. Римляне опередили союзников.

Армянский царь собирался на войну не спеша, уверенный, что противник не рискнет напасть на него первым. Вестнику, сообщившему о приближении врага, он не поверил и приказал отрубить голову. Уже одно это говорит о том, что он очень плохо представлял себе того, с кем собирался скрестить оружие. Лукулл, с помощью каппадокийского царя Ариобарзана, перешел Ефрат и весной 69 г. до н.э. вступил в Армению. Наконец, Митробарзан, один из придворных Тиграна, осмелился сообщить ему о приближении римлян. Изумленный неслыханной наглостью противника, Тигран приказал Митробарзану растоптать римлян копытами коней. С 2000 всадников и многочисленной пехотой Митробарзан ринулся навстречу Лукуллу и своей смерти. В первом же сражении

римский авангард разгромил его отряд и сам Митробарзан погиб, доблестно сражаясь в первых рядах своей конницы.

Тигран II Изображение на монете

Известие о разгроме поразило Тиграна II. Он поручает оборону своей столицы Тигранокерта стратегу Манкею, а сам отправляется вглубь Армении собирать новые войска. Тигранокерт был богатым и цветущим городом, наполненным различными сокровищами и богатыми приношениями богам. Тигран любил этот город и, желая угодить царю, его правители и частные лица наперебой расширяли и украшали его. Римский полководец не сомневался, что армянский царь, еще не выставивший против него своих главных сил, не захочет отдавать столицу врагу. Поэтому он не стал его преследовать и начал осаду Тигранокерта. Отдельные его отряды опустошали окрестности города и уничтожали отряды союзников, которые направлялись армянскому царю на помощь.

Бежавший вглубь страны Тигран II послал гонцов ко всем подвластным царям и князьям с требованием войска и денег. Специальные гонцы помчались к Митридату. Теперь Тигран умолял своего тестя о помощи. Шеститысячный кавалерийский отряд из сопровождающего его войска Тигран II послал в свою столицу с приказом вывезти его жен, детей, наложниц, а также наиболее ценные из сокровищ. Подойдя к городу, когда уже начало темнеть, армянские всадники градом стрел закрыли все выходы из римского лагеря. Тем временем слуги царя поспешно грузили его ценности и, не дожидаясь рассвета, отправляли их в лагерь Тиграна. Их торопливость оправдала себя. На рассвете римляне и фракийские всадники, их союзники, атаковали армян и многих из них перебили. Спаслись только те, кто ушел с царским обозом еще ночью.

Пока римляне осаждали его столицу, Тигран собирал войско из своих подданных и многочисленных союзников. Прибывший от Митридата один из его лучших стратегов Таксилл рекомендовал армянскому царю уклоняться от решительного сражения, изматывая противника в небольших стычках и отрезая ему при помощи своей конницы пути подвоза продовольствия. То же самое советовал в своих письмах к Тиграну и Митридат. Но армянский царь не внял голосу людей, уже испытавших на себе силу римлян. Собрал восьмидесятитысячное войско, он двинулся к Тигранокерту, готовый к бою. Поручив осаду города легиону Мурены, Лукулл с 11000 пехотинцев и 3000 всадников двинулся навстречу Тиграну. Утром 6 октября 69 года до н.э. Тигран увидел римское войско, переправлявшееся через реку навстречу армянам. Посмеявшись над малочисленностью врага, царь насмешливо заметил: "Если это посты, то их много; если же враги, то их чересчур мало". (App., *Mithr.*, 85). Не дело оказалось не в числе врагов, а в том, кто они. Едва Тигран успел выстроить свое войско, как фракийские и галатские кавалеристы Лукулла атаковали закованных в броню всадников Тиграна. Вслед за атакой конницы Лукулл лично во главе двух когорт пехоты обошел правый фланг армян и с вершины холма, господствовавшего над местом боя, атаковал обозы врага. Испуганные вьючные животные бросились бежать и расстроили ряды армянской пехоты, которая, в свою очередь, обратилась в бегство. Бегущие пехотинцы вместе с преследующими их римлянами ворвались с тыла в ряды своей тяжелой конницы. И тут все армянское войско охватила паника. В страшной суматохе и путанице на поле боя погибло множество воинов армянского царя, причем большинство из них были просто затоптаны бегущими. Потери же римлян были совершенно ничтожными. Сами они, по словам известного древнегреческого историка и географа Страбона, чувствовали себя пристыженными оттого, что подняли оружие против такого сброда. (Plut., *Luc.*, XXVIII).

Митридат, между тем, неторопливо шел на соединение с союзником. Он знал тактику Лукулла по опыту войны с ним и рассчитывал, что римский полководец не станет вступать в сражение с превосходящими силами противника. С другой стороны, и Тигран, по его мнению, должен был последовать его советам и тоже не спешить с генеральным сражением. Но Лукулл не был заурядным римским полководцем, точно придерживающимся всех правил ведения войны, принятых в Риме. Он сумел увидеть разницу в многочисленном и обученном римлянами понтийском войске и совер-

ленно неуправляемой массе воинов Тиграна II. Именно поэтому он в первом случае постарался взять противника измором, а во втором — разделался с ним одним ударом. Масштабы разгрома армянского войска были таковы, что влияние понтийского царя, за все годы своей войны с римлянами не испытавшего ничего подобного, должны были сильно увеличиться в глазах армянского царя².

Учитывая, что материальные и людские ресурсы Армении еще далеко не были исчерпаны, Митридат поспешил к Тиграну. Он ободрил и утешил его и настоял на продолжении борьбы. Покинутый своими приближенными, жалкий и испуганный царь Великой Армении воспрянул духом и с новой энергией взялся за создание армии, взамен разгромленной. Согласившись со всеми доводами Митридата, он поручил ему верховное командование в этой войне. Понтийский царь собрал новое многочисленное войско, на этот раз составленное почти исключительно из армян, ибо большинство союзников Тиграна II перешло после его поражения на сторону римлян. Разделив своих воинов на когорты по римскому образцу, Митридат назначил их командирами понтийских воинов и римских перебежчиков, бывших в его свите. Армянская армия начала подготовку к боевым действиям в новых условиях.

Лукулл же после одержанной победы возвратился к Тигранокерту и с помощью восставшего греческого населения быстро овладел городом. Не дождавшись мирных предложений от армянского царя, он решил привлечь для войны с ним парфян. К этому побуждало римского полководца то, что командование в войне перешло к Митридату. Понтийский же царь, прекрасно усвоивший тактику постепенного изматывания сил противника, был опасным врагом. Это и вынуждало Лукулла искать себе союзника для борьбы с ним в лице парфянского царя. Но парфянский царь уже получил выгодное предложение о дружбе и союзе и от армянского царя. И если Лукулл мог обещать то, что еще надо было завоевать, то Тигран отдавал часть своих земель уже сейчас и без всяких оговорок.

Поскольку окончательный исход войны был еще очень неясен, парфянин заключил дружественные договоры с каждым из них, но втайне от того и другого. Но эта азиатская хитрость не укрылась от его новых союзников. Тигран ничего не мог предпринять в то время, а Лукулл решил совершить поход в Парфию. Зная, что парфяне в свое время терпели поражения от Тиграна, которого он только что разгромил, Лукулл не сомневался, что разгромит и это-

го противника. Поскольку его войско в Армении было невелико, он приказал легиону, оставленному в Понте, прибыть к нему. Но разбалованные захваченными богатствами и беспечной жизнью победителей, его воины в Понте отказались выполнить приказ и явиться к своему командиру³. Они стали совершенно равнодушны к службе и вовсе не горели желанием рисковать своей жизнью в новом походе. Узнав об отказе воинов, оставленных в Понте, идти в новый поход, зароптали на тяготы службы и солдаты, бывшие с Лукуллом в Армении. Это вынудило римского полководца отказаться от своего намерения и продолжить войну в Армении.

Лето 68 г. до н.э. началось с небольших сражений отдельных отрядов армянской и римской конницы. Победы римлян в этих боях ничуть не приближали их к миру. Убедившись, что Митридат избрал в борьбе с ним свою прежнюю тактику, Лукулл разрабатывает новый план ведения войны. Через своих осведомителей римский полководец узнал, что жены и дети армянского царя находятся в первой столице Великой Армении Арташате. Этот город был построен в свое время по Совету Ганнибала (Strabo., XI, 14, 6), был очень красив и хорошо укреплен. Полагая, что Тигран не захочет отдать его без боя, Лукулл начал поход на север Армении через горы. Как он и предполагал, Тигран приказал загородить путь римскому войску.

На переправе через реку Аркасий произошло последнее крупное сражение армии Лукулла с армянами. Многочисленная конница последних опять не выдержала натиска римской пехоты и бежала. Казалось, Лукуллу остается только овладеть столицей Армении и войне придет конец. Но тут на помощь побежденным пришла природа. Неожиданно рано наступила зима. Ударили жестокие морозы, почти непрерывно сыпал снег. Пробиваясь сквозь горы, римские легионеры мерзли и мучились от сырости. Наконец, они не выдержали и потребовали от своего полководца прекращения похода. Все красноречие Лукулла оказалось бессильным. Он вынужден был повернуть назад. Но в обратный путь он повел войско другими перевалами. И вскоре спустился в теплую и богатую страну Мигдонию, расположенную в северной части Месопотамии. Центром страны был город Нисибис, которым управлял брат Тиграна Гур. Помощником Гура был Каллимах, тот самый понтийский стратег, который доставил римлянам столько хлопот у стен Амиса. После непродолжительной осады Гур сдался врагу. Каллимах был закован в цепи и впоследствии казнен⁴. Римское войско расположилось на зимний отдых.

Пользуясь этим, Митридат решил вернуться в свое царство. С 4000 своих воинов и таким же числом армянских всадников он двинулся к границам Понта. Известие о возвращении царя, его призывы к борьбе против ненавистных поработителей возбудили народ. Рассеянные небольшими отрядами по стране римляне оказались под угрозой истребления. Бывшие наемники Митридата, служившие в римской армии, и обращенные в рабов понтийцы перешли на сторону царя. Командующий римскими войсками в Понте Фабий Адриан в течение двух дней с трудом отбивал яростные атаки понтийцев. Только ранение Митридата, шедшего в атаку впереди своей конницы, спасло его от разгрома. Остатки римского войска поспешно отступили в Кабейру. Раненый камнем в колено и стрелой под глаз, понтийский царь в течение нескольких дней был в очень тяжелом состоянии. Лечили его скифы из племени агаров. Они использовали в лечебных целях змеинный яд и постоянно находились при царе (App., Mithr., 88). Через несколько дней кризис прошел. Железное здоровье старого царя победило в схватке со смертью. Он не только поправился, но и опять встал во главе войска. За время его болезни в Понт прибыл еще один римский легион под командованием Гая Валерия Триария. Лукулл прислал его на помощь Фабию. После нескольких стычек войска противников разошлись на зимние квартиры. С главными силами армии Митридат расположился в Комане. Отдельные отряды его конницы объезжали всю страну, собирая пополнение и продовольствие для царской резиденции.

Сообщения Фабия и Триария об успехах Митридата очень беспокоили Лукулла. Не добившись капитуляции Тиграна, он не хотел прерывать армянский поход. Но Митридат был более опасным врагом. С тяжелым сердцем римский полководец отдал приказ о возвращении в Понт. Весной 67 г. до н.э. римляне покинули Армению. Узнав об этом, Митридат тотчас двинулся против Триария, надеясь разбить его до подхода Лукулла. Последний расположился в хорошо укрепленной местности в крепости Газиура в Каппадокии.

Известие о том, что понтийцы осадили город Дадас, где находился обоз римской армии, взбудоражили воинов Триария. Они потребовали немедленного выступления на помощь осажденным. Помня свои былые победы над понтийцами, Триарий выступил против Митридата. В глубине души он надеялся разгромить его еще до подхода Лукулла. Ночью римляне напали на сторожевые посты Митридата. Но на этот раз караульная служба понтийцев

оказалась на высоте. Поднявшееся по тревоге войско быстро выстроилось для боя. Царь лично встал во главе конницы.

Сражение произошло на Скотийских высотах, близ города Зела. Впоследствии этот город прославится еще одним сражением, которое окончательно решит судьбу Понтийского царства. Здесь будет разгромлен сын Митридата Фарнак, ставший к тому времени царем Боспора. Вскоре после смерти отца он попытался восстать, новить могущество Понтийского царства, но в сражении с римлянами был разбит. Победитель Фарнака Гай Юлий Цезарь сообщает об этой своей победе одному из своих друзей в трех словах, ставших знаменитыми: "*veni, vidi, vici*".

Заметив, что значительная часть римской пехоты стоит, имея в тылу болотистый овраг, который не позволял ей ни отступить, ни перестроиться, Митридат приказал своей тяжелой коннице построиться в плотную колонну. Конные стрелки понтийцев устремились на римскую кавалерию, связывая ее боем и лишая возможности оказать помощь пехоте. В полном вооружении шестидесятипятилетний царь, недавно перенесший тяжелое ранение, легко вскочил на коня. Короткая команда, и лавина закованных в броню всадников обрушилась на римскую пехоту в том месте, где кончался болотистый овраг. Оказавшиеся на пути этого живого тарана римские когорты были смяты и уничтожены. Большая часть легионеров оказалась загнанной в болото и не смогла вести бой в сомкнутом строю. В результате более многочисленные понтийские пехотинцы перебили вражеских воинов. Пока его пехота добивала загнанных в болото легионеров, сам Митридат с конницей преследовал остатки бегущего римского войска.

От полного истребления римлян спас случай. По восточному обычаю рядом с тяжеловооруженным всадником бежал его раб, чтобы помочь хозяину в случае необходимости. Такой раб бежал рядом с понтийским царем. Им был захваченный в плен в прежних боях римский центурион. Увидев бегство и гибель своих товарищей, римлянин ударил понтийского царя мечом в бедро. Телохранители Митридата немедленно зарубили его и, подняв упавшего с коня царя, понесли его в тыл. Стратеги и придворные остановили наступающее понтийское войско и повернули воинов назад. Внезапное и совершенно бессмысленное прекращение атаки вызвало у воинов страх. Узнав в чем дело, они окружили палатку царя и потребовали показать его. Врач Тимофей, остановив кровь, показал царя с возвышенного места. Очнувшийся Митридат увидел свое войско в бездействии в то время, когда разбитый враг уходил, что-

бы вновь собраться с силами. Вне себя от гнева, он приказал подать ему коня и тотчас повел воинов на штурм римского лагеря. Но штурмовать было уже некого. Воины Фабия и Триария бежали, не задерживаясь в лагере. Потери римского войска составили около 7000 человек. В их числе 24 трибуна и 150 центурионов. Такое число младших командиров редко когда погибало у римлян в одном сражении (App., Mithr., 89)⁵.

Когда Лукулл перешел на правый берег Ефрата, местные жители сообщили ему о несчастье, постигшем римлян. Через несколько дней его легионы уже стояли лагерем у Талавра, напротив лагеря понтийского царя. В небольшой стычке конница понтийцев опять одержала верх над римлянами. Из Армении к Талавру спешили главные силы Тиграна II. Непрерывные бои и походы, сквозь которые прошли воины Лукулла, значительно уменьшили их ряды. Победы понтийцев после стольких их поражений пугали. Казалось, конца этой войне не будет. Все это вызывало сильное недовольство войска. Недовольны Лукуллом были и в Риме⁶. Шел уже седьмой год войны. Не раз сообщал он о своих победах и полном поражении Митридата, но желанный мир так и не наступал. Результаты войны все еще оставались неясными. Вопреки обычаю сенат назначает консула 67 г. до н.э. Мания Ацилия Глабриона командующим в Вифинии и Понте. Одновременно было объявлено о демобилизации солдат Лукулла, отслуживших свой срок. Указ о демобилизации и назначении нового командующего окончательно подорвал дисциплину в войске Лукулла. Он не смог заставить солдат сражаться с Митридатом и не получил помощи для борьбы с общим врагом от своих коллег: наместника Киликии Квинта Марция и Мания Ацилия Глабриона. К концу лета почти все солдаты Лукулла покинули его. Митридат же не только восстановил свою власть в Понте, но и занял большую часть Каппадокии. Его кавалерийские разъезды опять появились у границ Вифинии. Тщетно Ариобарзан, царь Каппадокии, взывал о помощи к трем римским командирам. Первые два — Марций и Глабрион — просто боялись выступать против властителя Азии, который после стольких поражений опять обрел силу и стоял у границ их владений. Лукулл же, оставшийся без войска, ничего не мог сделать. В результате создавшегося положения римляне потеряли почти половину достижений семи-летней войны. Все их победы оказались призрачными. Надо было срочно искать выход из положения. Впрочем, римляне редко спешили. И в большинстве случаев это было оправдано.⁷ Так было и на этот раз.

Митридат окончательно потерял западнопонтийские города⁸, от него отпали Боспор и Колхида⁹. Города южного побережья были разорены и мало чем могли помочь своему царю¹⁰. С экономической точки зрения положение его царства в случае продолжения войны было безнадежным. Сила понтийского царя состояла в то время только в союзе с Арменией. Но это была внешняя сила. Внутренних же источников своего могущества, античных городов Причерноморья¹¹, Митридат был лишен. Для восстановления нужен был мир. В какой-то мере это понимал и сам Митридат. Он даже отправил своих послов к Помпею, ставшему командующим в войне против него вместо Лукулла. Но ответ римского полководца требовал полной и безоговорочной капитуляции. Принять такие условия после только что одержанных побед Митридат не мог и должен был готовиться к новым боям в разоренной стране. Пока он восстанавливал силы, наказывал изменников, перешедших на сторону римлян, укреплял свои крепости, римляне поочередно громили его союзников. Тем самым был подготовлен и окончательный разгром Понта.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Golenko K V, Karyszkowski P.J. The Gold Coinage of king Pharnaces of the Bosphorus // NCh. 1972 P 30.

2. Т. Моммзен совершенно справедливо пишет, что победа 6 октября 69 года до н.э. остается одной из самых блестящих страниц в славной военной истории Рима. См. Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 59

3 Об отказе римских воннов идти к своему полководцу см. Plut, Luc, XXX

4 О роли Каллимаха и его судьбе см. Максимова М И Античные города С 267-269

5. Тела погибших в этом сражении римлян три года лежали на этом поле непогребенными. См. Plut, Pomp, XXXIX

6 Моммзен Т. История Рима С. 62

7 "Ни одна восточная деспотия, ни одно античное государство Средиземноморья не давали примера столь методически проводившихся, дипломатически подготовляющихся и постепенно нарастающих войн, как это умел осуществлять Рим" См. Мишулин А.В. Объявление войны и заключение мира у древних римлян // Исторический журнал. 1944 № 10-11 С. 112.

8 Дечев Д. Принос към историята на западнопонтийските градове. Известия на историческото дружество София 1950 № 17 С. 59-68

9 Щелов Д.Б. Колхида в системе. С. 39 и сл., его же, Махар, правитель Боспора //ВДИ. 1978 № 1. С. 71; его же, Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор //ВДИ. 1983 № 2 С. 55

10 Более того, некоторые города были разорены самим Митридатом, наказавшим их таким образом за измену Такова, например, была судьба Евпатория

11. Молев Е.А. Митридат Евпатор С. 67

УСПЕХИ И ПОРАЖЕНИЕ СОЮЗНИКОВ

Война на Востоке после сообщений Лукулла о его победах первоначально мало беспокоила римское общество. Гораздо опаснее считалась война с Серторием. В то время как Митридат с превосходящими силами терпел поражения от немногочисленного войска Лукулла, Серторий, имея около 8000 человек постоянного войска, одерживал победы над двадцатитысячной армией Рима, расквартированной в Испании. Союз Сертория с понтийским царем вызвал немалую тревогу в Риме. Еще в 76 г. до н.э. римляне отправили в Испанию одного из своих самых популярных полководцев Гнея Помпея. Но и его прибытие почти не изменило положение дел в этой провинции. Потребовались новые и значительные подкрепления.

И все-таки победить этого своего противника римляне так и не смогли. Он пал жертвой гнусной интриги среди своих сподвижников, стремящихся присвоить себе верховное командование в войне. Весной 72 г. до н.э. Серторий был предательски убит на пиру. Его убийцы, возглавившие войско, не имели никаких достоинств, кроме чванства своим происхождением, и были разбиты Помпеем в первом же сражении. С их разгромом закончилась война в Испании. Приведя в порядок хозяйственные и административные дела в стране, Помпей осенью 71 г. до н.э. вернулся в Рим, куда его срочно вызвал сенат. Кроме Помпея, сенат также отозвал из Фракии войско Марка Лукулла, разгромившего фракийские племена и подчинившего Риму западнопонтийские города. Причиной срочного вызова двух армий были успехи восставших гладиаторов, возглавляемых Спартак. В течение 73 года до н.э., группа бежавших на Везувий гладиаторов увеличилась с 78 до 40000 человек. Вся южная Италия оказалась в руках восставших. Весной 72 г. до н.э. войско гладиаторов двинулось на север. Существует предположение, что Спартак хотел вывести восставших на их родину¹. Однако в ходе восстания к его войску присоединилось много рабов и свободной бедноты италийского происхождения. Для них поход на север был связан лишь с необходимостью разгромить войска римских наместников, чтобы затем обрушиться и на Рим². Связь Спартак и его коллег с понтийским царем не подтверждена ни од-

ним источником. Но полностью исключать ее возможность, по-видимому, нельзя. Как свидетельствует Аппиан, Митридат не упустил ни одной возможности, чтобы причинить вред Риму. Тем более, что контакты с италийцами у него были уже перед его первой войной против Рима³, и в его войске было немало перебежчиков из числа италийцев.

В момент наивысших успехов Спартак погиб главный союзник Митридата Серторий. Сам царь, разгромленный Лукуллом, бежал вглубь страны. Спартак же разбил все вставшие на его пути римские легионы, в том числе две консульские армии. Таких поражений римляне не знали со времен Ганнибала⁴. Таким образом, сама война Спартак с римлянами делала его объективно союзником понтийского царя, а победы, одержанные им, не могли не вызвать стремления у владыки Понта укрепить этот союз. Митридат был не из тех царей, которого могло бы остановить или смутить заключение союза с восставшими рабами⁵. Уже в период своей первой войны он освободил и включил в состав своего войска 15000 рабов. Также он поступал и в дальнейшем. Тем более, что в 72 г. до н.э. Митридат очень нуждался в союзниках.

Как бы там ни было, весной 72 г. до н.э. Спартак наступает на север Италии, а осенью уже поворачивает войско на Рим. Сенат срочно назначает специального командующего для войны с ним. Им стал Марк Красс, один из богатейших людей Рима. Ему были представлены чрезвычайные полномочия. Но и он, располагая восемью легионами, долго ничего не мог добиться и в отчаянии потребовал, чтобы сенат отозвал в Италию армии Помпея и Лукулла⁶. На помощь римлянам пришли раздоры в лагере восставших. Галлы и германцы отделились от Спартак и стали действовать самостоятельно. Внезапным ударом Красс разгромил их и двинулся против главных сил гладиаторов. Последнее сражение произошло в 71 г. до н.э. в Апулии. Перед боем Спартак заколол своего коня. Этим он показал, что ему, как и его товарищам, предстоит победить или умереть. В первых рядах своего войска он обрушился на врага. Жестокий бой, продолжавшийся целый день, закончился победой римлян и гибелью большей части гладиаторской армии. Спартак дрался, как лев. Даже после того, как погибли все его товарищи, он продолжал сражаться один и погиб с оружием в руках "в венце славы почти что достойнейшего полководца". Эта оценка римскими писателями Спартак говорит сама за себя⁷.

С гибелью Сертория и Спартак у римлян освободились значительные силы для борьбы с последними союзниками Митридата

на Средиземном море — киликийскими пиратами. Первый удар был нанесен по острову Крит. Выше мы уже упоминали о победе жителей острова над римским флотом Антония Кретика. Вскоре после этой победы критяне прислали своих послов в Рим с предложением вернуть пленных и восстановить прежние отношения. В ответ сенат потребовал выдачи перебежчиков, победителей флота Антония Ласфена и Панара и всех кораблей, имеющих больше четырех весел. Кроме того, критяне должны были дать 400 заложников и уплатить 4000 талантов контрибуции. Послы отвергли римские предложения, и весной 69 г. до н.э. проконсул Квинт Метелл с тремя легионами высадился на острове. Возле Кидонии его встретила двадцатичетырехтысячная армия Ласфена и Панара. В отличие от многих других полисов собственно Греции и Малой Азии критяне сражались за свою независимость мужественно и с честью. Ценой огромных усилий и больших потерь удалось Метеллу разгромить в поле критское войско. Но и после этого война не прекратилась. Пользуясь почти полной свободой действий на море, жители острова организовали активную оборону городов. Два года потребовалось Метеллу для того чтобы стать хозяином одной из последних независимых территорий Эллады⁸.

Но и победа над критянами еще мало что изменила в положении на Средиземном море. Пираты оставались здесь хозяевами положения. Численность их флота достигала 1000 кораблей. Они захватили и разорили более 400 городов. Причем чаще все о пираты нападали на берега Игалии⁹. Пленников, которые пытались припугнуть пиратов тем, что они римские граждане, ожидала особенно мучительная смерть. Издеваясь над ними, пираты притворялись испуганными и, становясь на колени, умоляли о прощении. Затем они одевали несчастных пленников в римские одежды и спускали с холма среди моря, желая своим жертвам счастливого пути. Тех, кто пытался любыми способами удержаться на кораблях, сталкивали за борт и топили под насмешливые пожелания, свист и улюлюканье экипажа.

В 69 г. до н.э. пират Афинодор напал на остров Делос. Центр международной торговли на Средиземном море был полностью разграблен, а его население продано в рабство. Другой пират Пирганийон захватил сицилийский порт Сиракузы и сделал его базой для своих набегов вглубь острова. С большим трудом наместнику Сицилии удалось заставить пиратов удалиться. Самым лихим и смелым действием пиратов того времени было полное уничтожение римского военного флота в гавани Остии, перед самым Ри-

мом¹⁰. Прямым следствием господства пиратов на море стал застой в торговле и перевозках. Цены на продукты питания в Риме и всей Италии необычайно возросли. Страна стояла на пороге голода (App., Mithr., 93).

В такой обстановке народный трибун Авл Габиний внес предложение назначить командующим в войне с пиратами Гнея Помпея, предоставив ему чрезвычайные полномочия¹¹. Народное собрание Рима встретило это предложение с восторгом, и проект Габиния получил силу закона. Помпей получил главное командование всеми римскими морскими силами, а также сухопутными войсками, расположенными в приморской полосе шириной 400 стадий (около 8 км). Должность сохранялась за ним три года. В помощь ему выделялось 25 легатов из числа преторов и два казначея. При чем назначались все эти люди самим командующим. Численность войска была определена в 120000 пехотинцев и 4000 всадников. Флот, выделенный в распоряжение Помпея, насчитывал 500 судов. Эффект принятия закона Габиния был поразителен. Еще до того, как Помпей начал военные действия, цены на хлеб и другие виды продуктов питания значительно упали¹².

Помпей в полной мере оправдал ожидания своих сограждан. Он разделил всю переданную в его распоряжение территорию на 13 округов, в каждый из которых были назначены особые начальники с определенным числом кораблей и воинов. Задачей каждого отряда было уничтожение пиратов в своем районе. Они должны были также перехватывать вражеские суда, уходящие из других округов. Сам Помпей первоначально объехал все районы, проверяя, как выполняются его распоряжения. Убедившись, что все идет по его плану, и часть пиратов уже уничтожена, либо бежала, он двинулся с главными силами и 60 кораблями в центр пиратства — Киликию. В сражении у Коракесия пиратский флот был разбит. После непродолжительной осады сдались основные крепости и города пиратов. Таким образом, в течение трех месяцев война была завершена. В боях Помпей захватил 71 вражеский корабль. Кроме того, ему сдалось 306 кораблей, 120 городов и крепостей. В плен попало около 10000 пиратов. Для того, чтобы искоренить пиратство, Помпей расселил пленных в местностях, удаленных от моря и малонаселенных. После этого он стал объезжать переданные в его подчинение округа, ожидая известий из Рима.

Римскому полководцу, увенчанному лаврами побед в Испании, Италии, Киликии и на море, страстно хотелось прибавить к ним еще одну победу — победу над Митридатом. Консул Глабрион не

оправдал надежд сената и не сумел закончить войну с понтийским царем. Более того, он даже не решился ее начать. Это давало Помпею надежду добиться получения командования и в этой войне. Тогда с его именем были бы связаны все основные победы Рима того времени. Честолюбие и стремление господствовать сочеталось в этом человеке с большой личной храбростью и постоянными колебаниями в политической жизни. Он все время боялся вызвать недовольство одной из политических группировок в Риме и поэтому почти никогда открыто не добивался осуществления своих желаний. В результате он всегда начинал играть активную роль на последнем этапе событий¹³.

Так, в Испании он фактически закончил войну, в которой определенных успехов добился уже его предшественник Метелл. В Италии Помпей разгромил последний, чудом уцелевший отряд спартаковцев, когда все их войско уже было разгромлено Крассом. Борьбу с пиратами до него вели многие полководцы, но ни один из них не имел таких полномочий, какие были предоставлены Помпею. И теперь, претендуя на должность командующего в войне с Митридатом, Помпей, в действительности, мог только добить уже поверженного противника. Но именно этого от него и ждали.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1 Утченко С.Л. Цнцерон и его время М., 1973. С. 98; Masaoki Doi Spartacus uprising and ancient Thracia // Bull. of the Ancient Orient Museum 1980. V 1. P. 13-26.

2. Халдеев В.В. Проблемы стратегии восстания Спартака // Terra antiqua Balcanica Serdicae — Timovi II 1985 С. 181.

3. Достаточно вспомнить посольство италиков к Митридату с предложением союза См. Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 232, 271

4 Горсков В. Военное искусство Спартака // Военно-исторический журнал. 1972. № 8. С. 82-87

5. Поскольку включение рабов в армию Митридата произошло еще до того, как его войско стало терпеть поражения от римлян (Plut., Sulla., XVIII), есть все основания предполагать такую возможность Ср Danov GHr. Zur Geschichte des Spartacusaufstandes // Spartacus. S. 11

6. Plut., Crass., XI Ср Kunisz A. Armia powstancza Spartacusa i jej wodzowie // Meander 1958 P. 72-75

7. Различные аспекты восстания Спартака рассмотрены на международном симпозиуме, посвященном 2050-летию со дня восстания Спартака, состоявшемся в Благосвирде в 1977 г. См Spartacus: Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A Sofia. 1981

8 Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 67, 68.

9 О социальном составе пиратов, многие из которых прошли рабство, см. Bodor A. The Ethnic and social composition of the participants in the slave uprising led by Spartacus // Spartacus P. 88

10 Снисаренко А.Б. Эвнатриды удачи М., 1990 С. 266

11. Игнатенко А В Древний Рим от военной демократии к военной диктатуре
Свердловск 1988 С 133
12. Моммзен Т. История Рима Т 3. С 95.
13. Seager R Pompey A political biography Oxford. 1979 P. 41 etc

ТРИУМФ ПОМПЕЯ

Весной 66 г. до н.э., находясь в Киликии, Помпей получил уведомление о своем новом назначении. В его полное распоряжение переходили все государства Малой Азии, все войска и флот вне Италии. Никогда еще и никому не было дано таких полномочий для борьбы с врагами Рима. Фактически, как заметил в свое время Плутарх, это было ни чем иным, как подчинением римской державы произволу одного человека (Plut., Pomp., XXX).

Получив то, чего он сам так страстно желал, Помпей предпринял энергичные меры для подготовки к наступлению. Первоначально он отправил послов к Митридату и парфянскому царю Фраату. Под прикрытием якобы начатых переговоров римское войско незаметно стягивалось к границам Понта. Большие потери римлян в предыдущих боях с Серторием, Спартаксом и Митридатом вынудили Помпея призывать к оружию союзников Малой Азии¹ и демобилизованных легионеров Фимбрии. Кроме трех легионов, расквартированных в Киликии, в распоряжение Помпея перешли 5 легионов армии Лукулла. Вместе со вспомогательными отрядами его войско достигло численности свыше 50000 человек.

Вскоре пришло известие о заключении союза с парфянским царем. Прибытие римских послов в столицу парфян оказалось очень своевременным. В это время здесь находился сын Тиграна, царя Армении, носивший то же имя, что и отец. Он попытался захватить власть в Армении, но был разгромлен отцом и бежал в Парфию². Тот факт, что он был сыном Тиграна от Клеопатры, дочери Митридата Евпатора, вызвал ухудшение отношений между армянским и понтийским царями. Учитывая это, парфянский царь предпочел избрать союз с римлянами. Более того, он начал войну с Арменией, чем оказал существенную помощь Помпею, пока тот боролся с Митридатом³.

Прибывшие от Митридата римские послы сообщили своему полководцу об отказе царя Понта от его предложений. Получив это известие, Помпей разделил свой флот на несколько эскадр, каждой из которых была дана задача охраны определенного района побережья от Финикии до Боспора Киммерийского. Сам он высту-

пил против понтийского царя с легионами Лукулла и вызвал к себе три легиона, стоявшие в Киликии.

Войско Митридата Евпатора, состоявшее преимущественно из стрелков, медленно отступало. Его численность теперь была гораздо меньше численности вражеского войска и составляла всего 30000 пехотинцев и 3000 всадников. И если конница еще способна была наносить сильные удары, то пехота годилась только для оборонительных действий. Бои в разоренной и голодной стране были трудными для обоих противников. В конце концов Помпей отказался от стремления решить исход войны в генеральном сражении с царем и двинулся в собственно Понтийское царство. Митридат немедленно последовал за ним и преградил римскому войску путь у горы Дастейра. Хорошо укрепившись здесь, он наносил непрерывные удары римлянам своей легкой конницей и стрелками. На некоторое время Помпей был вынужден даже отступить. Но вскоре подошли его киликийские легионы и римское войско вновь встало лагерем напротив понтийцев.

Помпей расположил цепь постов вокруг лагеря Митридата и стал окружать его валом. Первоначально понтийский царь не придавал значения этим действиям врага. Цепь их постов вокруг его лагеря была не настолько плотной, чтобы ее невозможно было прорвать. Но римляне опустошили окрестности и уже скоро в царском лагере начался голод. Митридат приказал перебить выючных животных, кроме коней, но и этот источник пищи вскоре иссяк. Через 45 дней, после начала блокады, он приказал отступать. Перебив больных и раненых, чтобы они не достались врагу, глубокой ночью понтийцы в полной тишине двинулись в путь на северо-запад. Небольшая группа воинов почти до рассвета оставалась в лагере и поддерживала костры, чтобы обмануть противника. Стремясь сбить со следа погоню и не дать римлянам обнаружить направления отступления своей армии, Митридат вел войско ночами, а днем скрывался в лесах.⁴

Обнаружив бегство неприятеля, раздосадованный Помпей бросил свое войско в погоню и несмотря на меры предосторожности, предпринятые Митридатом, уже на третий день римляне настигли понтийцев. Разгадав замысел Митридата увлечь его за собой в Армению, Помпей решил любой ценой дать ему генеральное сражение до соединения с отрядами Тиграна II. Римские легионеры заняли пути возможного отступления понтийской армии, вынуждая ее к сражению в невыгодных для себя условиях. Но иного выхода уже и не было. Митридат отдал приказ готовиться к бою⁵. Опасаясь,

что царь опять обманет его и уйдет ночью, Помпей в полночь поднял своих воинов и повел их к понтийскому лагерю. Царские часовые вовремя заметили движение войска противника и подняли тревогу. Стрелки и гошпеты Митридата быстро выстроились перед лагерем для боя. Конница частично встала рядом с пехотой, а 800 отборных всадников остались в лагере вместе с царем в качестве резерва. До последней минуты римский полководец колебался — начинать ли ему сражение в полной темноте или дожждаться восхода солнца. Большинство командиров легионов убеждали его не медлить. Но пока он внимал их убеждениям, сражение, как это часто бывает на войне, началось само собой.

Луна, освещающая поле боя, постепенно уходила в ночные облака. Колеблющиеся тени римских легионеров стали постепенно вытягиваться в направлении строя понтийских воинов, создавая иллюзию их движения. Свет заходящей луны бил в глаза воинам Митридата. Зная по опыту прежних боев наступательный порыв римлян, они не сомневались, что враг приближается. Едва тени римлян достигли их строя, они обрушили на них град стрел и копий. Но их метательные снаряды ударили в пустоту. Заметив это, римские легионеры, не дожидаясь приказа о наступлении, бросились в атаку. Воины же Митридата, видя, что их оружие не причинило вреда врагу, обратились в бегство. Но бежать было некуда. Лагерь был окружен отвесными скалами. Многие воины погибли, падая с них. Другие были уничтожены подошедшими римлянами или затоптаны в бегстве своими товарищами. Едва понтийская пехота обратилась в бегство, Митридат с восемью сотнями всадников резерва бросился на врага. Давя своих и чужих, он прорвался сквозь строй римских войск. Следом за конницей устремилась часть понтийской пехоты, еще сохранившая организованность. Но вырваться удалось лишь немногим. Около 10000 воинов Митридата нашли свою смерть в этом его последнем сражении с римлянами. Сам он вскоре остался всего лишь с тремя всадниками. Среди них находилась и наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость. Она была одета в мужскую персидскую одежду и участвовала в бою рядом с царем. Беглецы прибыли в крепость Синорию, где у Митридата было большое количество сокровищ. Вскоре в крепости собралось около 3000 царских воинов,целевших после сражения. Митридат роздал им в качестве подарков часть сокровищ и кроме того выдал плату за службу за год вперед. Как только римляне стали приближаться к Синории, он нагрузил на повозки свою казну (около 6000 талантов) и двинулся к исто-

кам Ефрата. Однако, когда он вступил в Армению, пришло известие, что Тигран II приказал схватить послов Митридата и объявил награду за его голову в 100 талантов⁶. Обманувшись в своих надеждах, понтийский царь решил отступить в Колхиду. На четвертый день бегства из Синории он перешел Ефрат. В течение грех дней войско отдыхало и пополнялось за счет местного населения. Затем Митридат перешел Апсар и двинулся по направлению к городу Диоскурия. Часть его войска осталась в качестве гарнизонов небольших крепостей. Их задачей было задержать продвижение противника.

Помпей, тем временем, вторгся в Армению. У реки Аракса римлян встретил мятежный сын Тиграна II и повел их против отца. Но последний вовсе не желал войны. Он сам явился в римский лагерь и, сложив свою диадему к ногам победителя, упал перед ним на колени. Обрадованный неожиданной удачей, Помпей предложил ему относительно мягкие условия мира. Царь должен был выплатить римлянам 6000 талантов и владеть только собственно армянскими землями. Тигран согласился с этими условиями⁷. Так вышел из войны еще один союзник Митридата.

Оставив часть войска во главе с Афранием для охраны Армении, Помпей двинулся в погоню за понтийским царем. Начинаясь зима и он спешил закончить войну. К тому же по его сведениям Митридат больше не располагал силами для крупных операций, а уйти из Колхиды ему было некуда. Кавказские горы уже уничтожили в 80-м году до н.э. одно его войско, а за горами правил Махар, перешедший на сторону римлян⁸.

Однако, Помпей недооценил политическое влияние царя Понта на Кавказе. Митридат имел здесь надежных и верных союзников. Чтобы обеспечить себе мирную передышку и задержать вторжение римлян в Колхиду, он уступил восточную часть страны с крепостью Иггорунами царю Иберии⁹. Когда римское войско подошло к реке Кирну (совр. Кура), путь ему преградило семидесятитысячное иберо-албанское войско. Наведя мост через реку, римляне атаковали противника. Союзники не выдержали натиска римлян. Их войско рассеялось по окрестным лесам и начало партизанскую войну. Не видя иного способа одолеть неприятеля, Помпей приказал поджечь лес. Но и это не сломило их сопротивления. Римский полководец вынужден был расположить свое войско на зимние квартиры и вступить в переговоры с царями иберов и албанов.

Прежде всего он постарался разъединить силы противников. И это ему удалось. В дальнейшем албаны и иберы выступают против

римлян отдельно друг от друга. Путь в Колхиду лежал через владения иберов, поэтому Помпей постарался заключить перемирие прежде всего с ними. Албаны также пообещали пропустить римские войска. Но не устояли перед искушением попытаться уничтожить римлян, пользуясь разобщенностью их отрядов, расположившихся на зиму тремя лагерями. 17 декабря 66 г. до н.э., когда римляне отмечали праздник Сатурналий, сорокатысячное войско албанов обрушилось на их лагерь¹⁰. Однако, удар их не оказался неожиданным для римлян. К тому же нападение было совершено на все три лагеря одновременно, что ослабило силу удара на каждый в отдельности. Пока два лагеря отбивали атаки, Помпей обратил в бегство напавших на его лагерь и преследовал их до Кирна. Затем он напал с тыла на остальные отряды и разгромил их. Албанский царь запросил мира. Не желая подвергать армию опасностям зимней войны в горах, Помпей заключил мир с албанами.

Весной 65 г. до н.э. римское войско перешло Кирн и вступило в Иберию. Ведя партизанскую войну, иберийское войско отступало вглубь страны. Римляне штурмом овладели иберийскими крепостями Гармозикой и Севсаморой, господствующими над долинами Кирна и Арагвы. Затем в решительном сражении у реки Пелора разгромили основные силы иберов и, получив заложниками детей царя, заключили мир¹¹. Путь к Колхиде был открыт. Перейдя из долины Кирна в бассейн Фасиса, Помпей повел войско вдоль берега этой реки к морю. По пути он штурмом овладел древней столицей Колхиды, расположенной близ современного города Вани. Понтийский гарнизон оказал отчаянное сопротивление римлянам. Следы сильных боев у стен этой крепости открыты недавно грузинскими археологами¹². В начале лета 65 г. до н.э. римское войско подошло к городу Фасису. Здесь его встретила эскадра Сервилия, назначенная охранять Понт Эвксинский. В Фасисе Помпей узнал неприятную для себя новость — Митридат опять, уже который раз ускользнул от карающего меча римлян.

Проведя зиму в Диоскурии, царь Понта взвесил все свои шансы на продолжение борьбы и пришел к выводу, что капитулировать еще рано. Его войска не раз ходили походом в Скифию и на Боспор. Здесь они не знали поражений. Неудачи понтийцев в войнах с римлянами ни в коей мере не подорвали веры в могущество понтийского царя. Учитывая это, Митридат принял решение пробиваться через горы к Боспору и оттуда начать новый поход против римлян через Фракию¹³. Фракийские племена, недавно разгромленные, но не покоренные Марком Лукуллом, опять волнова-

лись и могли оказать существенную поддержку понтийскому царю. Впоследствии они действительно восстали и даже разгромили посланную против них армию проконсула Македонии Л. Манлия Торквата, а затем и Г. Антония Гибриды.

Ранней весной, когда римляне воевали еще с иберами, понтийское войско вместо того, чтобы помочь этим своим союзникам, покинуло Диоскурию и двинулось на Север. Убедившись в невозможности преследовать Митридата, а также получив известие о новом восстании албанов в тылу римской армии, Помпей повернул свое войско на юг. Римскому флоту был отдан приказ установить теснейшую блокаду Боспора. По мнению Помпея, эта блокада должна была привести к голоду в войске Митридата и его капитуляции. Как мало знал римский полководец (и не только он) об этой окраине античного мира, если надеялся победить Митридата таким образом!¹⁵

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. По подсчетам Г. Дельбрюка уже во II в. до н.э. римская армия состояла на 2/3 из союзников. См. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., Л., 1936. Т. 1. С. 335. Не удивительно, что Помпей обращается за помощью даже к малоазийским союзникам, уже не раз показавшим свою малую боеспособность, но все же пригодным для военной службы.

2. Манандян А. Я. Тигран II и Рим. С. 125 и сл.

3. Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 105.

4. Бенгтсон называет этот прорыв героическим поступком Митридата. См. Бенгтсон Г. Правители... С. 316. Более правильно было бы его оценивать как удавшуюся военную хитрость.

5. О последних сражениях Митридата с Помпеем из новейшей литературы см. Wirth G. Pompeius — Armenien — Parther. Mutmassungen zu einer Bewältigung einer Krisensituation. // *Binner Jahrbücher*. 1983. № 183.

6. Seager R. Pompey. P. 46.

7. Wirth G. Op. cit. S. 17-18.

8. Gajdukevic V F. Das Bosporianische Reich. Berlin. 1971. S. 318f.

9. Лорджипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. С. 128.

10. Wirth G. Op. cit. 21.

11. Wirth G. Pompeius im Osten. // *Klio*. 1984. № 66. S. 574-580.

12. Лорджипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. С. 89.

13. Молев Е. А. Западнопонтийские города. С. 289.

14. По мнению Р. Вирта, Митридат оставил Диоскурию в последний момент. См. Wirth G. Pompeius — Armenien — Parther. S. 27. Ср. Дреер М. Помпей на Кавказе Колхиды, Иберия, Албания. // *ВДИ* 1994. № 1. С. 27.

15. Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим... С. 38. и сл.

ТУТ ЗАКОЛОЛСЯ МИТРИДАТ...

Выйдя из Диоскурии с тремя-четырьмя тысячами человек¹, Митридат быстро двинулся вдоль побережья. Племя гениюхов встретило его дружески и пропустило через свою территорию. Но следующие за ними ахейцы оказали сопротивление. На этот раз Митридат разгромил их и вступил на территорию бывших азиатских владений Боспора. Теперь здешние племена приобрели самостоятельность и образовали несколько независимых княжеств. Все они дружески приняли понтийское войско и заключили союз с Митридатом. Для укрепления этого союза Митридат отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей.

Получив известие о прибытии отца, Махар бежал из Пантикапея. Перед этим он приказал уничтожить корабли, охраняющие Боспор Киммерийский (Керченский пролив), чтобы воины царя не могли его преследовать. Зная непримиримость Митридата к предательству, Махар не стал дожидаться прибытия за ним погони и вскоре покончил жизнь самоубийством². Странно, что он не бежал к римлянам, тем более, что море уже находилось в их власти и сам он еще Лукуллом был признан другом и союзником римского народа. Но не будем гадать о причинах такого его поступка.

Таким образом, к лету 65 г. до н.э. Митридат вернул северную часть своих владений. Убедившись в прочности своего положения на Боспоре и недостижимости для римлян³, Митридат отправляет посольство к Помпею с предложением мира. Он обещает не претендовать на соседние земли и платить римлянам дань за свое родное царство. Но Помпей опять потребовал полной капитуляции и личной сдачи Митридата, прямо указав на пример Тиграна II. На это понтийский царь ответил, что он пока еще Митридат, а не Тигран, и на столь позорную капитуляцию никогда не согласится. Однако, он ответил, что готов отправить для ведения переговоров и в качестве заложника одного из своих сыновей или друзей. Прекрасно понимая, что такой ответ не устроит Помпея, он сразу после отправления посольства стал собирать войска и готовить оружие и военное снаряжение. В войско включались не только свободные боспоряне, но и рабы. Для строительства боевых кораблей и осадных машин не жалели леса, рабочих быков и самих людей.

При этом все население было обложено новыми налогами. Причем сборщики налогов, по своему обыкновению, взимали с боспорян гораздо больше, чем было положено.

А между тем, сельское хозяйство, ремесла и торговля — все основные источники богатства боспорян вследствие блокады римского флота пришли в упадок⁴. Этому же способствовал уход в армию рабов и свободной бедноты, уничтожение для нужд армии рабочего скота. Сложившееся положение вызывало недовольство всех слоев населения городов и сел Боспора. Пока шли переговоры с римлянами и была неясна перспектива дальнейших действий царя, боспоряне давали ему все необходимое. Но уже вскоре неизбежность продолжения войны стала очевидной. Причем не просто войны, а тяжелого и дальнего похода.

Находясь в Пангикапее, Митридат окончательно разрабатывает новый план ведения войны, который зародился у него еще в Диоскурии⁵. Он решает вторгнуться в Италию и разгромить врага на его территории, подобно Ганнибату. С этой целью он рассылает посольства к фракийцам, бастарнам, скифам и сарматам с предложением принять участие в этом походе. Его предложения и в самом деле встретили поддержку у многих из этих племен. В Пангикапей стали прибывать не только послы, но и новые отряды варваров, вступающие в войско понтийского царя. Прибыли даже отряды кельтских племен, на которых Митридат возлагал особые надежды. К осени 64 г. до н.э. войско достигло численности 36000 человек. Но это был колосс на глиняных ногах. Боспоряне и многие ветераны Митридата, в том числе и его ближайшие друзья, не хотели продолжения войны. Поход же в Италию казался безумием всем без исключения.⁶ Смутно ощущая шаткость своего положения, Митридат стремится укрепить его расстановкой в городах Боспора варварских гарнизонов, но это только окончательно подрывает к нему доверие со стороны боспорян⁷. Их прежде пассивное сопротивление переходит в активное военное выступление против понтийского царя.

Почин положили города азиатского Боспора. Когда понтийский гарнизон прибыл в Фанагорию, один из жителей города, по имени Кастор⁸, убил евнуха Трифона, командующего отрядом. Вслед за этим он призвал фанагорийцев к восстанию против царя, который хочет якобы их всех сделать рабами варваров. Тем временем, понтийский отряд занял акрополь города. Но сыновья Митридата, посланные с войском, оказались плохими стратегами и не смогли удержать город. Возбужденные Кастором фанагорийцы

взялись за оружие и осадили понтийцев в акрополе. Поскольку последние не сдавались, они обложили стены акрополя дровами и подожгли их. Напуганные пожаром сыновья Митридата Дарий, Оксатр, Артаферн, Ксеркс и дочь Эвпатра сдались в плен. Но небольшой отряд воинов во главе с дочерью Митридата Клеопатрой прорвался сквозь ряды фанагорийцев и, укрепившись в приморской части города, отчаянно сопротивлялся. Узнав о случившемся, Митридат немедленно отправил на помощь своим несколько кораблей с подкреплением. Но они смогли лишь спасти отряд Клеопатры. Взять Фанагорию оказалось выше их сил⁹.

Известие о восстании Фанагории быстро облетело города Таврики. Пока Митридат колебался — уничтожить ли непокорный город или оставить без внимания дерзость фанагорийцев, начались восстания в других городах. Отказались подчиняться Митридату Херсонес, Феодосия, Нимфей. Причем последний находился совсем рядом с нынешней резиденцией понтийского царя. Усилилось недовольство и в войске. Солдаты не желали подчиняться полководцам, терпящим сплошные неудачи в боях. Видя все это, Митридат отправляет посольства к царям скифов с просьбой прибыть к нему с войском. Для закрепления союза он посылает им в жены своих дочерей. Но воины, отправленные царем для охраны девушек, захватили их в плен и, перейдя в стан врагов царя, отправили его дочерей к Помпею. Это лишало понтийского царя надежды на помощь скифов. Но он и на этот раз не потерял присутствия духа. Отказавшись от попыток расставить гарнизоны по городам Боспора, он ускоренным темпом продолжил подготовку к походу в Италию.

Но теперь даже природа выступила против него. Весной 63 г. до н.э. на европейской территории Боспора произошло сильнейшее землетрясение, разрушившее не только города, но и поля (Dio., Cass., XXXVIII, II, 4)¹⁰. Для боспорян, разоренных поборами понтийского царя, оно было тяжелым ударом. В Пантикапее подверглись разрушению почти все здания. Жилые дома, храмы, дворцы, хозяйственные постройки, ровными террасами поднимавшиеся к акрополю, превратились в груды развалин. Разрушены были даже подпорные стены террас. Стихийное бедствие вынудило Митридата отсрочить время выступления войска в поход. Тем более, что и его воины были напуганы землетрясением и восприняли его как свидетельство того, что их поход не угоден богам. Как бы там ни было, но само по себе землетрясение в значительной степени увеличило число противников Митридата на Боспоре и в его собст-

венном лагере. Участились случаи дезертирства и заговоров против царя даже среди его ближайшего окружения. Не надеясь добиться мира и вернуть себе прежнее положение, оставаясь верными Митридату, царедворцы и полководцы царя предпринимают попытку передать власть его сыну Фарнаку.

Этого своего сына Митридат ценил выше всех и не раз объявлял, что именно он будет преемником его власти. Посвященный заговорщиками в планы переворота, Фарнак не сразу решился на выступление против отца. Он лучше других понимал, что отстранить от власти отца и добиться мира с римлянами можно только одним способом — убить Митридата. И не хотел этой крайней меры. Тем более, что он и так оставался фактически единственным наследником. Пока он колебался, заговор был раскрыт. Схваченные заговорщики были подвергнуты пыткам и открыли царю свой замысел. В гневе Митридат приказал схватить Фарнака и предать его мучительной казни. Но стратег Менофан уговорил престарелого царя не спешить с казнью. Он сказал, что сам Фарнак в этом случае лишь жертва и что заговор в его пользу связан лишь с продолжением войны. Как только война прекратится, все вернется на свои места. По-видимому, и этот оставшийся вне заговора стратег Митридата втайне сочувствовал заговорщикам и сумел правдиво объяснить царю то, что мятежники пытались вырвать у него силой. Убеденный Менофаном, Митридат отпустил сына и это было его последней, роковой ошибкой.

Осудив на себе дыхание смерти, Фарнак решился на открытое выступление против отца. Зная, что лучшего времени может и не быть, он начинает действовать немедленно. В ту же ночь, как его освободили из-под стражи, он отправляется в лагерь римских перебежчиков. Это была наиболее боеспособная часть войска Митридата. К тому же они лучше других представляли опасности похода в Италию. Они легко согласились поддержать Фарнака. Вслед за этим последний разослал своих сторонников по другим военным лагерям. Когда ближайшие к римскому лагерю воины сообщили о своей готовности поддержать Фарнака, он отдал приказ начать мятеж.

Еще не успел рассеяться утренний туман, как построенные в стройные колонны римские перебежчики, издав боевой клич, ринулись на Пантикапей. Воины из ближайших лагерей подхватили этот клич и двинулись вслед за ними. Затем воинский клич подхватили моряки флота и воины других лагерей. Не подозревая о новом заговоре и не зная реальных сил мятежников, они, тем не ме-

нее, примкнули к ним вследствие страха, вызванного столь неожиданным выступлением своих товарищей.

Проснувшийся от криков Митридат послал слуг узнать в чем дело. Получив известие о мятеже, во главе которого стоял только что освобожденный из-под стражи Фарнак, Митридат поспешно собрался и с небольшим отрядом личной гвардии поскакал навстречу римским перебежчикам. Но они не дали ему говорить. При этом часть телохранителей царя перешла к мятежникам. В него полетели стрелы, камни, копья. Митридат повернул коня. Один из его телохранителей ударил коня мечом. Пораженный конь взвился на дыбы, но Митридат успел соскочить на землю и, обнажив меч, с горсткой оставшихся верными ему людей, пробился к акрополю. Здесь с ним укрепились несколько десятков воинов-галлов. Они оказали отчаянное сопротивление и отбили первый натиск мятежного войска. Для галлов, которые пришли в войско Митридата добровольно и только потому, что он обещал им помочь в освобождении их Родины от ига римлян¹¹, понтийский царь был олицетворением их собственной свободы и они дрались за него на смерть.

В то время, как часть войска продолжала штурм акрополя, другие собрались у храма Аполлона и под восторженные крики объявили Фарнака царем. Видя все это с вершины акрополя, Митридат послал одного за другим нескольких гонцов к Фарнаку, соглашаясь признать его царем Боспора и требуя взамен для себя права свободного выхода из города. Но никто из его посланцев не возвратился. Это и было ответом Фарнака — сына и наследника. Плен и позорное шествие в триумфе римского полководца с последующей казнью — вот что встало перед глазами Митридата¹².

В последний раз семидесятилетний царь окинул прощальным взглядом свою северную непокорную столицу, ее предместья и пригороды, величественные линии курганов, зеленые степные просторы и бескрайнее синее море, уходящее за горизонт. Повернувшись к личной охране и друзьям, остававшимся с ним, он поблагодарил их за все и, пожелав им быть столь же верными новому повелителю, отпустил их к Фарнаку. Затем вошел во дворец и вынул яд, который всегда носил с собой в рукоятке меча. Высыпав его в небольшой кратер, он стал смешивать его с водой. Увидев это, две его еще совсем юные дочери, Митридатисса и Ниса, просватанные накануне последней войны за царей Египта и Кипра, потребовали, чтобы сначала он дал им выпить яд. Митридат отказался, но они настойчиво требовали и со слезами на глазах умоляли отца не ос-

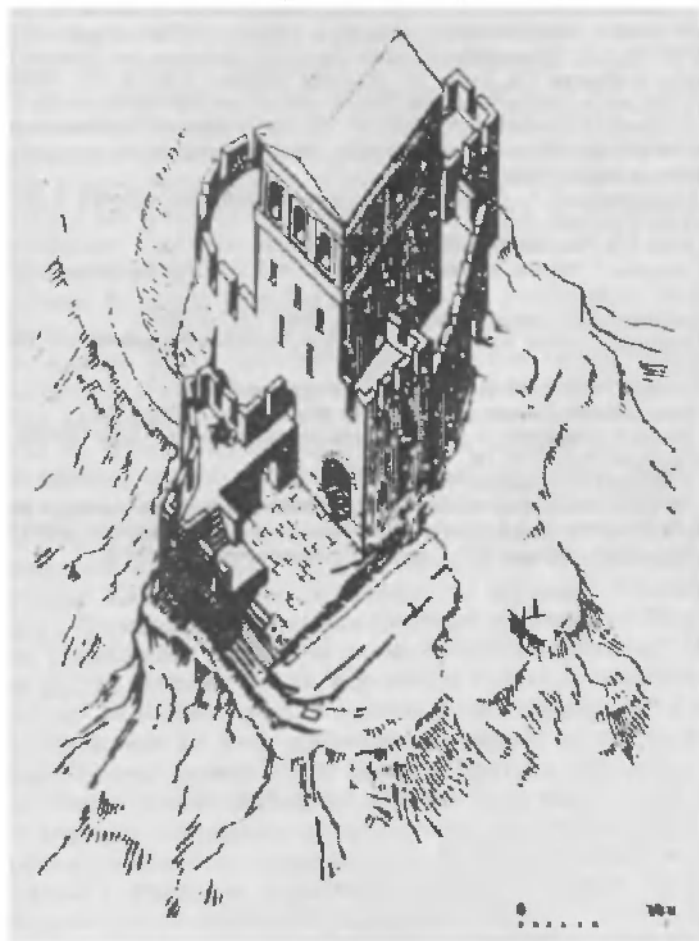
тавлиять их на позор в триумфе его врагов. В конце концов они добились своего и, выпив яд, тут же скончались. Митридат же, несмотря на то, что, пытаясь ускорить действие яда, нарочно ходил взад и вперед по комнате, оставался жив. В это время к обессилевшему царю вбежал командир телохранителей галл Битоит. Митридат позвал его к себе и сказал: "Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, но самая большая будет мне помощь, если ты теперь окончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном триумфе, мне, бывшему столь долгое время самодержавным правителем этой страны. Я не могу умереть от яда вследствие моих глупых предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда — неверности войска, детей и друзей — я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и сумел от них уберечься" (App., Mithr., III). Потрясенный этими словами, галл нанес смертельный удар царю и вслед за этим поразил себя.

Так погиб царь Митридат VI Евпатор. Фарнак отправил труп своего отца и многочисленных заложников в Синопу к Помпею. Но римский полководец в это время находился уже в Сирии. Его войско, узнав о гибели Митридата, устроило бурную овадию своему полководцу. Воины совершали жертвоприношения и устраивали угощения, как будто в лице Митридата погибли сразу десятки тысяч врагов. Помпей устроил пышные похороны Митридату, восхищаясь его великими подвигами и считая лучшим из царей своего времени. Фарнак получил за свою измену корону Боспорского царства. Но его правление оказалось недолгим. В 47 г. до н.э. он решил восстановить державу отца, пользуясь гражданской войной в Риме, и вторгся в Малую Азию¹³.

Однако римляне не собирались уступать своих завоеваний. Как только Цезарь разгромил своих прочих противников, он стремительным маршем прошел из Египта в Понт и у городка Зела наголову разбил войско Фарнака. Последний был отпущен на Боспор. Здесь он узнал, что оставленный им наместник Асандр поднял против него мятеж и захватит власть в свои руки. В сражении с мятежниками у стен Пантикапея Фарнак был убит. С его смертью пресекся род Митридата по мужской линии. Асандр женился на дочери Фарнака Динамии и положил начало новой династии боспорских царей, правившей здесь более трехсот лет.

В течение этих лет Рим не раз пытался укрепить свои позиции в этом районе и даже превратить Боспор в свою провинцию. Но

каждый раз боспоряне, опираясь на поддержку соседних варварских племен, оказывали ему энергичное сопротивление. При этом правители Боспора сразу вспоминали свое происхождение от славного Ахеменида и возвращались к старым митридатовским лозунгам. Итогом этой борьбы стало то, что Боспор сохранил свою независимость и единственным из античных государств древности пережил Рим, вступив в новую историческую эпоху.

Реконструкция акрополя Пантикапея, где погиб Митридат
Реконструкция В. П. Толетикова

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. По-видимому, это было все, что осталось у Митридата. Он не оставил гарнизо-
на в Диоскурии не потому, что его позиции здесь были слабыми (Ср. Сапрыкин С.К.).
Понтийское царство. Дисс. С. 315), а потому, что избрал иной способ ведения войны.
2. Таково мнение Алпиана (Mithr., 102). Дион Кассий (XXXVI. 50, 2) и Павел
Оросий (VI, 5.3) сообщают, что он был убит по приказу отца. Но это менее вероятно
См. Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора //ВДИ. 1978. № 1. С. 71; Бенгтсон Г. Пра-
вители... С. 317.
3. Причины, по которым Помпей не стал преследовать Митридата в Колхиде, уже
античные авторы оценивали по-разному (App. Mithr., 103; Plut., Pomp., 35.1; Dio.,
Cass., XXXVII, 3, 2) Не исключено предположение М. Гельцера, что Помпею просто
не хватило храбрости. См. Gelzer M. Pompeius. Stuttgart. 1984. S. 87f. Мнение М.
Дреера о том, что в действительности Помпею уже не было причин опасаться Митри-
дата (Ср. Дреер М. Помпей на Кавказе... С. 28), менее вероятно. Достаточно вспо-
мнить, что на Боспоре Митридат собрал войско, превосходящее по численности его ар-
мию накануне войны с Помпеем.
4. Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную
эпоху. Докторская диссертация. М., 1993. С. 392 и сл.
5. Молев Е.А. Западнопонтийские города... С. 290.
6. Saccorino J. Histoire Romaine. Paris. 11. 1950. P. 622; Ср. Бенгтсон Г. Правите-
ли... С. 318.
7. Gajdukevic V.F. Das Bosporanische reich. Berlin. 1971. S. 321.
8. Непонятно, почему Бенгтсон называет его родосским историком. См. Бенгтсон
Г. Правители... С. 318.
9. Ломоурн Н.Ю. К истории Понтийского царства. С. 114.
10. Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976. С. 10.
11. Navas L. Mithridate et son plan d'attaque contre l'Italia // Acta Classica. Univ.
Scient. Debrecen. 1968. IV. P. 18.
12. Бенгтсон Г. Правители... С. 319.
13. Об этих событиях см. Калистов Д.П. Этюды по истории Боспора в римский
период //ВДИ. 1938. № 4.5. С. 176-178; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.,
1949. С. 111-113; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье... С. 56-64.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошли века... Теперь уже более двух тысяч лет отделяют нас от того времени, когда происходили события, описанные на страницах этой книги. И, говоря словами знаменитого римского поэта-философа Луция Аннея Сенеки, "мало осталось теперь от великой когда-то державы". Но в истории ничто не исчезает бесследно. Стерлись в памяти человечества многие древние имена, утратили свою яркость и живость детали событий, но все они нашли свое отражение в народных песнях, легендах, сказаниях, произведениях искусства и литературы, в исторических трудах. И недаром историю называют учителем жизни. Такой она была всегда. Не надо лишь забывать ее уроков.

Научное изучение жизни и деятельности Митридата VI Евпатора началось с середины XIX века. По мере появления новых источников (а их число увеличивается с каждым годом, благодаря трудам археологов) литература о нем растет количественно и изменяется качественно. Шире и глубже охватываются различные стороны его многогранной деятельности и личной жизни. В силу многих причин, отмеченных уже античными авторами, общественный интерес к митридаатовской проблематике все возрастает. Сейчас уже никто не сомневается, что этот понтийский царь был исключительной личностью. Но вот считать ли его выдающимся правителем? Как оценивать созданную им державу, охватившую все берега Черного моря? Была ли обречена его борьба с Римом на неуспех изначально, или была возможной альтернатива? Эти и многие другие вопросы до сих пор нельзя признать окончательно решенными. И дело не только в недостатке источников, но и в том, что многие из них не дают однозначного ответа на поставленные вопросы. Ученые разных стран высказывают по ним самые различные, порой противоположные мнения. Безусловно, в такой ситуации каждому очередному исследователю биографии понтийского царя все труднее вести поиск истины. Приходится вновь и вновь обращаться к чтению и осмыслению первоисточников, преодолевая давление уже сложившихся концепций и схем.

Но уже сейчас кажется возможным, оценивая в совокупности все условия деятельности Митридата, признать его выдающимся

правителем своего времени. Прежде всего потому, что таковым его считали современники и ближайшие последующие поколения античной эпохи. Достаточно привести оценку римского историка I в. н.э. Веллея Патеркула, которого никак не заподозришь в привязанности к понтийскому владыке: "Митридат, царь Понта, муж, о котором нельзя ни умолчать, ни говорить с пренебрежением, в войне полный решимости, выделяющийся воинской доблестью иногда великий своей удачливостью, но всегда — храбростью, замыслами был вождь, в битвах воин, по ненависти к римлянам — второй Ганнибал" (Vel., Pat., II, 18).

Другой оценкой деятельности Митридата как правителя стало принятие им титула "царь царей", который в это время носил лишь наиболее заслуженный правитель Ближнего Востока. Правда этот титул после поражения Митридата в первой войне с римлянами перешел к Тиграну II. Но мы уже видели, насколько велика была разница между этими монархами, чтобы оценивать преемника выше предшественника. И то же самое можно сказать о других ближайших предшественниках и преемниках Митридата по этому титулу. При этом нельзя забывать, что Тигран II и парфянские цари выступали прежде всего как правители своего народа, а царь Понта изначально был правителем многонационального государства, что, несомненно, осложняло его функции как правителя. Важным критерием оценки главы государства является прочность созданной им державы. Нам уже приходилось отмечать, что созданное Митридатом всепонтийское государство было достаточно жизнеспособным и в экономическом, и в военном отношении. Недаром идея всепонтийского объединения продолжала жить и после смерти Митридата.

Тем не менее мощь римской республики была неизмеримо выше. А политика Рима на Востоке не оставляла Митридату выбора. Подчинение и превращение во второстепенного правителя, послушного исполнителя, каковыми уже стали его соседи — вот была его перспектива, с одной стороны, и борьба за подлинную независимость своего государства — с другой. Он избрал последний путь.

Но поступи он иначе, он не был бы тем Митридатом, образ которого оказался столь привлекательным как для минувших, так и для нынешних поколений и который, именно благодаря этому своему выбору, навсегда останется в истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
МОПДЭ	— Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник.
ПЭЭ	— Причерноморье в эпоху эллинизма.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ANRW	— Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt. B., N-Y. 1972.
RE	— Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
RhM	— Rheinisches Museum.
WBR	— Waddington W., Babelon E., Reinach T/ Recueil general de l'Asie Miheure.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Потомки Ахеменидов	9
Юность Митридата Евпатора	23
Эвксинские войны.....	31
Повелитель Азии.....	54
Против римского владычества, за всеобщую свободу	64
Накануне решительного столкновения.....	83
Последняя война	95
Возвращение Митридата	112
Успехи и поражение союзников	121
Триумф Помпея	127
Тут закололся Митридат.....	133
Послесловие	141

Евгений Александрович Молев

ВЛАСТИТЕЛЬ ПОНТА
МОНОГРАФИЯ

Редактор Н.В. Артемьева

Компьютерный набор, корректура и верстка М. Зинина, Е. Шуманова

11Б 414

Темплан 1995, позиция 74

Лицензия № 020235 от 16.01.91

**Сдано в набор 07.06.95. Подписано в печать 25.06.95.
Формат 60х84 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс, Академня. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 11,5.
Заказ № 804. Тираж 1000 экз. С. 192**

**Издательство Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского 603600, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23**

Типография ИИИУ, И. Новгород, ул. Б. Покровская, 37
